КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

1894 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 2 Мая 1894 г.

Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Неразработанность южно и западнорусской литературы стараго времени. — Рѣчь Мелешка — политическій памфлетъ XVI в. — Особенности списка гр. Сѣрковскаго въ польскомъ переводѣ Нѣмцевича и малорусскомъ Кулиша.—Переводъ „Рѣчи" на современный литературный языкъ.—Несообразности Рѣчи, какъ историческаго документа, доказывающія ея литературное происхожденіе.—Содержаніе.—Національныя антипатіи.—Нѣмцы.—Поляки.—Бытовая сатира.—Одежда.—Пища.—Женщины.—Параллели изъ Іоанна Вишенскаго и думъ.—Языкъ.—Характерныя выраженія и слова.—Справки въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1589 г.—Объ авторѣ и времени происхожденія Рѣчи Мелешки.

Старинная южнорусская литература изслѣдована очень мало. До сихъ поръ не сдѣлано простого библіографическаго подсчета южнорусскихъ литературныхъ памятниковъ стараго времени, т. е. до Котляревскаго, съ котораго можно начинать новую литературу. Совсѣмъ не опредѣлены географическіе предѣлы старинной литературы, внутренняя связь памятниковъ, зависимость ихъ отъ литературъ западно-европейскихъ и польской, степень вліянія малорусской письменности на литературы сосѣднихъ народовъ. Вообще, трудно разобраться въ богатомъ и сложномъ литературномъ и культурномъ наслѣдствѣ, завѣщанномъ намъ предками въ памятникахъ литературы и народной словесности. Наиболѣе правильный путь для такого разбора—обстоятельное монографическое изслѣдованіе каждаго памятника, каждой пѣсни, въ широкой сравнительной обстановкѣ исторической и литературной. Для прочности научнаго зданія нужно подобрать по величинѣ каждый камень и положить его въ надлежащее мѣсто въ рядъ съ другими на крѣп-

комъ цементѣ. Прежде всего нужно опредѣлить количество матеріала, не вторгаясь въ сосѣднія области знанія, но и не оставляя въ нихъ того, что относится всецѣло, или въ значительной части, къ исторіи литературы.

Во 2 т. „Актовъ Юж. и Запад. Россіи“ (подъ № 158) издана „*Рѣчь Ивана Мелешка, каштеляна смоленскаго, произнесенная имъ на варшавскомъ сеймѣ 1589 года въ присутствіи короля Сигизмунда III*“. Н. И. Костомаровъ въ изслѣдованіи о южной Россіи конца XVI в. [1]) пользовался этой рѣчью еще въ рукописи и сдѣлалъ нѣсколько извлеченій изъ нея для характеристики южнорусскаго общества конца XVI в. Историки литературы, наприм. проф. Огоновскій, о рѣчи Мелешка умалчиваютъ, вѣроятно, относя ее въ разрядъ „актовъ“, т. е. формально историческихъ памятниковъ, и съ такимъ значеніемъ формальнаго документа Рѣчь Мелешка попала даже въ христоматіи. Въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы авторомъ рѣчи считать смоленскаго каштеляна Мелешка и видѣть въ ней сеймовую рѣчь 1589 г. Опираясь на конституціи варшавскаго сейма 1589 г. и прежде всего на самую „Рѣчь“, можно думать, что въ формѣ этой рѣчи мы имѣемъ чисто литературный памятникъ—политическій памфлетъ и бытовую сатиру конца XVI в., съ вымышленнымъ именемъ Мелешка, или историко-политическій апокрифъ, приписанный смоленскому каштеляну Мелешкѣ. Самое имя Мелешко и нынѣ часто встрѣчается въ фамильныхъ названіяхъ и уличныхъ кличкахъ въ значеніи пустомели.

Рѣчь И. Мелешка, какъ литературное произведеніе, ходила въ разныхъ рукописяхъ, съ дополненіями и сокращеніями, мѣстами совсѣмъ измѣнявшими смыслъ памятника. Такъ, списокъ рѣчи, изданный во II т. „Актовъ Ю. и З. Р.“, значительно отличается отъ списка гр. Сѣрковскаго, изданнаго въ переводѣ

---

[1]) См. „Историч. монографіи“ *Костомарова* III 195.

на польскій языкъ въ „Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze“ *Нѣмцевича* II 341—344, и перепечатаннаго въ переводѣ на малор. языкъ г. *Кулишомъ* въ „Основѣ“ 1862 VI 13—16 [1]).

---

[1]) Главныя особенности слѣдующія:

1) Только за покойниковъ князевъ нашихъ (въ Актахъ Ю. и З. Рос. II № 158); у Нѣмцевича съ небольшой добавкой: „bo za nieboszczyków Wielkich Książąt naszych Litewskich (Нѣмцевичъ)“; бо за небожчикивъ великихъ княжатъ нашихъ Литовскихъ (Кулишъ).

2) Правдою въ ротъ, якъ солію въ глаза кидывали. У Нѣмцевича добавлено „choć kto podrwil to z dobrej chęci“; въ пер. Кулиша „хоть хто и поглузуе, то зъ доброю мыслью“.

3) Што нашіе старшіе собрали—co stany (?) zebrały—що стáни (?) зобралы.

4) У Нѣмцевича пропущена фраза „того ничого въ люды личыть“ (про Сигизмунда Августа).

5) Въ „Актахъ“ рѣчь Мелешко о нѣмцахъ темная; у Нѣмцевича и въ переводѣ Кулиша яснѣе и полнѣе: „a my na coż patrzemy... na sztuki niemieckie, co oni broją, w jakich to sukniach chodzą, wiele mają groszy, grodów i dzierżaw, zmieszali się z nami, różnemi językami gadają, a wsie licho“....

6) Въ „Актахъ“ Мелешко хочетъ такъ ударить ляха въ морду, чтобы король не слыхалъ; у Нѣмцевича—„żeby i król Jmci poznał“, т. е. совсѣмъ противное.

7) Въ „Актахъ“ радные баламуты; у Нѣмцевича и Кулиша „ридны баламуты“.

8) Въ „Актахъ“ ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боимо; у Нѣмцевича и Кулиша добавлено „правды не говорымо, а потакаемо похлибными языками“.

9) Вмѣсто „убравшися на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле“ у Нѣмцевича „wykradłszy się z gospody“; у Кулиша переведено въ этомъ случаѣ, какъ и въ многихъ другихъ, слишкомъ ужъ на польскій ладъ—„укравшись изъ господы“.

10) „И такого чортополоха зъ нѣмцами выгнаты, што до насъ влѣзли противъ праву нашему“. Это мѣсто у Нѣмцевича и Кулиша передано совсѣмъ иначе: „Jabym mówił, czas tych to polasków z Niemcami powycinać od porucznika do rady, a co do nich wlazło przeciwko prawu naszemu odjąć od nich“—это сильнѣе и грознѣе, въ козацкомъ духѣ XVII в.

11) Далѣе слѣдуетъ у Нѣмцевича дополнительная вставка: „starsze pokłony (?) Smoleńskie, przedzierajcie oczy, lepiej o nich radzić jak o Inflantach, bo te mistuczki, jak wlezą, to ich i żubtem nie wykorzysz, jak pszczół od miodu“; далѣе, какъ въ „Актахъ“—„але зарадно поговорилисмы о разныхъ нашихъ интересахъ“; вмѣсто послѣдняго слова у Нѣмцевича „stratach“.

12) Мѣсто о часахъ передѣлано у Нѣмцевича такъ: „kupil zegarek.... jakeś my posłów wysyłali do Wilna, cóż? nie długo kręcić zaczął złodziej zamorczyk; dobry to nasz pietuch, co nie chybnie o północi kurykajet“.

13) Вмѣсто „гологузыхъ курей“ у Нѣмцевича „kałakuckie“, у Кулиша „Калакутьски“. Что это—народная этимологія, или мѣстное названіе?

14) У Нѣмцевича и Кулиша рѣчь Мелешка о курахъ пополнена: „Smażyć różne ptaszki, owe torty z rodzynkami, migdałami, cymentem, bogato cukrowane“.

Списки рѣчи въ Актахъ и у Нѣмцевича представляютъ значительное различіе, что указываетъ на популярность рѣчи Мелешка въ старое время и на существованіе ея въ разныхъ редакціяхъ.

Малорусскій переводъ рѣчи Мелешка въ „Основѣ", мѣстами очень мѣткій и выразительный, мѣстами слишкомъ теменъ по излишней, какъ сказано, близости къ польскому переводу Нѣмцевича; темныя мѣста памятника, а темныхъ мѣстъ въ немъ не мало, оставлены безъ объясненія, кромѣ одного выраженія (трубить въ кубокъ), поясненнаго выпиской изъ Гваньини.

Помѣщаемъ рѣчь Мелешка въ переводѣ на современный языкъ:

Наияснѣйшій милостивый король и любезные паны братья! Выѣхавъ изъ дому, я молилъ Бога, чтобы здоровымъ пріѣхать къ вамъ, здоровыми васъ увидѣть и привѣтствовать. Мнѣ пришлось засѣдать съ вами на сеймѣ, а я на такихъ съѣздахъ никогда не бывалъ и съ королемъ (у *Нѣмц.* королями) его милостью никогда не засѣдалъ; только за покойныхъ князей нашихъ (великихъ литовскихъ), которые королевали, что воеводами бывали (у Нѣмц. нѣтъ), такихъ разсужденій не бывало; попросту говорили, отъ чистаго сердца, политики не знали, а правдою прямо кидывали. Вскорѣ короли нѣмцевъ полюбили болѣе насъ, роздали нѣмцамъ, что собрали предки наши. Сигизмунда короля (Августа) и человѣкомъ считать не стоитъ; назвавшись ляхомъ, онъ разорилъ Подлясье и Волынь (у Н. отдалъ); дорога память Сигизмунда перваго, который нѣмцевъ,

---

15) Въ „Актахъ" Мелешко совѣтуетъ женщинамъ, „штобы зъ нѣмецка заживали плюндрыки", у Нѣмцевича, наоборотъ, „plunder nie używać".

16) Вмѣсто цѣлованія руки у королевны Аннульки у Нѣмцевича совсѣмъ другое: „ani Panni Urszuli, u Królówej Jmość, w rączkę nie pocałuję, jak inni młodsi senatorzykowie, niedziwujcie się Mości Panowie i bracia". Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ фраза, не существующая въ спискѣ, изданномъ въ „Актахъ", именно.

17) „Wiek wiekiem to okazuje siwizna w brodzie, choć czart za pasem, kusi na piękne spojrzenie", въ пер. Кулиша: „викъ викомъ: то оказуется сивина въ бороди, хоть чортъ за пѣясомъ спокутуе на гарный поглядъ"—переводъ темный, по крайней близости къ польскому переводу Нѣмцевича. Смыслъ, повидимому, тотъ, что въ пословицѣ „сѣдина въ бороду, а чортъ въ ребро".

какъ собакъ не любилъ и ляховъ очень не любилъ за ихъ хитрости, но сердечно любилъ Литву и нашу Русь, и въ его время жилось гораздо лучше, хотя и не ходили въ такихъ дорогихъ одеждахъ, а иные и безъ штановъ, какъ бернардины, гуляли, но за то сорочки до косточекъ и шапки до пояса (!) нашивали; дай Богъ дождать повторенія такого времени. Я самъ, когда одѣнусь по домашнему, то жена моя, пани Мстиславская, не можетъ насмотрѣться на меня и натѣшиться. Насмотрѣлся я, паны братья, на противныя нѣмецкія выдумки, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ ходятъ (далѣе у Нѣмц.: имѣютъ много денегъ, городовъ и государствъ), смѣшались съ нами и по-польски умѣютъ говорить и все лихое королямъ, панамъ и Рѣчи Посполитой совѣтуютъ и каламутятъ. А когда идетъ нѣмецъ или жена его выступаетъ, каблуками скрипитъ, шелеститъ и дорогими духами воняетъ. Когда же къ тебѣ пріѣдетъ паничикъ (у Н. porucznik—смотритель, намѣстникъ, должностное лицо), потчивай его щедро, да и жену свою возлѣ него посади, а онъ сидитъ важно, какъ бѣсъ, махаетъ шапкой, женѣ шепчетъ и „въ лодонь скребетъ“ (у Н. „ckrobie po nodzie“, у Кулиша „моргае, мигае, шапку або бриль той перекрывляе, скребе по нози“). Еслибъ такого чорта кулакомъ въ морду да въ зашей, да такъ чтобы король не слыхалъ (у Н. и К. „нехай бы и король его милость знавъ“). Тогда своей противной морды не поднималъ.—Помню я короля Генриха, который къ намъ изъ нѣмецкаго края, изъ-за моря пріѣхалъ; когда онъ увидѣлъ, что мы не даемъ ему воли, и что нѣмцы для него плохая опора, то, увидѣвъ, что не до шутокъ, тайно уѣхалъ въ свою сторону, за море удралъ.—По правдѣ сказать, не такъ виноватъ король, какъ эти совѣтники кривотолки (у Н. „rodne bałamuty“), что сидятъ при немъ и крутятъ. Много тутъ есть такихъ, что хоть и наша кость, да собачьимъ мясомъ обросла и воняетъ (у Н. нѣтъ этого мѣста); они то насъ дерутъ и за ихъ каверзами наши не поживятся (нѣтъ у Н.), Рѣчь Посполитую губятъ, и Волынь съ Подлясьемъ пропали. Знаю, насъ такъ обошли, что ходимъ, какъ вареные, потому что ихъ боимся (у Н. „правды не говоримъ и поддакиваемъ льстиво“). А еслибъ такого чорта

кулакомъ въ морду, другой не мутилъ бы.—Отъ того еще много вреда, что держитъ поляковъ въ услуженіи: дай ему суконную одежду, корми его жирно, а службы не спрашивай.—Убравшись въ сапоги съ высокими каблуками, дыбаетъ онъ къ дѣвкамъ да потягиваетъ вино изъ большого кубка. Панъ за столъ—и слуга за столъ, ты за борщикъ, а слуга за толстый кусокъ мяса; ты за графинъ, а онъ за другой, а если плохо держишь, то и тотъ возьметъ изъ рукъ; только и смотритъ, какъ бы ты изъ дому ушелъ; тогда онъ тихонько приласкается къ женѣ; а такого чертополоха и нѣмцовъ выгнать (у Н. ляшкивъ и нѣмцовъ вырубить къ намъ сверху до низу и отнять что отошло безъ основанія); они налѣзли беззаконно. Поговоривши о разныхъ нашихъ нуждахъ, нужно добавить и то, что и коней держи въ конюшняхъ, зимой и лѣтомъ корми ихъ овсомъ и сѣномъ, всякую ночь клади подстилку, держи для нихъ конюшаго поляка, конюшню и стремяннаго, а службы отъ нихъ не спрашивай, а когда ляхъ, какъ жеребецъ около дѣвокъ, что дрыгантъ (жеребецъ) около кобылъ, то поставь сторожами еще двухъ литвиновъ, но и самъ чортъ не усмотритъ за нимъ. И такая еще нелѣпость—случилось мнѣ купить въ Кіевѣ на толкучкѣ часы, далъ за нихъ три копы грошей, а какъ послалъ въ Вильну для поправки, то злодѣй заморщикъ запросилъ на пятую копу. То ли дѣло наши часы—пѣтухъ, что каждую полуночь безъ ошибки кричитъ. И то очень большой вредъ, разводить гологузыхъ курей, варить ихъ съ разными приправами, печь птичекъ и торты съ изюмомъ, миндалемъ, очень сладкіе, а въ старину за мою память такихъ вкусовъ не было; вкусно ѣли гуску съ грибками, утку съ перцемъ, печонку съ лукомъ или чеснокомъ, а при хорошихъ средствахъ рисовую кашу съ шафраномъ. Вина венгерскаго не употребляли; пили мальвазію, медъ и водочку потягивали, и всегда имѣли деньги, строили стѣны и войны вели удачнѣй, чѣмъ ведутъ ихъ теперь. Не къ дѣлу еще то, что наши дамы ходятъ въ богатыхъ платьяхъ; ранѣе не бросали на нихъ большихъ денегъ, а (теперь) платье въ подолѣ прихватывается и движется, а слуги молодчики, какъ соколы, на ножки поглядываютъ, чтобы ущипнуть сладкаго мя-

са. Я совѣтовалъ бы нашимъ женамъ возвратиться къ старымъ закрытымъ козакинамъ со снурками сзади, да носить широкіе нѣмецкіе штаны; тогда онѣ не скрывали бы такъ скоро свои любовныя связи; а теперь хоть съ дубиной стой на сторожѣ и смотри во всѣ глаза, такого чорта не устережешь. О чемъ далѣе говорить не знаю и прошу только принимать и мой голосъ, сколько бы при королѣ ни было пановъ и сенаторовъ. Староства не имѣю, не схватилъ его, а правду сказалъ и королевну Анульку (у Н. Урсулу) въ ручку любезно поцѣловалъ, (у Н. не цѣловалъ), какъ сенаторы. Не только весь смоленскій, но и мозырскій уѣздъ долго разсуждалъ, кого бы наиболѣе разумнаго послать на сеймъ, и послали меня, человѣка извѣстнаго, и дай Богъ мнѣ изложить наши нужды передъ королемъ и панами. Сказалъ бы, кто изъ васъ лучше, безъ хитрости, а я на этомъ и замолчу".

Рѣчь Мелешка носитъ всѣ слѣды литературнаго произведенія, вымысла, исторической мистификаціи, памфлета, сатиры, и въ то же время заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ несообразностей, которыя сильно подрываютъ ея значеніе, какъ историческаго документа, акта.

Мелешко въ „рѣчи" оказывается депутатомъ отъ Смоленска и Мозыря, городовъ, очень далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго. Мозырь — нынѣ уѣздный городъ на югѣ Минской губ. и отъ смоленской губ. отдѣленъ обширной Могилевской губерніей.

Затѣмъ друдно допустить, чтобы въ такое сравнительно культурное въ Польшѣ время паны двухъ уѣздовъ, послѣ долгаго размышленія, остановились на Мелешкѣ, авторѣ такой своеобразной рѣчи. Могъ быть на сеймѣ и Мелешко, но рѣчь, вложенная въ его уста, недостойна депутатскаго его званія, не отвѣчаетъ его депутатскимъ полномочіямъ, вообще отличается апокрифическимъ характеромъ. Мелешко, какъ рисуется онъ въ рѣчи, ставитъ себя въ положеніе шута и, принижая себя, принижаетъ тотъ край, представителемъ котораго явился на сеймъ, то общество и ту старину, защиту и восхваленіе которыхъ онъ на себя принялъ. Насколько Мелешко теряетъ, какъ личность

и дѣятель, настолько онъ выигрываетъ, какъ литературный образъ. Въ рѣчи Мелешка выразились консервативное теченіе южнорусской мысли конца XVI ст., недовольство новшествами, оскорбленное національное самолюбіе, суровая и мѣстами циничная критика семейныхъ настроеній.

Мелешко не любитъ нѣмцевъ, бранитъ ихъ собаками и желаетъ изгнать ихъ изъ Малороссіи и Литвы. Эта ненависть Мелешка къ нѣмцамъ не мотивирована и, повидимому, не вполнѣ отвѣчала народному настроенію. Въ думахъ не обнаруживается вражды къ нѣмцамъ. Выходки Мелешка противъ нѣмцевъ имѣютъ за собой то историческое основаніе, что въ это время, вѣроятно, пришли изъ Германіи многія изъ тѣхъ новеллъ и повѣстей, которыя и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, наряду съ разными другими вліяніями въ области религіозныхъ вѣрованій, языка, образованности, промышленности и быта.

Мелешко терпѣть не можетъ ляховъ за ихъ хитрости и въ особенности за развратъ. Сомнительно, чтобы такой разносъ ляховъ можно было учинить на варшавскомъ сеймѣ въ присутствіи короля, сенаторовъ и пановъ. Враждебное отношеніе Мелешка къ полякамъ охватывало тогда почти всѣхъ его соплеменниковъ; это была вражда прежде всего національная, изъ оскорбленнаго чувства народнаго самолюбія, и затѣмъ вражда политическая, изъ-за нарушенія поляками политическихъ правъ и вольностей южно и западно-руссовъ. Религіозная вражда въ рѣчи Мелешка не отразилась, хотя она уже волновала въ это время умы и сердца обоихъ народовъ. Въ рѣчи Мелешка прямо высказывается одна изъ главныхъ причинъ недовольства русскихъ—присоединеніе южнорусскихъ земель къ Коронѣ.

Въ рѣчи Мелешка, въ смыслѣ документальной ея подлинности, странными представляются слѣдующія мѣста жалобъ на поляковъ: рѣзкое осужденіе въ присутствіи короля одного изъ ближайшихъ его предшественниковъ, Сигизмунда Августа, съ заявленіемъ, что „короля того нечего въ люды лычить“, осужденіе не совсѣмъ удобное и даже врядъ-ли возможное на вар-

шавскомъ сеймѣ. Затѣмъ, странными представляются жалобы на слугъ ляховъ, наполняющія рѣчь, жалобы очень сильныя. Кто же заставлялъ или могъ заставить смолянъ держать ляховъ въ услуженіи, если они такъ были дерзки и наглы, если обходились дорого хозяину, если даже женъ нужно было защищать отъ нихъ съ дубиной въ рукахъ. Подъ руками были слуги русскіе и литвины. Эти жалобы на слугъ, довольно странныя въ рѣчи депутата, вполнѣ умѣстными окажутся, если на рѣчь смотрѣть, какъ на литературное произведеніе.

Авторъ „рѣчи" могъ отнестись сурово къ умершему королю, когда другой южнорусскій писатель конца XVI в. Іоаннъ изъ Вишни допускалъ въ своихъ посланіяхъ колкости по адресу живаго короля Сигизмунда III. Предлагая православнымъ посылать къ королю достойныхъ лицъ для утвержденія ихъ епископами, Іоаннъ писалъ: „котораго если (король) не схочетъ вамъ подати и не послухаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувша и онѣмевша..." Такъ писать могъ Іоаннъ изъ зарубежнаго Аѳона; но не могъ такъ говорить Мелешко въ Варшавѣ.

И жалоба на слугъ поляковъ вполнѣ оправдывается историческими обстоятельствами и подтверждается современными историческими и литературными памятниками и прежде всего многосодержательными сочиненіями Іоанна Вишенскаго: „Русинъ, бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси и раздѣлился." Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, обращаясь къ уніатскимъ владыкамъ, которые жили, какъ и другіе крупные паны магнаты, говоритъ: „Ваши милости обнажаете изъ оборы кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и оныхъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ,—которыхъ кровь, силы и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ

тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не маютъ. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талярмы, полталярки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы докладаете, а тие бѣдници шеляга, за что соли купити, не маютъ."

И такъ жалоба Мелешка на слугъ поляковъ вполнѣ возможна, но не въ Варшавѣ среди поляковъ, а въ предѣлахъ юго-западной Руси, въ обращеніи къ самимъ русскимъ, слѣдовательно, опять таки въ рѣчи, какъ литературномъ обращеніи, въ родѣ сатирическихъ обличительныхъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Цѣлительное или точнѣе оборонительное средство Мелешка „въ морду" впослѣдствіи широко практиковалось козаками и гайдамаками. Многія полемическія сочиненія по рѣзкости выраженій отчасти отвѣчали этому оборонительному средству.

Центръ тяжести жалобъ Мелешка лежитъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, и если Мелешко дѣйствительно говорилъ на сеймѣ въ томъ видѣ, какъ передаетъ его рѣчь сохранившійся актъ, то паны и сенаторы имѣли основаніе подумать, что самъ Мелешко пострадалъ отъ „любительной бредни." Въ двухъ мѣстахъ Мелешко говоритъ о посягательствахъ на цѣломудріе женщинъ, и мѣстами впадаетъ въ нѣсколько циничное настроеніе, напр., въ замѣчаніи, что „дворянинъ въ ножку загледаетъ, штобъ где ущипнуть солодкаго мяса" и далѣе въ совсѣмъ уже фривольномъ выраженіи о плюндрикахъ. Вообще, авторъ рѣчи обнаруживаетъ замѣтную слабость къ „бѣложенкамъ;" мѣста о женщинахъ отличаются литературнымъ характеромъ изложенія, плохо отвѣчающимъ депутатскому оффиціальному положенію автора. Говоря о бѣложенкахъ, Мелешко выражаетъ мнѣнія и недовольства массы народной, и его рѣчь стоитъ въ прямой внутренней связи съ думами. Такъ, въ думѣ про угнетеніе поляками Украины (у Ант. и Драг. II 110):

То ще жъ то ляхы,
Мостивіи паны,
По козакахъ, по мужикахъ поставылы,

Да велыку станцію вымыш'ялы,
Одъ ихъ ключи поодбиралы,
Да сталы надъ ихъ домамы
Господаряты.
Хозяина на конюшню одсылае,
А самъ зъ его жоною на подушкахъ почивае,
То козакъ або мужикъ изъ конюшни прихождае
У кватиру поглядае,
Ажъ ляхъ мостивый панъ, ище зъ его жоною
на подушкахъ почивае.

Малороссы всегда были чутки къ вопросамъ о женской чести, что въ новое время выразилось въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Въ своемъ недовольствѣ на измѣненія въ одеждѣ Мелешко сходится съ Іоанномъ Вишенскимъ. Мелешку противны новыя дорогія платья, въ особенности женскія, и онъ хвалитъ старый покрой и старую простоту. У Іоанна Вишенскаго франтовство и щегольство панское выражается въ низкомъ стриженіи волосъ: „обычай бо есть мірскимъ на облупленную голову подголенца выструганнаго, мыломъ вышарованнаго и вымакглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити". На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, „косичку или перце запявши", „перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ, шію напяливши, яко индійскій куръ"; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь „къ прелести имматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и инших суконъ". Тутъ упоминается и „златоглавая делѣя" и „алтембасовый копенякъ", провадящіе въ адъ.

Очень любопытно у Мелешка осужденіе измѣненій въ пищѣ, „присмаковъ", съ перечисленіемъ любимыхъ въ старину блюдъ и винъ: „гуски съ грибками", „утки съ перчикомъ", „печонки съ лукомъ" и въ особенности „рисовой каши съ шафраномъ". Въ этомъ пунктѣ Мелешко сходится съ Іоанномъ Вишенскимъ, и его рѣчь обнаруживаетъ большое сходство съ думами, что прямо указываетъ на рѣчь Мелешка, какъ на литературное произведеніе, воспроизводящее излюбленные въ старой Малороссіи мотивы общественнаго недовольства. У Іоанна Вишенскаго паны „въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелю-

хахъ родятся“. „Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная“. Роскошь ихъ обнаруживается „во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазыяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляшами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,— колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обиліи слугъ“. Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: „зъ сихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіянъ наданыхъ, лупите и съ гумна стоги и абороги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетеся, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво трояк͏ое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковныя алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискаютъ (горюютъ), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожаю дотягнетъ“!... „Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюютъ въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вѣно*, приданое) готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятелей обагачаютъ, кариты зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ“. Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно разсчитывало „прагнене ненасычоное утолить“ относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Глубокимъ презрѣніемъ и негодованіемъ дышетъ въ одномъ посланіи Іоанна слѣдующее суровое порицаніе „лакомства несчастнаго“: „Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой

ты не знаешь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси periноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, кгвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ".

По поводу „рыжовой каши съ шапраномъ" Мелешка и „шафранелюбца" Іоанна Вишенскаго кстати вспомнить здѣсь ироническій упрекъ пану Потоцкому въ думѣ про корсунскую битву (у Ант. и Драг. II 33):

Гей пане Потоцкий!
Чомъ у тебе и доси розумъ жиноцький?
Не вмивъ ты еси въ Камянскимъ Подильци пробуваты,
Печенаго поросяты, курыци съ перцемъ та зъ шапраномъ уживаты.

Видно, что рисовая каша съ шафраномъ считалась въ старой Малороссіи верхомъ роскоши, что шафранъ былъ въ большомъ употребленіи, гораздо бо́льшемъ, чѣмъ нынѣ, въ кулинарномъ искусствѣ стараго времени, и упоминаніе о немъ въ старинной литературѣ получило значеніе общаго типическаго мѣста.

По языку рѣчь Мелешка также весьма близко подходитъ къ литературнымъ произведеніямъ, мѣстами приближается даже къ думамъ.

Прежде всего бросается въ глаза склонность автора къ глагольной риѳмѣ: „пріѣхалъ... огледалъ", „на гетакихъ съѣздахъ николы не бывалъ и съ королемъ его милостью николы не засѣдалъ" и др. Начало рѣчи носитъ характеръ полуриѳмованнаго литературнаго произведенія. Склонность къ риѳмѣ отглагольныхъ именъ существительныхъ обнаруживается въ сочиненіяхъ такого близкаго къ народу писателя, какъ Іоаннъ Вишенскій, напримѣръ: „Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розсказанье и толстое отрыганье того вашего выкрикання, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упе-

вняетъ“. Любовь къ глагольной риѳмѣ обнаруживается въ думахъ, что уже отмѣчено въ „Мысляхъ“ *г. Житецкаго* стр. 4, 5.

Литературные пріемы Мелешка, его эпитеты также вводятъ его рѣчь въ рядъ чисто литературныхъ памятниковъ. Отмѣтимъ сначала отдѣльныя мѣткія выраженія:

1) по просту правымъ сердцемъ говорили...

2) *правдою въ ротъ якъ солью въ глаза кидывали*...

И такъ, правда у Мелешка на первомъ мѣстѣ—излюбленный пріемъ старинной малорусской литературы, начиная отъ духовныхъ стиховъ объ исканіи правды до такого характернаго признанія Іоанна Вишенскаго: „а если-бы зась хто... на мене отъ зависти потваръ сложити хотѣлъ, мовячи, яко дорazливе и ущипливе въ томъ писаню мовитъ, на тое вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати“. Выраженіе „правдою въ ротъ, якъ солью въ глаза, кидывали“ вполнѣ народное. Въ „Приказкахъ“ *Номиса* оно встрѣчается мнократно: „ставъ мени силлю въ оци“ (№ 2762), „силь тоби въ вичи, а каминь у груди“ (3835), „силь тоби та печина“, „силь тоби въ вичи, та печина въ зубы“ (8357).

3) „солодкая память“ (историческая поминка);

4) „щипнуть солодкаго мяса“ (относительно женщинъ);

5) „черезъ скурку скрыпыть“ (скрипъ сапогъ);

6) „на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле“;

7) „зъ великого кубка трубитъ“ (пьетъ вино);

8) „ляхъ, какъ жеребецъ, ржетъ коло дѣвокъ, какъ дрыгантъ коло кобылъ“;

9) „любительную складывали бредню“;

10) „въ лодонь скребетъ“;

11) „хоть съ рогатыною на вартѣ стой“;

12) „ходили, какъ подваренные“;

13) „медокъ и горилочку дзюбалы“;

14) Король Генрихъ „за море скикнулъ“;

15) „хотя наша костка, однакъ собачьимъ мясомъ обросла“.

Всѣ эти выраженія, очевидно, проникнуты насквозь жизнью, и многія изъ нихъ типичны, какъ литературные термины

или какъ синтаксическіе обороты старой рѣчи. Такъ, въ выраженіи „за море скикнулъ“ чувствуется еще въ старой южнорусской рѣчи XII вѣка; вспоминается Всеславъ Слова о Полку Игоревѣ, который „скочи волкомъ до Немичи съ Дудутокъ“. Выраженіе о человѣческой кости, обросшей собачьимъ мясомъ, также типичное, поговорочное, съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ повторявшееся въ приложеніи къ разнымъ лицамъ, напр.—къ Адаму Киселю.

Выраженіе „*трубитъ съ кубка*“, какъ описательное для выраженія пьянства, встрѣчается у Гваньини, иностраннаго ротмистра при Стефанѣ Баторіи: „Kiedyby temu szlachetnemu narodowi zbytek, pijanstwo i marnotrawstwo nie przeszkadzało wszystkieby niemal narody cnotą wrodzoną i spaniałoscią animuszu przechodził; ale ieden prze zdrowie drugiego, jako tego iest obyczaj pełniąc dzban by największy aż *do dna wytrąbi*, choćby tez to czasem było przeciw przyrodzeniu... ono zdrowia ich pozbawia“... (*Основа* 1862 VI 14 примѣч.).

Выраженіе „*за море скикнулъ*“, повидимому, употреблено въ значеніи далеко, а съ такимъ значеніемъ выраженіе это встрѣчается еще въ Словѣ о Полку Игоревѣ и до сихъ поръ удержалось въ народныхъ пѣсняхъ.

Относительно лексическаго состава рѣчи Мелешка, любопытнаго во многихъ отношеніяхъ для филолога и историка быта, замѣтимъ лишь немногое:

Сентенціи въ смыслѣ тонкихъ политическихъ разсужденій противоставляются простой правдивой рѣчи.

Люды, повидимому въ современномъ значеніи слова для обозначенія народа.

Нагавица—nogawica, nogawka—часть штановъ ниже колѣнъ, вообще штаны, иногда въ значеніи полосатыхъ длинныхъ штановъ (*Linde*, *Закревскій*).

Бернардины—монашескій орденъ, хорошо укоренившійся въ Польшѣ и Литвѣ, оказали много услугъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія (о чемъ подробно см. въ 6 т. Энциклоп. Словаря *Брокгауза* и *Ефрона*).

Бредня у Мелешка и Іоанна Вишенскаго въ значеніи баловства.

Штука—въ современномъ намъ малорусскомъ значеніи слова—затѣи, выдумки.

Сукни *перестыя*—разноцвѣтныя, точнѣе состоящія изъ бѣлаго и сѣраго цвѣтовъ. Нынѣ говорятъ въ харьковской губер. „телыця перестая", когда часть шерсти бѣлая, другая сѣрая.

Баламуты—въ современномъ значеніи слова, т. е. причиняющіе смуты, интриганы.

Пижмо—душистое вещество мускусъ, добываемое изъ пупка средне-азіатскаго животнаго кабарги.

Шыбинъковаты—глаг. отъ шыбеникъ—висѣльникъ, достойный висѣлицы, негодяй.

Заморщикъ—обычное въ XVI в. слово для обозначенія иностранца, встрѣчается въ постановленіяхъ варшавскаго сейма 1589 г., какъ синонимъ „cudzoziemec" (*Wolumina legum* II 282).

Перекрывали—польск. przekrywać, прикрывать, защищать.

Хвалендышевая (сукня)—голандское сукно, отъ fein holländisch, отсюда малор. сл. галанци (штаны), о чемъ подробнѣе см. въ моихъ „Культур. пережив.". У Іоанна Вишенскаго повторяется упрекъ въ одѣваніи слугъ „фалюндышами".

Дрыганты—жеребцы, кони; въ стар. польск. выраженіи „kazałbym takowe dryganty, co okolo cudzych żon rźają powalaszyć" (Slownik Linde), что очень близко къ выраженію Мелешка.

Годынникъ—часы, польск. godzinnik; слово это встрѣчается у польскаго проповѣдника конца XVI в. Скарги.

Тандетъ—рынокъ, базаръ, лоскутный рядъ, польск. tandet—handlarstwo starzyzna, откуда czlowiek z tandety—ничтожный человѣкъ (*Linde*).

Малмазія—мальвазія, вино изъ подъ г. Мальвазіи въ Мореѣ и изъ Кандіи. Въ volum leg. говорится, что „małmazyi we Lwowie zawsze wielki dostatek bywał". (*Linde*).

Португале (или фортугале)—монеты и медали въ 3, 7, 10 и болѣе червонцевъ (подроб. см. у *Linde*).

Плюндрыки—штаны, szerokie buchaste worowate spodnie Pomphosen (*Linde*).

„*Въ морду*—въ современномъ намъ значеніи, встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, чаще всего въ пѣсняхъ про сестру отравительницу (см. *Кіев. Стар.* 1893 XI).

Капелюшъ—синонимъ шапки; то же въ старинной виршѣ: „зъ гыри знима капелюху“ (*Житецкій*, Мысли, 92); Кулишъ перевелъ словомъ „бриль“.

Въ заключеніе можно сдѣлать такія положенія:

Рѣчь Мелешка—подложный историческій документъ, приписанный смоленскому каштеляну Ивану Мелешкѣ, фамилія котораго оправдывала до нѣкоторой степени фривольный сатирическій характеръ памятника.

Какъ историческій документъ, рѣчь Мелешка полна несообразностей; но эти несообразности теряютъ всякое значеніе, если на рѣчь смотрѣть, какъ на памятникъ литературный.

Мелешко не могъ бранить на варшавскомъ сеймѣ Сигизмунда Августа въ присутствіи короля, хотя и не родственника перваго; главное—не могъ быть депутатомъ отъ двухъ далеко отстоящихъ городовъ; затѣмъ онъ не могъ свободно бранить поляковъ въ собраніи, состоявшемъ въ подавляющемъ большинствѣ изъ гордыхъ, самолюбивыхъ польскихъ вельможъ, не могъ обращаться къ русскимъ панамъ, гдѣ таковыхъ было немного, и къ ихъ женамъ, которыхъ на сеймѣ совсѣмъ не было, не могъ наконецъ, не нарушая своего депутатскаго достоинства, надѣвать на себя шутовскую маску. Другое дѣло, если памятникъ возникъ, какъ мы думаемъ, вдали отъ короля и Варшавы, въ Бѣлоруссіи, можетъ быть, въ смоленской или мозырской области, о которыхъ упоминается въ рѣчи. Авторъ могъ тогда сохранить полную свободу и дать своей сатирѣ на современное ему общество какое ему было угодно направленіе, и онъ мѣтко избралъ путь народнаго юмора, съ искусственнымъ самоуниженіемъ, съ тенденціозно-преувеличеннымъ противопоставленіемъ старины непріятной ему новинѣ.

Рѣчь Мелешка, какъ политическая и общественная сатира, представляетъ большой интересъ. Она является предшественницей посланій Іоанна Вишенскаго и малорусскихъ народныхъ думъ про польскія притѣсненія и сплетается съ ними по со-

держанію и языку. Какъ бы то ни было, въ силу своего собственнаго содержанія и въ силу своихъ связей съ такими крупными памятниками старины, какъ посланія Іоанна Вишенскаго и думы, рѣчь Ивана Мелешка должна занять прочное положеніе въ исторіи южно и западно-русской литературы XVI. в.

Анонимный политическій памфлетъ, подъ названіемъ рѣчи Мелешка, не единственное явленіе въ старинной малорусской литературѣ; бывали и другія, напр.: знаменитое письмо запорожцевъ къ турецкому султану, также ошибочно принимаемое за историческій документъ, [1]) письмо послужившее И. Е. Рѣпину сюжетомъ для знаменитой картины.

Изъ западно-европейскихъ и византійскихъ аналогій выдаются сказанія объ индійскомъ царствѣ и богатствѣ его царя—попа Ивана и мнимое посланіе англійскихъ лордовъ къ папѣ Урбану эпохи Виклефа.

Естественно возникаютъ вопросы, не отразилась ли въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1589 г. рѣчь Мелешка и его дѣятельность въ духѣ этой рѣчи? Конституціи этого сейма изданы въ 2 т. *Volumina legum* (петерб. изд. 1859 г.) на стр. 277—292 въ числѣ 115 параграфовъ, и ни малѣйшаго указанія на Мелешка здѣсь нѣтъ. Изъ поставленій сейма, на рѣшеніе которыхъ могъ вліять мозырскій и смоленскій депутатъ, можно отмѣтить лишь два-три общаго характера, напр. § 61 (объ огражденіи купцовъ отъ насилій), § 80 (противъ притѣсненій народа солдатскими постоями) и одно или два частныхъ, напр. § 91 (о разграниченіи мозырскаго повѣта и кіевскаго воеводства).

Время составленія „Рѣчи" и автора ея опредѣлить въ точности невозможно. Полагаемъ, что Рѣчь написана вскорѣ послѣ сейма, въ 1589 или въ ближайшіе къ нему годы, лицомъ, которому извѣстны уже были постановленія сейма и которое, можетъ быть, присутствовало на сеймѣ. Въ спискѣ гр. Сѣрковскаго упоминаются мимоходомъ и неясно Инфлянты, причемъ

---

[1]) *Н. И. Костомаровъ* въ Рус. Стар. 1872 г. и въ послѣднее время *Д. И. Эварницкій* въ „Очеркахъ исторіи запорож. козаковъ и Новорос. края", стр. 68.

Мелешко высказываетъ мнѣніе, что лучше было бы сейму заняться смоленскими дѣлами, чѣмъ лифляндскими. Сеймъ дѣйствительно посвятилъ много времени разсмотрѣнію лифляндскихъ дѣлъ. Къ Лифляндіи относятся первыя 22 конституціи, къ Смоленской области—ни одной. Русскому патріоту, автору „Рѣчи", бросилась въ глаза эта подробность.

Въ конституціяхъ сейма одинъ параграфъ могъ побудить автора „Рѣчи" высказать свою вражду къ мѣстнымъ нѣмецкимъ колонистамъ: постановленіе 33-ье „O cudzoziemciách zamorskich", относившееся—и это могло особенно огорчить автора „Рѣчи"—къ прусскимъ польскимъ областямъ, буквально гласитъ слѣдующее: „Jż siła ludzi z zamorza cudzoziemcow do Prus się przyprowadziło, którzy ziemsckich majętności nakupili, albo na takowe imiona i na zastawę dawali y dawają. A iż takowe ludzie przychodniowie nie są nobiles Regni et Terrarum conjunctarum: ustawiamy tą konstytucyą ninieyszą, aby ci zamorsczycy y cudzoziemcy, co majętnosci ziemskich nakupili do trzech lat powinni to poprzedać, pod utraceniem teyźe majętności. A ktoby się takowy tego napotym waźył, zaraz in instanti y peniądze y majętnośc ziemską tracic ma do scarbu Koronnego...

Авторъ „Рѣчи" по этой оффиціальной канвѣ вывелъ свои литературные узоры въ приложеніи къ южной и западной Руси.

И. Ѳ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXIX.

Гимназическій пѣвческій хоръ, его образованіе и успѣхи.—Мое разсужденіе о церковномъ хорѣ.

Когда я, служа еще въ Черниговѣ, пріѣзжалъ на каникулы въ Новгородъ-Сѣверскъ и проживалъ здѣсь до сентября, ученики гимназіи, знавшіе отъ тестя моего, что я въ Черниговѣ занимался въ семинаріи пѣвческимъ хоромъ, приходили ко мнѣ учиться церковному пѣнію, но за короткое время мало успѣвали, а по отъѣздѣ моемъ забывали выученное; когда же я сдѣлался учителемъ гимназіи, то началъ составлять изъ учениковъ хоръ, для котораго привезъ изъ Чернигова много нотъ; этотъ трудъ былъ для меня тѣмъ легче, что многіе ученики играли на музыкальныхъ инструментахъ. Ученики взялись за дѣло съ особенною ревностью, сами составляли нотныя книги и изъ моихъ партитуръ выписывали въ нихъ голоса. Мы начали науку нотнаго пѣнія съ самой ея азбуки; когда пѣвчіе стали разбирать ноты, мы начали на общихъ спѣвкахъ приготовлять нотныя богослужебныя пѣсни.

Къ началу великаго поста хоръ нашъ сформировался настолько, что могъ правильно исполнять покаянный канонъ во время говѣнія учениковъ въ гимназіи и всю обѣдню въ церкви;

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 4.

въ день причащенія гимназистовъ и на всенощной въ домѣ гимназіи хоръ всю эту службу порядочно исполнилъ, по композиціи Веделя. Тимковскій радъ былъ, что гимназія имѣетъ хоръ и много благодарилъ меня за его образованіе. Гимназическій хоръ подъ моимъ управленіемъ постоянно пѣлъ въ праздничные и высокоторжественные дни въ городскомъ соборѣ лѣтомъ и зимою. Когда въ ненастные дни ученики не были приводимы въ церковь, пѣвчіе сами, безъ моего приглашенія, собирались въ мой домъ, разставляли столы и просили меня приготовлять съ ними новыя пьесы для будущаго времени; поэтому мы пѣли въ церкви всегда что-нибудь новое. Торжественные акты, ежегодно бывавшіе въ гимназіи передъ лѣтними каникулами, всегда начинались и оканчивались концертами. Такимъ образомъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи образовался настоящій церковный хоръ безъ особенныхъ заботъ со стороны начальства и безъ пособія казны. По окончаніи учебнаго года, когда выбывали изъ гимназіи ученики, состоявшіе въ хорѣ, онъ нѣсколько ослабѣвалъ; тогда нѣкоторые альты и дисканты поступали въ басы и тенора, уже съ знаніемъ нотной науки, а для замѣщенія ихъ набирались новые голоса изъ гимназистовъ; возбужденіе въ нихъ охоты къ пѣнію было такъ велико, что непринимаемые въ хоръ по негодности ихъ голосовъ плакали и просили дозволенія хотя книги носить въ церковь, чтобы казаться своимъ сотоварищамъ пѣвчими. Впослѣдствіи отъ гимназіи отпускалось жалованье для найма учителей пѣнія, каковыми въ разное время были Щегловитовъ и послѣ него надзиратель гимназіи Киселевичъ, при которыхъ я по прежнему продолжалъ участвовать въ гимназическомъ хорѣ до выбытія моего изъ гимназіи.

Старожилы Новгородъ-Сѣверскіе и теперь еще помнятъ, какъ мы въ былое время пѣли въ соборѣ и сожалѣютъ, что теперь они въ немъ не слышатъ такого пѣнія. Въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ теперь устроена прекрасная церковь, существуетъ хоръ, но его нельзя назвать порядочнымъ, потому что для него нѣтъ учителя, знающаго свое дѣло, который могъ бы по правиламъ церковной музыки учить хоръ исполнять ду-

ховныя пѣснопѣнія соотвѣтственно ихъ молитвенному содержанію. А слѣдовало-бы позаботиться [1]) пріискать для гимназіи такого учителя, потому что правильно составленный и надлежащимъ образомъ управляемый гимназическій церковный хоръ можетъ много способствовать развитію религіознаго чувства въ учащихся: стройные, гармоническіе звуки духовныхъ пѣснопѣній, образуя слухъ, трогаютъ, питаютъ и согрѣваютъ душу человѣка и располагаютъ его къ молитвѣ, отзываясь въ немъ иногда въ продолженіе всей жизни. Когда я, послѣ многихъ лѣтъ по выбытіи моемъ изъ гимназіи, съ В. Кисилевичемъ пріѣхалъ въ Петербургъ, бывшіе ученики мои, занимавшіе почетныя на службѣ должности, увидавшись съ нами, прежде всего вспомнили о томъ, какъ мы пѣли съ ними въ гимназіи, говорили намъ, что, собираясь вмѣстѣ, они пѣли тоже самое, и за предложенною намъ трапезою воспроизвели съ нами незабытыя ими пѣснопѣнія. Это было братское свиданіе людей, связанныхъ между собою узами духовнаго сочувствія, пріобрѣтеннаго во время участія ихъ въ хорѣ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

По страсти моей къ церковному пѣнію я заговорился о немъ здѣсь потому, что, находясь болѣе 20-ти лѣтъ въ числѣ дѣятелей Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я желаю ей полнаго преуспѣванія во всѣхъ видахъ ея учебно-воспитательной дѣятельности.

XXX.

Директоръ Тимковскій, его образованіе и служба въ Харьковскомъ Университетѣ.— Его управленіе въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Попечительство фонъ-Брадке.— Чѣмъ обязаны Тимковскому гимназія и гор. Новгородъ-Сѣверскъ?

Личность Тимковскаго достойна почтительнаго воспоминанія о немъ всякаго, кто зналъ его, когда онъ былъ директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Илія Федоровичъ Тимковскій получилъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ, путешествовалъ съ ученою цѣлью за границу, слушалъ лекціи въ

---

[1]) Въ 1887 году образовалъ хоръ изъ учениковъ гимназіи священникъ М. И. Чикилевъ.

Іенскомъ университетѣ и удостоенъ званія почетнаго члена его; имѣя степень доктора правъ, онъ былъ профессоромъ правовѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ при попечителѣ графѣ Потоцкомъ, о которомъ онъ отзывался всегда съ отличнымъ уваженіемъ. Во время своего профессорства онъ часто былъ командируемъ для ревизіи подвѣдомственныхъ Харьковскому округу гимназій; въ Новгородъ-Сѣверскѣ онъ сблизился съ семействомъ директора гимназіи Халанскаго, и женился на его дочери, за которую въ приданое получилъ въ Глуховскомъ уѣздѣ село Турановку. Выйдя въ отставку съ пенсіей въ 1000 руб. ассигнац. за свою шестилѣтнюю службу, Тимковскій жилъ помѣщикомъ въ помѣстьѣ своей жены и въ это время исправлялъ должность уѣзднаго глуховскаго судьи; за приведеніе въ порядокъ архива глуховскаго суда награжденъ орденомъ Владиміра 4-ой степени. По смерти Халанскаго родственники его упросили Тимковскаго занять должность директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи, въ которой онъ и пробылъ 13-ть лѣтъ. Въ старомъ деревянномъ домѣ гимназіи не было помѣщенія для директора; Тимковскій постоянно жилъ въ домѣ Халанскихъ, гдѣ находилась при немъ директорская канцелярія, въ которой письмоводитель занимался только перепиской бумагъ, потому что Тимковскій самъ составлялъ ихъ. Тимковскій не часто посѣщалъ гимназію, въ которой наблюдалъ за порядками инспекторъ, ежедневно доносившій директору о состояніи гимназіи; за то, когда онъ являлся въ гимназію, онъ былъ ея настоящимъ ревизоромъ: его съ заботливостью ожидали ученики и учителя; онъ обходилъ всѣ классы, хвалилъ успѣшныхъ и побуждалъ лѣнивыхъ, прося учителей обращать особенное вниманіе на послѣднихъ; совѣщался съ преподавателями объ ихъ урокахъ, и послѣ всего этого отправлялся въ свою квартиру, гдѣ постоянно занимался дѣлами гимназіи; въ нужныхъ случаяхъ онъ посылалъ въ гимназію свои распоряженія чрезъ служителя, постоянно при немъ для того находившагося. Во время экзаменовъ онъ ежедневно утромъ и послѣ обѣда присутствовалъ при испытаніи учениковъ по всѣмъ предметамъ ихъ ученія, самъ ихъ спрашивалъ и ставилъ отмѣтки по ихъ

отвѣтамъ, а по окончаніи экзаменовъ вмѣстѣ съ учителями совѣщался о переводѣ учениковъ въ высшіе классы, при чемъ великовозрастные ученики, по малоспособности своей не оказавшіе достаточныхъ успѣховъ, но отличающіеся прилежаніемъ и поведеніемъ, были переводимы въ высшіе классы, прочіе малоуспѣшные оставляемы были въ тѣхъ-же классахъ.

Въ то время учениковъ, пробывшихъ болѣе 2-хъ лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, не исключали изъ гимназіи,—они оставляемы были въ надеждѣ ихъ исправленія; находясь въ гимназіи, такіе ученики не испытывали жалкой участи тѣхъ исключаемыхъ дѣтей, которыя, не имѣя надъ собою училищнаго надзора, развращаются и дѣлаются потерянными для семьи и общества. Изъ учениковъ, засиживавшихся въ низшихъ классахъ гимназіи, многіе мало по малу развивались, успѣшно оканчивали курсъ гимназіи, а нѣкоторые изъ такихъ учениковъ впослѣдствіи выходили изъ гимназіи первыми по успѣхамъ, каковы: Костомахинъ и Чалый; первый отлично окончилъ курсъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ по медицинскому факультету и при немъ былъ оставленъ, а второй, окончивъ въ этомъ-же университетѣ курсъ, былъ превосходнымъ преподавателемъ словесности въ Немировской гимназіи, а послѣ директоромъ нѣжинскаго лицея. Остававшіеся долго въ однихъ и тѣхъ-же классахъ ученики если и не оказывали надлежащихъ успѣховъ, все же учились чему-нибудь въ гимназіи.

Изъ распоряженій, какія Тимковскій дѣлалъ для побужденія учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что ученики высшихъ 4-хъ классовъ, каждый мѣсяцъ, въ присутствіи директора и учителей, читали свои сочиненія, особо къ тому ими приготовляемыя, при чемъ Тимковскій самъ разбиралъ и исправлялъ такія сочиненія, хвалилъ лучшія изъ нихъ и тѣмъ поощрялъ однихъ и возбуждалъ соревнованіе въ другихъ. Изъ числа учениковъ, отличавшихся тогда первыми опытами своихъ сочиненій, были вышепоименованный Чалый, Константинъ Ушинскій, извѣстный своими руководствами для первоначальнаго обученія, употребляемыми теперь во всей Россіи, и Кулишъ, извѣстный писатель.

Заботясь объ успѣхахъ учениковъ въ наукахъ, Тимковскій принималъ дѣйствительныя мѣры для того, чтобы воспитанники въ гимназіи получали религіозно-нравственное направленіе, пріучались соблюдать уставы и обряды церкви; во время говѣнія учениковъ въ домѣ гимназіи онъ самъ вразумительно читалъ для нихъ покаянный канонъ и самихъ ихъ заставлялъ читать то, что слѣдовало въ богослужебной книгѣ; присутствовалъ съ учениками въ церкви, въ которую инспекторъ приводилъ ихъ парами и разставлялъ въ должномъ порядкѣ; квартирнымъ старшимъ приказывалъ строго наблюдать, чтобы ученики исполняли утреннія и вечернія молитвы; учениковъ, желавшихъ молиться въ церкви въ дни рожденія своихъ родителей, или быть на панихидахъ въ дни поминовенія послѣ ихъ смерти, онъ увольнялъ отъ классовъ, въ день же общаго поминовенія умершихъ, послѣ пасхальной недѣли, ученія въ гимназіи не было. Когда какой-нибудь ученикъ гимназіи умиралъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, то какого-бы класса онъ ни былъ, ученики высшихъ классовъ дежурили при тѣлѣ умершаго, а въ день его погребенія всѣ гимназисты съ своимъ хоромъ, въ предшествіи начальства и всѣхъ преподавателей, при звукахъ гимназическаго колокольчика, провожали покойника; шествіе останавливалось передъ воротами гимназіи, гдѣ и совершалась заупокойная литія, а затѣмъ продолжалось до могилы. Такая погребальная гимназическая процессія имѣла свое значеніе для учениковъ и ихъ родителей: она была очевиднымъ доказательствомъ, что заведеніе, воспитывающее дѣтей, сочувствуетъ семейному ихъ горю и тѣмъ самымъ возбуждала въ нихъ и въ ихъ родныхъ признательность къ воспитателямъ. О поведеніи учениковъ гимназіи Тимковскій часто получалъ точныя свѣдѣнія отъ инспектора и съ нимъ вмѣстѣ старался исправлять неодобряемыхъ въ поведеніи, призывая такихъ учениковъ къ себѣ въ домъ, чего они боялись, потому что въ такихъ случаяхъ вызываемы были ихъ родители, которымъ Тимковскій предоставлялъ принять съ своей стороны мѣры для исправленія дѣтей.

Тимковскій не хотѣлъ, чтобы ученики подвержены были тѣлеснымъ наказаніямъ въ домѣ гимназіи. Говорили, что когда

не было еще въ гимназіяхъ инспекторовъ и когда наблюденіе за учениками поручалось учителямъ, послѣдніе, въ отсутствіи Тимковскаго, однажды сильно наказали розгами одного провинившагося ученика; Тимковскій сдѣлалъ наказавшимъ сильный выговоръ и запретилъ имъ впредь безъ его вѣдома наказывать тѣлесно.

Въ оффиціальномъ обращеніи съ учителями и другими чиновниками гимназіи Тимковскій являлся начальникомъ, съ которымъ никому изъ насъ и въ голову не приходило вступать въ какую нибудь оппозицію, потому что всѣ мы были увѣрены въ его учености, опытности и благонамѣренности; отъ него многому можно было намъ поучиться. Не сближаясь съ нами до пріятельскихъ отношеній, онъ входилъ въ домашнее положеніе каждаго изъ насъ и самъ распредѣлялъ намъ постояльцевъ изъ учениковъ, соотвѣтственно нашимъ нуждамъ и благонадежности. Зная какую нибудь слабость учителя, Тимковскій, не любя доводить о такихъ слабостяхъ до свѣдѣнія высшаго начальства, самъ, домашнимъ образомъ, безъ огласки, дѣлалъ такому учителю вразумленіе, иногда очень эфектное. Жалованье учителямъ онъ всегда выдавалъ самъ, для чего всѣ они въ одно время собирались въ домъ его и изъ пріемной залы по очереди входили въ его кабинетъ, въ которомъ онъ сидѣлъ за столомъ предъ разсчитанными деньгами при запираемыхъ дверяхъ. Однажды учитель исторіи Ерофеевъ, хорошо знавшій и преподававшій свой предметъ, но любившій выпить, вошелъ для полученія жалованья, Тимковскій вручилъ ему деньги, благодарилъ его за успѣхи его учениковъ и заключилъ свою благодарность словами: „выкиньте у себя изъ головы, что хорошій учитель непремѣнно долженъ быть пьяницей“.

Когда Тимковскій говорилъ въ гимназіи свои поучительныя рѣчи ученикамъ, то при произнесеніи ихъ онѣ казались произведеніемъ искуснаго оратора, но писалъ онъ свои произведенія тяжелымъ слогомъ, за то по содержанію своему сочиненія его были полновѣсны и основательны.

Самъ занимаясь всѣми дѣлами по гимназіи, онъ не успѣвалъ дѣлать все въ свое время; особенно медлителенъ онъ

былъ въ исполненіи предписаній попечителя и иногда посылалъ ему на нихъ свои возраженія, когда находилъ эти предписанія неудобопримѣнимыми къ гимназіи, за что получалъ замѣчанія отъ попечителя фонъ-Брадке, который не любилъ никакого противорѣчія и требовалъ безусловнаго повиновенія отъ университетскаго совѣта, за что въ свою очередь получалъ замѣчанія отъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова. Въ послѣдній годъ директорства Тимковскаго, гимназію ревизовалъ попечитель фонъ-Брадке, привезшій съ собою инспектора училищъ Люце. Когда Тимковскій представилъ ему всѣхъ чиновниковъ гимназіи, Брадке спросилъ: какъ исполняютъ службу въ гимназіи вновь опредѣленные имъ преподаватели: законоучитель Янчевскій, поступившій на мѣсто моего тестя, и я. Тимковскій отозвался о насъ съ полнымъ одобреніемъ. Во время экзамена по математикѣ учениковъ спрашивалъ Люце, а фонъ-Брадке сидѣлъ въ сторонѣ, посадилъ около себя одного ученика и обнимая его, въ тоже время дѣлалъ за ошибочные отвѣты экзаменуемыхъ учениковъ грубые выговоры учителю, въ присутствіи всего класса, что всѣхъ насъ оскорбило.—Въ томъже году Тимковскій, окончивъ 25-ти лѣтній срокъ своей службы, вышелъ въ отставку.

Трогательно было прощаніе Тимковскаго съ гимназіею, при которомъ онъ выразилъ свое сожалѣніе, что оставляетъ её послѣ 13-ти лѣтнихъ трудовъ своихъ. Новгородъ-Сѣверская гимназія лишилась въ немъ директора-воспитателя, а чиновники ея—благодѣтельнаго начальника. Новгородъ-Сѣверская гимназія обязана Тимковскому тѣмъ, что воспитанники ея при немъ и долго послѣ него отличались доброю нравственностью.

Городъ Новгородъ-Сѣверскъ, пока въ немъ будетъ находиться гимназія, долженъ съ благодарностью вспоминать Тимковскаго, удержавшаго гимназію на своемъ мѣстѣ. Высшее учебное начальство намѣревалось перевести гимназію изъ Новгородъ-Сѣверска въ Нѣжинъ, и предлагало Тимковскому остаться ея директоромъ. Слухъ объ этомъ сильно смутилъ жителей Новгородъ-Сѣверска, въ особенности торговцевъ, ремесленниковъ и домовладѣльцевъ, получавшихъ отъ гимназіи значи-

тельныя выгоды. За себя Тимковскій отвѣчалъ попечителю, что ни въ какой другой гимназіи, кромѣ Новгородъ-Сѣверской, онъ служить не желаетъ, а о гимназіи вошелъ въ переписку съ Петербургомъ, гдѣ братья жены его Халанскіе, занимавшіе почетныя должности, и вмѣстѣ съ ними Кочубей, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія такой дали успѣшный ходъ ходатайству Тимковскаго, что гимназія не только была оставлена въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но тогда же ассигнована была сумма на построеніе новаго каменнаго для нея зданія. Тимковскій, кромѣ зданія для гимназіи, предполагалъ выстроить отдѣльныя каменныя зданія для церкви и для квартиръ инспектору и директору, для чего имѣлась въ гимназіи накопленная сумма денегъ около 80000 руб., но высшее начальство не утвердило этого проэкта и означенную сумму отобрало въ казну, а на постройку для гимназіи каменнаго зданія выслало нормальный планъ, по которому и построена теперешняя гимназія, уже послѣ Тимковскаго при его пріемникѣ

XXXI.

Директоръ Батаровскій.—Строеніе гимназіи.—Ревизоръ гимназіи попечитель кн. Давыдовъ и профессоръ Ставровскій.—Частные мои уроки въ домѣ Судіенко.—Рекреація.—Положеніе гимназическаго персонала.

На мѣсто Тимковскаго поступилъ переведенный изъ Каменецъ-Подольской гимназіи директоръ Андрей Батаровскій. Говорили, что онъ переведенъ оттуда потому, что попечитель фонъ-Брадке замѣтилъ въ немъ особенное сближеніе съ поляками, что оказалось вѣроятнымъ, такъ какъ и въ нашей гимназіи онъ особенно былъ расположенъ къ учителямъ изъ поляковъ, которыхъ называлъ бѣдненькими. При Батаровскомъ дѣла по управленію гимназіею и въ особенности отписка по канцеляріи шли скорѣе, чѣмъ при Тимковскомъ, но въ учебно-нравственномъ отношеніи не все шло такъ, какъ было при Тимковскомъ; Батаровскій хорошо дѣлалъ, что ничего не портилъ, только не любилъ слушать, когда кто-нибудь хвалилъ Тимковскаго.

При Батаровскомъ началась и чрезъ два года окончилась постройка новаго дома гимназіи. Для этого учреждена были при гимназіи строительная коммиссія, членами которой были директоръ, инспекторъ (должность котораго въ это время исправлялъ я, по случаю увольненія настоящаго инспектора въ Петербургъ для излеченія его болѣзни) и присланный отъ департамента архитекторъ Трофимовъ съ назначеніемъ ему жалованья, котораго другимъ членамъ коммиссіи не полагалось. Подрядчикомъ строенія былъ 2-ой гильдіи купецъ Сленьковъ. Закладка новой гимназіи происходила торжественно: почетные граждане города съ цѣховыми значками и духовенство съ хоругвями присутствовали при закладкѣ, которую совершилъ архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря Геннадій.

Архитекторъ съ подрядчикомъ не сошлись въ сдѣлкѣ, потому что послѣдній не согласился дать первому 5000 руб., послѣ чего архикторъ дѣлалъ разныя придирки подрядчику во время производства строенія.

Когда стали въ основаніе класть камень, архитекторъ настоялъ, чтобы каждый камень обмазываемъ былъ известью и потомъ уже весь положенный такимъ образомъ рядъ камней заливался известью, что давало особенную прочность фундаменту и что Трофимовъ называлъ римскимъ цементомъ; онъ часто опаздывалъ приходить на работу и когда приходилъ, приказывалъ рабочимъ ломать положенные кирпичи, чѣмъ причинялъ подрядчику убытокъ; но подрядчикъ успѣлъ заручиться благорасполаженіемъ попечительской канцеляріи, откуда коммиссія получала разрѣшеніе выдавать подрядчику деньги впередъ противъ положенныхъ сроковъ ихъ выдачи.

Однажды, когда я пришелъ въ строительную коммиссію, директоръ сказалъ мнѣ, что ему снилось, будто шмели налетѣли въ коммиссію и стали кусать членовъ ея. Въ тотъ же день въ коммиссіи получены были отъ попечителя 2 выговора, одинъ, и притомъ весьма строгій, по жалобѣ подрядчика, за то, что она будто бы преждевременно прекратила каменную кладку, за что и должна подвергнуться отвѣтственности за убытки причиненные подрядчику; другой выговоръ за то, что коммиссіею допу-

шено было употребить въ строеніе 20000 недожженаго кирпича. Касательно прекращенія каменной кладки директоръ Батаровскій заблаговременно принялъ предосторожность, поручивъ мнѣ ежедневно записывать градусы холода въ осеннее время, и когда въ октябрѣ мѣсяцѣ морозы стали доходить до 7°, тогда прекращена была каменная кладка. По полученіи за это выговора, Батаровскій отнесся въ Черниговскую строительную коммиссію съ просьбою выслать въ гимназическую коммиссію полное законное постановленіе о каменной кладкѣ въ казенныхъ строеніяхъ, и получивъ оттуда такое постановленіе, увидѣлъ изъ него, что въ Черниговской губерніи каменная кладка должна быть прекращена въ самомъ началѣ октября, что слѣдовательно коммиссія поступила по закону; копію этого постановленія онъ послалъ попечителю, прося его снять съ коммиссіи выговоръ; попечитель отвѣчалъ, что выговора снять не можетъ, потому что коммиссія при закрытіи кладки не имѣла въ виду этого постановленія, а поступила по своему произволу. Послѣ такого отвѣта Батаровскій сказалъ, что послѣ этого ни выговора попечителя, ни взысканія бояться нечего, и что еслибы попечитель рѣшился привести въ исполненіе свою угрозу о взысканіи, то онъ найдетъ защиту у шефа жандармовъ Бекендорфа, котораго онъ вылѣчилъ отъ болѣзни, бывши полковымъ штабъ лекаремъ.

Касательно нежженыхъ кирпичей, употребленныхъ въ кладку, попечитель сносился съ строительнымъ департаментомъ, который отвѣчалъ, что нежженые кирпичи, употребленные въ коридорныя стѣны, не ослабятъ ихъ крѣпости. По окончаніи постройки дома гимназіи, онъ былъ освященъ съ такимъ же торжествомъ, какое было при его закладкѣ; по освященіи новаго зданія въ немъ совершился и торжественный актъ, на которомъ я читалъ мою историческую о гимназіи записку, составленную на основаніи документовъ, доставленныхъ мнѣ Тимковскимъ. Послѣ акта въ нижней залѣ, почетный попечитель гимназіи Ладомирскій далъ богатый обѣдъ для почетныхъ лицъ изъ духовенства, дворянъ и чиновниковъ гимназіи. Онъ же Ладомирскій въ то время подарилъ гимназіи: дорогой портретъ

Императора Николая I-го въ богатой золоченой рамѣ, двѣ бронзовыя люстры, кафедру для залы, большую электрическую машину для физическаго кабинета и для рисовальнаго класса— выписанные изъ-за границы оригиналы, которые развѣшаны были въ торжественной залѣ; старый деревянный домъ гимназіи онъ на свой счетъ перенесъ и передѣлалъ для общей ученической квартиры; въ этомъ домѣ теперь помѣщаются квартиры для директора и инспектора.

При Батаровскомъ въ гимназіи въ разное время были 2 ревизіи, изъ которыхъ 1-ую производилъ попечитель округа князь Давыдовъ. Грозно было его прибытіе: проходя сѣни гимназіи, гдѣ его встрѣтили всѣ чиновники гимназіи, онъ не отвѣтилъ на ихъ поклоны; войдя въ классъ, онъ тотчасъ же началъ производить испытаніе учениковъ, во время котораго молчалъ. Когда испытаніе происходило по исторіи, онъ, при ошибочныхъ отвѣтахъ нѣкоторыхъ учениковъ, дѣлалъ грубые выговоры учителю этого предмета Ерофееву, и наконецъ сказалъ, что пошлетъ его въ уѣздное училище. Мы никакъ не могли понять, за что была такая немилость къ учителю, который хорошо зналъ и преподавалъ свой предметъ; вскорѣ этого учителя Давыдовъ перевелъ въ Немировскую гимназію. Впослѣдствіи мы узнали, что еще до экзамена директоръ Батаровскій сказалъ кн. Давыдову, что Ерофеевъ въ передней графини Цармы, знакомой Батаровскаго, за что-то толкнулъ ея лакея.—На другой день князь Давыдовъ при испытаніи учениковъ былъ гораздо ласковѣе. Когда шелъ экзаменъ по латинскому языку, онъ хвалилъ учениковъ, едва-ли самъ зная этотъ предметъ; когда же я попросилъ его выслушать, какъ ученики мои читаютъ латинскіе стихи, онъ сталъ еще болѣе ихъ расхваливать; на третій день, оканчивая испытаніе, кн. Давыдовъ съ весьма ласковымъ видомъ сказалъ намъ: я нахожу, что Новгородъ-Сѣверская гимназія гораздо лучше того, что мнѣ объ ней наговорили. Мы думали, что послѣ такого отзыва его намъ по крайней мѣрѣ въ печатномъ циркулярѣ будетъ объявлена похвала, но не тутъ-то было: князь Давыдовъ былъ та-

кой человѣкъ, словамъ котораго не вѣрили даже и тогда, когда онъ былъ вице-президентомъ академіи наукъ.

Въ другой разъ ревизоромъ былъ профессоръ Университета Ставровскій. Но прежде, нежели я буду говорить объ его ревизіи, скажу, что за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія его произошла перемѣна въ предметѣ моего преподаванія. Батаровскій, по просьбѣ недавно опредѣленнаго учителемъ исторіи поляка Левандовскаго, невѣдомо для меня сдѣлалъ попечителю представленіе, что Левандовскому, какъ поляку, неудобно преподавать въ гимназіи Всеобщую и Русскую исторію, а какъ Самчевскій преподавалъ этотъ предметъ въ Черниговской семинаріи, то онъ находитъ, что было бы удобнѣе поручить Самчевскому преподаваніе исторіи, а Левандовскому—латинскаго языка, что и было утверждено попечителемъ. Представленіе Батаровскаго было конечно резонно, но для меня оно было не выгодно, такъ какъ, преподавая латинскій языкъ, я настолько себѣ усвоилъ его, что у меня оставалось довольно свободнаго времени для домашняго обученія сыновей моихъ, которыхъ я приготовлялъ прямо къ 4-му классу; кромѣ того, преподаваніе исторіи учителемъ Глушановскимъ, бывшимъ до Левандовскаго, было запущено по всѣмъ классамъ по причинѣ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его изъ Новгородъ-Сѣверска; къ тому же въ это время послѣдовала перемѣна, какъ въ преподаваніи исторіи по болѣе обширной программѣ, такъ и въ учебныхъ по ней руководствахъ: по Всеобщей исторіи введены были въ употребленіе три тома учебника Смарагдова, для древней, средней и новой исторіи, а для русской исторіи руководство Устрялова въ 5-ти частяхъ. Въ короткое время пройти по этимъ руководствамъ, все непреподанное учителемъ Глушановскимъ было не возможно. Наконецъ ожидался ревизоръ, спеціалистъ въ историческихъ наукахъ, профессоръ исторіи Ставровскій. Онъ прибылъ прямо въ гимназію и прежде, нежели успѣли собраться въ нее всѣ преподаватели, началъ экзаменовать учениковъ разомъ по всѣмъ предметамъ; по исторіи ученики мои смѣшались въ отвѣтахъ по непреподаннымъ отдѣламъ.

Послѣ утренняго экзамена Баторовскій былъ такъ добръ, что пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ ревизоромъ, и когда я представилъ послѣднему причину замѣшательства моихъ учениковъ въ отвѣтахъ по исторіи, онъ поддержалъ меня, засвидѣтельствовавъ, что представленная мною причина справедлива; при этомъ я просилъ Ставровскаго испытать учениковъ моихъ въ пройденныхъ съ ними мною отдѣлахъ, на что онъ охотно согласился и послѣ обѣда ученики мои оказались въ отвѣтахъ своихъ исправными. Въ печатномъ циркулярѣ, какой обыкновенно разсылался по гимназіямъ съ отзывомъ о нихъ ревизора, объявлена была благодарность Левандовскому за успѣшное преподаваніе латинскаго языка, а обо мнѣ сказано было, что въ короткое время преподаванія мною исторіи я успѣшно прошелъ съ учениками значительную часть того, что въ свое время учителемъ не было преподано имъ.

Во время директорства Баторовскаго мнѣ представился случай давать частные уроки. Помѣщикъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Судіенко сталъ жить въ своемъ Новгородъ-Сѣверскомъ домѣ для обученія сыновей своихъ, для чего приглашены были преподаватели гимназіи по разнымъ предметамъ, кромѣ латинскаго языка, которому сыновья Судіенка еще не обучались. Когда же учитель исторіи Ерофеевъ выбылъ изъ Новгородъ-Сѣверска, то на мѣсто его приглашенъ былъ я преподавать этотъ предметъ, послѣ я давалъ уроки сыновьямъ Судіенка по Закону Божію, русскому языку и словесности. Сыновья Судіенка учились хорошо, особенно изъ нихъ даровитъ былъ старшій. Послѣ нѣкотораго времени родители Судіенки пожелали, чтобы сыновьямъ ихъ произведенъ былъ домашній экзаменъ, на который приглашены были архимандритъ и директоръ гимназіи. Ученики наши на испытаніи получили похвалу отъ экзаменовавшихъ ихъ, чѣмъ родители много были обрадованы и благодарили всѣхъ насъ. Въ это время Судіенко былъ почетнымъ попечителемъ Черниговской гимназіи, которой при самомъ вступленіи своемъ въ эту должность пожертвовалъ 30000 руб. въ дополнененіе къ пожертвованному отцомъ его капиталу въ девяносто тысячъ рублей для устройства при Черниговской гим-

назіи благороднаго пансіона. Судіенко, пользуясь особеннымъ за то уваженіемъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, предлагалъ мнѣ свое ходатайство о назначеніи меня инспекторомъ въ подвѣдомую ему Черниговскую гимназію; когда я не могъ принять такого предложенія по нежеланію моему оставить свой домъ и семейство, онъ поручилъ мнѣ отъ лица его написать попечителю рекомендательное письмо объ учителѣ *Китченко* [1]), который по этой рекомендаціи и былъ назначенъ инспекторомъ въ

[1]) Въ дополненіе къ этому сообщаемъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, касающихся личности *Китченко* и любезно переданныхъ въ наше распоряженіе однимъ изъ бывшихъ учениковъ О. А. Самчевскаго.—*Ред.*

Не вѣдалъ Судіенко, что творилъ. Китченко, Федоръ Андреевичъ, отошедшій уже въ царство тѣней, былъ инспекторомъ Черниговской гимназіи въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; онъ былъ извѣстенъ между учениками того времени, какъ жестокій «бичъ» и «людоѣдъ». Во время его инспекторства стоялъ стонъ и роздавались вопли во всѣхъ трехъ ученическихъ помѣщеніяхъ: въ зданіи гимназіи, пансіонѣ и въ общей квартирѣ. Ежедневно являлся Китченко въ 8 часовъ утра въ пансіонъ при гимназіи и здѣсь выслушивалъ докладъ воспитателей объ ученикахъ, которые подлежали, по ихъ мнѣнію, наказанію. Зная любовь Китченка къ истязаніямъ дѣтей, воспитатели не скупились и указывали (беря minimum) не менѣе двухъ учениковъ на отдѣленіе, которыхъ было 8, такъ какъ первые 4 класса имѣли по два отдѣленія. Эти несчастные тотчасъ Китченкомъ отзывались «внизъ къ Минѣ». Мина былъ сторожъ при карцерахъ, любимецъ Китченка «по хлесткости ударовъ»; на обязанности его лежало имѣть всегда огромный запасъ розогъ. Осмотрѣвъ пансіонъ, Китченко спускался внизъ къ Минѣ, входъ къ которому было налѣво отъ воротъ въ зданіи старой гимназіи и здѣсь производилась жестокая экзекуція. Во время перемѣнъ между уроками, Китченко входилъ въ классы, и, осмотрѣвъ учительскій журналъ, объявлялъ приказъ получившимъ единицы, а иногда и двойки, идти немедленно къ Минѣ, или приказывалъ остаться послѣ уроковъ. Въ половинѣ третьяго часа уроки оканчивались; послѣ выхода учениковъ и учителей изъ зданія гимназіи, Китченко шелъ въ классы и забиралъ съ собою изъ первыхъ четырехъ классовъ оставленныхъ имъ

Черниговскую гимназію, въ которой послѣ былъ директоромъ.— Судіенки ко всѣмъ намъ очень были расположены, и во всѣ праздничные дни всѣ мы у нихъ гостили. Лѣтнее время семейство Судіенковъ проводило въ своемъ помѣстьѣ Очкинѣ, откуда за каждымъ изъ обучавшихъ ихъ дѣтей присылали экипажъ; во время же лѣтнихъ вакацій мы все это время жили гостями въ Очкинѣ, пользуясь всѣми удовольствіями, какія представлялъ тогда богатый барскій домъ, въ которомъ была картинная галлерея, богатая библіотека, билліардъ, въ усадьбѣ большой паркъ въ англійскомъ вкусѣ, тамъ же купальня; послѣ вкуснаго обѣда

учениковъ и велъ къ Минѣ. Вопль и плачь дѣтей оглашалъ все пустое зданіе гимназіи. Безъ всякаго преувеличенія можно опредѣлить сколько ежедневно учениковъ Китченко подвергалъ тѣлесному наказанію: въ 8 отдѣленіяхъ было по 4 урока; предположимъ, что только одинъ ученикъ въ отдѣленіи получалъ единицу, итого 34 ученика ежедневно наказывались розгами. Насладившись истязаніемъ дѣтей въ пріемной Мины, Китченко отправлялся въ общую ученическую квартиру, помѣщавшуюся въ домѣ Сѣрикова, вправо отъ гимназіи; здѣсь повторялась та-же исторія, что въ 8 часовъ утра въ пансіонѣ, съ той только разницей, что экзекуція исполнялась немедленно только въ праздничные дни, а въ обыкновенное время Китченко объявлялъ: «Остаться завтра послѣ уроковъ»! Такихъ учениковъ общая квартира поставляла Китченку столько-же, сколько и пансіонъ, не менѣе 8 человѣкъ. Каждый день Китченко подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50 учениковъ, многіе наказывались въ день по два раза; ранѣе разрисованные узоры не останавливали Китченка; онъ на эти узоры наводилъ новыя краски. Что въ названной цифрѣ не только нѣтъ преувеличенія, но она даже и очень уменьшена, вѣроятно засвидѣтельствуютъ всѣ бывшіе при Китченкѣ въ черниговской гимназіи. Впрочемъ можно указать и на оффиціальныя подтвержденія жестокости и безчеловѣчія Китченка. Изъ Черинигова Китченко былъ переведенъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ житомірскую гимназію; послѣ сего проходитъ 10 лѣтъ; настало иное время, явилось положеніе 19 февраля; мрачный періодъ нашей крѣпостной жизни кончился и безправіе осталось назади. Эта обновленная наша жизнь выразилась всюду, въ каждомъ учрежденіи, только Китченко, этотъ гимназическій Ушаковъ XIX вѣка, былъ чуждъ ея,—все прошло мимо него:

мы обыкновенно съ семействомъ Судіенковъ или катались на лодкахъ по рѣкѣ Деснѣ, или ѣздили въ экипажахъ въ хутора, гдѣ опять насъ угощали сельскими произведеніями—молокомъ и ягодами; вечеромъ всѣ собирались на семейный чай, при которомъ вновь предлагались намъ разныя сласти изъ произведеній фруктоваго сада, оранжереи и парниковъ; все это, при любезномъ съ нами обращеніи радушныхъ хозяевъ, доставляло намъ такое пріятное препровожденіе времени въ Очкинѣ, что изъ него не хотѣлось бы возвращаться въ Новгородъ-Сѣверскъ, казавшійся послѣ Очкина бѣднымъ и скучнымъ.

въ 1858 и 1859 гг. въ попечительство Пирогова, были затребованы свѣдѣнія отъ всѣхъ гимназій Кіевскаго округа о количествѣ учениковъ, наказанныхъ розгами въ теченіе учебнаго года. Изъ этого отчета, напечатаннаго въ тоже время въ журналѣ М. Н. П, видно, что въ каждой гимназіи наказанные считались десятками, а въ Житомірской, гдѣ директорствовалъ Китченко, число сѣченыхъ перевѣсило многія сотни. Эта цифра въ то время поразила всѣхъ; но, зная Китченка, можно съ увѣренностью сказать, что онъ умышленно утаилъ въ отчетѣ многія сотни, если не тысячи. Сѣченіе учениковъ для Китченка было истиннымъ наслажденіемъ; это его единственное занятіе, его единственный трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія Китченко ровно ничего не дѣлалъ. Надо было только видѣть, съ какимъ плотояднымъ выраженіемъ на лицѣ разговаривалъ Китченко съ новичкомъ, только что поступившимъ въ гимназію изъ подъ маменькинаго крылышка. Рѣдко эти бѣдняжки и недѣлю проживали, не побывши въ лапахъ Китченка и Мины. Обыкновенно Китченко спрашивалъ поступившаго ученика: знаетъ ли онъ розги и, если получался отвѣтъ, что дома его никогда не сѣкли, Китченко вскорѣ къ чему нибудь привязывался и знакомилъ его съ пріемной Мины. Однажды поступилъ въ общую квартиру ученикъ 2 класса Джогинъ, лѣтъ 12, розовый, кругленькій и красивый мальчикъ—кровь съ молокомъ. Пріѣзжаетъ въ общую квартиру Китченко, увидя Джогина, онъ спросилъ фамилію, тотъ отвѣтилъ. На другой день опять тотъ же вопросъ. Глядя на выраженіе лица Китченка, всѣ тотчасъ почувствовали, что Джогинъ уже намѣченъ, что Китченко равнодушно мимо него пройти не можетъ и сказали объ этомъ Джогину. «Не боюсь,—отвѣтилъ Джогинъ, меня мама приготовила въ 4

Судіендо передъ отъѣздомъ своимъ въ Кіевъ, гдѣ захотѣлъ поселиться для дальнѣйшаго образованія своихъ сыновей, дружески прощался съ нами, сожалѣя, что разстается съ такими усердными наставниками его дѣтей, какихъ желалъ бы найти въ Кіевѣ; тогда же онъ разомъ уплатилъ намъ всѣ деньги, причитавшіяся за наши уроки; на доставшуюся мнѣ значительную сумму я произвелъ перестройки въ своемъ домѣ и покрылъ домъ желѣзомъ. Старшій мой сынъ Иванъ слушалъ лекціи и окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Ростовцевымъ и старшимъ сыномъ Судіенка Іосифомъ, съ которымъ вмѣстѣ жили и приготовлялись къ окончательному экзамену;

классъ и только по просьбѣ директора согласилась на опредѣленіе меня во 2 классъ, я и языки знаю, всегда съ мамой говорю и по французски и по нѣмецки». Пріѣзжаетъ въ третій разъ Китченко, опять подходитъ къ Джогину и спрашиваетъ надзирателя, какъ онъ ведетъ себя. Надзиратель отвѣтилъ: «ничего, только сегодня ударилъ книгою по лицу товарища».—За что?— «Тотъ началъ дразнить его, а Джогинъ бросилъ въ него книгу и попалъ въ лицо».—Ну, а если бы ты попалъ въ глазъ и выбилъ,—сказалъ Китченко, ступай на дрожки. Всѣмъ было извѣстно, что значитъ «ступай на дрожки». Китченко всегда пріѣзжалъ въ общую квартиру на собственныхъ дрожкахъ, на нихъ онъ возилъ ученика на свиданіе къ Минѣ, а отъ послѣдняго ученикъ уже возвращался въ общую квартиру пѣшкомъ. Бѣдный Джогинъ явился чрезъ полчаса, лица на немъ не было; нѣсколько дней мальчикъ плакалъ съ утра до вечера, ночи неспалъ изъ страха. «Что если мама узнаетъ, она непремѣнно умретъ»,—говорилъ товарищамъ Джогинъ. Всѣ успокаивали его, принимая участіе въ его горѣ. Послѣ этого случая Китченко такъ привязался къ Джогину, такъ сѣкъ его за всякую мелочь, что къ концу перваго года отъ Джогина осталась только тѣнь, полнота и розовый цвѣтъ лица были съѣдены Китченкомъ. Когда въ началѣ іюня пріѣхала, кажется изъ стародубскаго уѣзда, мать Джогина и увидѣла въ общей залѣ блѣднаго, замученнаго своего сына, съ нею сдѣлался обморокъ, она такъ рыдала, глядя на него, что всѣ ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась въ памяти присутствовавшихъ; всѣ видѣли и знали, что́ былъ Джогинъ и что́ сталъ; всѣ дѣти понимали и раздѣляли ужасъ и отчаяніе матери.

всѣ трое кончили курсъ кандидатами; покойный сынъ мой былъ послѣ инспекторомъ 2-ой кіевской гимназіи, Ростовцевъ теперь помощникъ кіевскаго попечителя, а Судіенко Владимірскій губернаторъ.

Отецъ Судіенка и въ послѣдующее время во многихъ случаяхъ оказывалъ мнѣ благодѣтельное участіе, котораго я никогда не забуду. По выходѣ моемъ въ отставку отъ службы я долгое время жилъ въ его домѣ, о чемъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Мы выше сказали, что истязаніе учениковъ было наслажденіемъ Китченка и сослались на Ж. М. Н. П. Чтобы читатель могъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго, мы отсылаемъ его къ 1 т. соч. Добролюбова, стр. 234; здѣсь имѣется таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 году гимназистахъ въ Кіевскомъ округѣ; изъ этой таблицы оказывается, что было высѣчено: въ кіевской 1-й гимназіи 3, въ ровенской 6, въ новгородсѣверской 8, въ черниговской 18, въ нѣжинской 20, въ подольской 37, въ бѣлоцерковской 38, въ полтавской 39, въ кіевской 2-й 43, въ немировской 67, въ житомірской 290.

Послѣ описанныхъ дѣяній Китченка въ черниг. гимназіи невольно возникаетъ вопросъ, кто же былъ въ то время директоромъ и какъ послѣдній могъ допустить устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины, гдѣ ежедневно проливалась кровь дѣтей. Директоромъ въ Черниговѣ въ то время былъ извѣстный педагогъ Януарій Михайловичъ Невѣровъ, впослѣдствіи попечитель кавказскаго учебнаго округа, умершій 27 мая 1893 года. Чрезвычайно странное совпаденіе: съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, — полнѣйшее воплощеніе звѣря, палача, и оба они стоятъ во главѣ одного и того же воспитательнаго заведенія. Въ нашей памяти остались слѣдующія отношенія Невѣрова къ гимназіи: рѣдко, очень рѣдко являлся Я. М. въ классы, всегда въ сопровожденіи почтительнаго по виду и манерамъ Китченка. Бывало войдетъ Невѣровъ въ классъ, посмотритъ на потолки и углы класса (ученики все время стоятъ), спроситъ у стоящаго около ка-

Здѣсь я хочу вспомнить о томъ неблагопріятномъ положеніи, въ какомъ находился гимназическій персоналъ въ послѣдней половинѣ 30-хъ и въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Въ то время преподаватели гимназіи не могли быть увѣрены, что останутся на своихъ мѣстахъ, потому что высшее учебное начальство имѣло обыкновеніе переводить изъ западныхъ губерній учителей польскаго происхожденія въ русскія губерніи, а отсюда русскихъ учителей высылало на ихъ мѣсто въ западныя губерніи, не спрашивая желанія переводимыхъ и не обращая вниманія на ихъ семейныя обстоятельства. И я былъ уже назначенъ преподавать латинскій языкъ въ кіевской гимназіи, гдѣ современемъ, (когда лучше стали смотрѣть на учителей), можетъ быть имѣлъ бы лучшій ходъ по службѣ, но не желая оставить домъ мой и крайне затрудняясь, при моемъ недостаточномъ состояніи, переѣздомъ съ семействомъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ бы нанимать для себя квартиру за двойную цѣну, я едва и съ трудомъ упросилъ начальство оставить меня на моемъ мѣстѣ. Учителей гимназіи тогда не награждали, какъ

ѳедры учителя о чемъ урокъ, а затѣмъ скажетъ, обращаясь къ ученикамъ: «учитесь, дѣти, учитесь!» и уйдетъ изъ класса. Посѣщеніе долѣе 2-хъ, 3-хъ минутъ не продолжалось.—Въ общей квартирѣ если и бывалъ Я. М., то такъ рѣдко, что трудно сказать утвердительно бывалъ-ли онъ два раза въ годъ. Вообще Невѣровъ былъ извѣстенъ ученикамъ только по фамиліи. Что дѣлалъ Я. М., чѣмъ занимался, какія его отношенія были къ учителямъ, въ чемъ проявлялся его директорскій надзоръ, все это было тайной для учениковъ гимназіи его времени. При иномъ директорѣ, который обращалъ бы вниманіе что̀ дѣлается въ стѣнахъ гимназіи, развѣ могло бы существовать пыточное заведеніе Китченка и уроки учителя математики Токарскаго, тоже Федора. Каждый ученикъ, вспоминая Китченка, всегда вспомнитъ и Токарскаго. Особенность этого педагога заключалась въ томъ, что спрашивая уроки въ первыхъ четырехъ классахъ у доски, онъ всегда стоялъ тутъ-же, и при каждой ошибкѣ немилосердно билъ линейкой по рукамъ ученика, дралъ до крови за уши, или крутилъ носъ. Нерѣдко послѣ отвѣта урока ученикъ садился на скамью со вспухшими руками, ушами и носомъ. Каждый съ ужасомъ шелъ, по вызову, къ

теперь, ни деньгами ни орденами, которыхъ не получали даже директора, какъ Тимковскій и Баторовскій. Учителей тогда считали работниками, обязанными нести возлагаемые на нихъ труды за одно скудное ихъ жалованье; бывали случаи, когда у нихъ, по какой-нибудь частной причинѣ, отнимали право содержать у себя на квартирѣ учениковъ, а если позволяли, то съ сильными стѣснительными условіями. Нѣкоторые попечители прямо говорили, что хорошихъ учителей награждать не слѣдуетъ, потому что они должны быть хорошими, въ противномъ случаѣ должны быть удалены. Вообще учителей считали способными только преподавать уроки, но не способными занимать инспекторскія и директорскія должности, которыя давались почетнымъ дворянамъ или отставнымъ военнымъ, а иногда поручали эти должности лицамъ, которыя по спеціальнымъ своимъ занятіямъ совсѣмъ не были подготовлены и не могли служить по учебной части, и подъ начальствомъ такихъ выходцевъ, скрѣпя сердце,

---

doскѣ; этотъ страхъ въ ожиданіи побоевъ былъ причиной, что и знающій урокъ ученикъ ошибался и за ошибки подвергался щипкамъ, ударамъ, крученію носа и ушей.—Ничего подобнаго нельзя сказать о другихъ учителяхъ того времени; были между ними плохіе педагоги, но были люди и вполнѣ порядочные. Къ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, нельзя причислить учителя русской словесности Лузганова, которому впослѣдствіи, когда онъ служилъ при черниговскомъ губернаторѣ Гессе чиновникомъ особыхъ порученій, былъ свыше, изъ С.-Петербурга, запрещенъ въѣздъ въ раскольничьи слободы губерніи. Въ гимназіи Китченкомъ было устроено 4 карцера для учениковъ высшихъ классовъ: два карцера были совершенно темные, одинъ свѣтлый, а одинъ съ окномъ, забитымъ на половину досками. Наполненіе карцеровъ происходило тотчасъ послѣ уроковъ, и заключеніе продолжалось часто до другого дня, а иногда и нѣсколько дней, смотря по озлобленію Китченка на провинившагося ученика. Заключеннымъ Мина давалъ разъ въ день по куску хлѣба и кружкѣ воды; постелью служилъ совершенно грязный голый полъ; температура зимою была въ карцерахъ немного выше нуля, то-есть, тепла было настолько, чтобы не было къ утру замерзшаго трупа.

должны были находиться заслуженные учителя, имѣвшіе ученыя степени кандидатовъ и магистровъ. Повѣритъ ли кто въ теперешнее время, что въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи должность директора исправлялъ человѣкъ, бывшій селитренныхъ дѣлъ мастеръ? А таковъ былъ Бездонъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

УТОПЛЕННИЦА[1].

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ой, курытся дороженька, курытся;
Ой, чого-жъ нашъ господаръ та журытся?
Ой, що треба коныка продаты,
Та женчикамъ горилочки набраты.
Не журыся, господару, не продасы;
Есть у тебе готовая—намъ дасы.
Ой, прочины, господару, кватырку
Та подывысь на неби на зирку,
Ой, кильки на неби та зирочокъ,
Тильки буде въ поли кипочокъ.

Дружно раздавалась пѣсня по селу.

Приближались жнива—лучшее время въ деревнѣ, полное жизни, энергіи, надеждъ и... неизбѣжныхъ съ ними разочарованій.

Жнива обѣщали быть богатые, урожайные. Давно на полѣсьи не было такого урожая. Песокъ родитъ скромно. Онъ не балуетъ своего хозяина. Страшную силу кладетъ полѣщукъ ежегодно въ свою родную почву и взамѣнъ ея получаетъ ежегодный, посредственный урожай,—какъ разъ столько хлѣба, чтобы, по поламъ „зъ лыхомъ“ дожить до слѣдующихъ жнивъ.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 4.

И такъ изъ года въ годъ. Продажа избытка хлѣба считается здѣсь хозяйственною роскошью, рѣдкимъ случаемъ, возбуждающимъ зависть среди крестьянъ.

Но бываютъ годы, когда, какъ бы видѣ преміи за долготерпѣливое ожиданіе хорошаго урожая, песокъ уродитъ „буйно“. Выйдетъ рожь высокая, колосистая. Колосъ—урожайный, наливной... Диву даются крестьяне: что это значить? Удобреніе почвы одинаковое, и уходъ одинаковый, и погода, кажется, какъ всегда; а урожай—необыкновенный. „Такъ Богъ дае....“ Это ясно.

Такой именно урожай и случился въ годъ смерти Явдохи. Давно не было такого года. Крестьяне съ нескрываемой надеждой поглядывали на свои поля и говорили: „давъ бы Богъ въ добру пору зибраты“. Кой-кто разсчитывалъ продать...

О Явдохѣ забыли. Впечатлѣніе, произведенное ея смертью, постепенно изгладилось среди крестьянъ, подъ вліяніемъ сельскихъ хозяйственныхъ работъ.

Забыли Явдоху, да не на долго. Пришлось о ней вспомнить—не въ добрый часъ.

Это было 26 іюня—день памятный для всего села. Рано утромъ въ этотъ день одна молодыця встала отъ сна сильно встревоженною и, не умывшись, не чесавшись, сейчасъже побѣжала чрезъ огородъ къ своей сосѣдкѣ. Та еще спала...

— А, на іи голову, сказала молодыця, вбѣгая въ хату; тажъ мени Явдоха снылась.

— Що ты кажешь? невжежь?

— Дальби и присяйби. Отъ, щобъ я скошилася на сёму самому мисци, де стою, колы брешу... Я... она отъ волненія не могла дальше говорить.

— Якъ же вона тоби снылася? спросила съ удивленіемъ та, протирая глаза.

— Нибы такъ. Вышла я соби до колодязя воду браты, ажъ дывлюсь: бижать по улыци велыки та червони кони. Таки велыки, що наветь бильши отъ хаты. Пидъ конями блещить щось—нибы срибны пидковы, чи що. Дальби, отъ щобъ я и свита не

побачыла, колы брешу. Везуть тыи кони велыку бричку, а въ тый брычци—сама Явдоха седыть. Розбрыкалыся кони—трудно стрыматы. Скачуть выше комына и завертають на наши поля. „Що се таке?“ думаю соби. А Явдоха рада-радесенька. Злизла зъ брички тай каже:—„Ось, добри люде, и я теперь до васъ пріихала“.—„Чего-жъ ты пріихала?“—„Хочу, каже, зробыты на вашому поли велыки зажинци, велыку толоку“... Дальби. Нехай де на іи нагла!

И никто не зналъ, что-бы могъ обозначать такой сонъ. Только къ вечеру стало ясно, что значили эти роковыя слова Явдохи: *„зроблю зажинци, велику толоку“*.

Съ самаго утра въ этотъ день погода стояла ненадежная, показывала не то на дождь, не то на погоду. Около полудня съ запада надвинулась большая туча, темная, претёмная, съ бѣлоснѣжнымъ верхомъ. Идетъ—клубится, „мотается зверху та внызъ.“

Что сдѣлать, чтобы туча не шла на поле? „Якъ розбыты хмару?“

На это есть средство. Слѣдуетъ взять разщепленную палку, которою передъ тѣмъ въ болотѣ была разъединена пара соединившихся лягушекъ, и этою палкою перекрестить „хмару.“ Послѣ этого „хмара“ разойдется на двѣ половины. „Хоть и гришный то способъ, говорятъ полѣщуки, але помагае.“

Но кто думалъ о палкѣ, когда туча шла? Рѣдкому придетъ мысль о предотвращеніи бѣдствія раньше самаго бѣдствія. О палкѣ и рѣчи не было... Всѣ думали, что хмара стороною пройдетъ; а если и дождь пойдетъ—и то ничего, не впервые...

Но разсчеты были ложны. Пошелъ сильный градъ, какого не было уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ помнятъ старожилы. Удары градинъ оставляли знаки на тѣлѣ человѣка. Градомъ убивало курей, гусей. Птицы падали на лету замертво. У кого были стекла въ окнахъ, обращенныхъ стороною къ граду, всѣ разбились. Это былъ не градъ, а какая-то масса льда, ледяной дождь, безпрерывно сыпавшійся съ неба въ теченіе десяти минутъ, послѣ которыхъ небо прояснилось и на западѣ снова заиграло яркое солнышко. Всё это произошло

такъ быстро и такъ неожиданно, что крестьяне были ошеломлены, и только когда туча прошла, стали понимать значеніе совершившагося.

На поляхъ плотной массой среди уже почти созрѣвшаго посѣва, среди зелени, цвѣтовъ лежали кучи льда. Это былъ какой-то странный компромиссъ лѣта и зимы, теплоты и мороза, жизни и смерти. Всё лежало, какъ на покосѣ. Кой гдѣ только, то тутъ, то тамъ, торчалъ осиротѣлый стебель, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій отъ градовой лавины и, опустивши свой колосъ внизъ, тихо качался. На концѣ его блестѣла дождевая капля. Казалось, колосъ горько плакалъ по своимъ павшимъ братьямъ и раздумывалъ: „зачѣмъ еще остался я? лежать-бы и мнѣ вмѣстѣ съ вами.“ Тяжелая картина.

— Отъ се такъ...

— Такъ то.—Ось що вышло... Гмъ...

Могли только говорить крестьяне въ первыя минуты по минованіи грозы.

— Ой, горенько намъ, щожъ тепера буде? и звитки та хмара взялася?

— Пропала зновъ вся наша праця, погинула.

И пошли безплодныя, но неизбѣжныя причитыванія, и жалобы, и слёзы, и разговоры, обычные при такого рода несчастьяхъ, когда человѣку приходится разсчитываться съ стихіей, неразсчетливо мириться съ дорогою утратою и разочаровываться въ крѣпко укоренившейся надеждѣ. Пошли говорить, кто что сѣялъ и какъ тяжело было сѣять, и кто чего ждалъ и какъ надѣялся управиться съ збожемъ...

II.

Кто то случайно вспомнилъ о Явдохѣ, и совершившееся явленіе получило совершенно новое освѣщеніе въ сознаніи крестьянъ. Казалось, они только того и ждали, чтобы кто нибудь завелъ рѣчь объ утопленницѣ... Забытый образъ утопленницы быстро охватилъ вниманіе всѣхъ крестьянъ. Они съ какой-то особенной энергіей заговорили о покойницѣ и въ общемъ

разговорѣ была выяснена та непостижимая связь градобитія съ смертью „видьмарки", которая совершенно непонятна намъ и которая ясна какъ божій день полѣщуку. Вспомнили объ утреннемъ снѣ, такъ смутившемъ молодыцю, припомнили до мельчайшихъ подробностей всѣ обстоятельства смерти „видьмарки" и кто что говорилъ тогда, и кто что совѣтовалъ... Оказалось, что всѣ какъ будто знали, что что-то такое непремѣнно должно случиться, что всѣ этого „сподивались"... Теперь только стало ясно, почему Явдоха передъ своею смертью кричала и просила червоныхъ коней...

Матеріалъ для розговора былъ неистощимъ. Чѣмъ больше говорилось, тѣмъ больше находилось о чемъ говорить. Были раскрыты такія стороны, какія сначала трудно было даже предвидѣть. Зачѣмъ, напримѣръ, солнце такъ странно заходило въ день смерти Явдохи? Не предвѣщало ли это несчастья? Зачѣмъ шли дожди? Не говорили ли тогда Иванъ Очерета, и Петро Гайдукъ, и Грицько Морозъ и многіе другіе, „що то Явдоха воды просыть" и что её не слѣдуетъ хоронить на кладбищѣ? Потомъ, что значитъ этотъ утренній сонъ? Нѣтъ сомнѣнія, что *она* „згидыла мірскія поля", что *она* мститъ и долго еще будетъ мстить, какъ тотъ „вишалныкъ"—батько москаля, который ходилъ къ своимъ дѣтятямъ и ѣлъ у нихъ барановъ, и телятъ... „Що правда-то правда".

Далѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи факта было даже замѣчено такое обстоятельство, которое сначала крестьяне совершено упустили изъ виду. Градовая туча, какъ оказалось, шла прямо на могилки. Это развѣ даромъ? Что это означало, какъ не то, что покойная Явдоха танцовала съ чортомъ и отъ этого произошелъ градъ? Не даромъ она снилась такая веселая и не даромъ она въѣзжала въ село на высокихъ коняхъ.

Затѣмъ, разговоръ перешелъ на разныя темы общаго характера. Стали говорить, вообще, о градѣ и нечистой силѣ, его производящей. Было высказано много разныхъ взглядовъ на градъ. Много находилось охотниковъ разсказывать, и одинъ перебивалъ другаго...

— Ото, колысь выходыть хмара, та такая густая та страшная, що не доведы Боже... хоть не дывысь... Иде, гремыть и мотается то сюды, то туды. А бувъ на сели еденъ хлопець, той зразу догадався, що буде градъ, вышовъ зъ корчмы и не пускае хмару, одвертае іи на сторону. Не йде хмара—стоить. Колы ажъ приходыть старый дидокъ до корчмы тай каже:— „помогай Богъ вамъ добры люде, позвольте мени свій згонъ перегнаты черезъ ваше поле."—„А можно, кажуть люде, жены соби на здоровье". А хлопець: „а я не позволяю. Вы позволяете, а я не позволяю". Стары люде якъ не нападуть: „ахъ ты, кажуть, такій сякій блазню! Мы позволяемо, а ты сміешь не позволяты..."—„А я не позволяю," каже таки хлопець. Приходыть зновъ той самый старый дидокъ, тай каже до хлопця: „пусты, бо не вытримаю".—„Не пущу". И третій разъ просытся: „пускай, бо сыпну". Тоди хлопець каже людямъ: „вы знаете, хто сей дидокъ? се—градъ. Кудою его пустыты? Бо якъ не пустымо, то винъ лопне". Отъ якъ подумалы соби люде, помирковалы и сказалы, щобъ пустыть его на едне поле, на едну тильки волоку. Отъ, якъ винъ пишовъ, то, якъ бачите, вся, вся волока градомъ засыпалася.

— А я то зновъ чувъ, що нибы градъ робыть стара дивка, що, бачь, вона замужъ не вышла, то вона устае у ночи, иде до колодезя и робыть градъ и каже: „граду, граду градобою, иды своей чередою, падай грудками та густо, щобъ на поляхъ було пус..."

Ото, съ тей-то поры и бье на землю и градъ, и громъ...

Много всякихъ разсказовъ, и относящихся и не относящихся къ дѣлу было разсказано при этомъ случаѣ. Для полѣщука достаточно упоминаніе о чортѣ, чтобы онъ перешелъ отъ него къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ своего міросозерцанія. Тема о чортѣ—самая любимая... Чортъ у полѣщука не сходитъ съ языка. И не удивительно—онъ вмѣшивается положительно во всѣ его дѣла. Сломается ось у воза,—„чортъ іи знае, якъ вона зломылася; сыва кобыла не шпарко бижить,— „а щобъ іи чортъ побравъ"; потерялась вещь какая нибудь,— „а де вона въ чорта подилася"; надоѣстъ ли ему кто нибудь,—

„иды къ бисовому батьку“; недоволенъ онъ чѣмъ нибудь— ему „до чорта нудно“, доволенъ—ему „до сто чортивъ весело“... Словомъ, чортъ живетъ у полѣщуковъ. Да гдѣ же ему, спрашивается, и жить, какъ не на полѣсьи, гдѣ такъ много еще дикихъ зарослей, густыхъ „корчивъ“, старыхъ лѣсовъ, гнилыхъ болотъ, трущобъ въ которыхъ самъ чортъ ногу сломыть.....

Какъ ни разнообразны были, впрочемъ, предметы разговора, всѣ они свелись къ одному общему и совершенно не вытекавшему изъ разговоровъ заключенію:

— Треба выкопаты Явдоху зъ могилокъ и закопать іи на граныци де-небудь сторчнякомъ (въ вертикальномъ положеніи), щобъ люде не бидовалы симъ литъ.

Хотя объ этомъ почти никто не говорилъ, но это само собою подразумѣвалось и лежало въ основаніи всѣхъ разговоровъ. Всё велось къ тому, что въ происшествіи виновата одна Явдоха и больше никто. Когда послѣ грозы впервые заговорили о Явдохѣ, всѣ еще тогда чувствовали, что её выкопаютъ. Это было такъ ясно, такъ убѣдительно и съ такою очевидностью для полѣщука вытекало изъ всѣхъ его разговоровъ, что спеціально объ этомъ и говорить не слѣдовало.

III.

Позднимъ вечеромъ, когда всё въ селѣ улеглось, къ углу сельскаго кладбища подъѣхали лошадью Грыцько Морозъ и Иванъ Очерета. Они привязали лошадь къ забору, тихо перелѣзли чрезъ заборъ и, стоя въ высокомъ бурьянѣ, стали совѣщаться. У каждаго въ рукахъ былъ заступъ. Ночь была темная полуоблачная, но теплая.

— Поклыкаты Левка? спросилъ Иванъ.

— А треба, бо самы не справымося, отвѣчалъ Грыцько.

Они взялись за исполненіе труднаго порученія—„вытрусыты“ Явдохину могилу и закопать трупъ гдѣ нибудь на границѣ.

— Пожды тутъ, я пиду, поклычу.

Иванъ скрылся въ бурьянѣ и направился къ небольшой сторожкѣ, стоявшей у воротъ кладбища. Спотыкаясь на каждомъ шагу о кресты и могилы, онъ подошелъ къ окну сторожки и постучалъ сначала тихо, потомъ громче... Левко спалъ. Наконецъ, изъ сторожки раздался голосъ:

— Хто тамъ такій?

— То мы...

— А, заразъ.

Сторожъ узналъ по голосу кто—и догадался въ чемъ дѣло. Онъ вышелъ, накинувъ на себя наскоро свитку, съ заступомъ въ рукакъ.

— Хто зъ тобою?

— Грыцько.

— Я такъ и знавъ. А заступы...

— Есть.

Молча, съ сознаніемъ таинственной важности начинаемаго дѣла, шли Иванъ и Грыцько за сторожемъ. Въ самомъ углу кладбища, недалеко отъ забора, межъ бурьяномъ бѣлѣлся песокъ на могилѣ Явдохи. Сторожъ остановился.

— Тутъ. Начинайте соби зъ Богомъ, а я заразъ приду. Чоботы визьму..

Иванъ и Грыцько постояли нѣсколько минутъ, какъ-бы впервые серьезно задумываясь надъ тѣмъ, что они хотѣли дѣлать. Въ разговорахъ у корчмы они громче всѣхъ говорили о Явдохѣ, настаивали, чтобы её выкопать и обзывали её—покойницу—всякими нехорошими словами. Но теперь, на кладбищѣ, межъ крестовъ, въ темную ночь имъ было какъ-то не по себѣ. Не то, чтобы было жутко,—они не боялись,—но они не думали, чтобы это дѣло, казавшееся имъ сначала такимъ простымъ, на самомъ дѣлѣ оказывалось какимъ-то особеннымъ, для котораго требовалась ночь, а не день, два—три человѣка, а не громада, и, вообще, такая непріятная обстановка.

— Чи мисяць хутко зыйде? спросилъ Грыцько, чтобы только что нибудь сказать.

— Вже зыйшовъ, але не выдно, бо за хмарою...

— Ну, то...

Они сняли шапки, перекрестились и начали работу.

— Перше треба-бъ креста выняты.

Грыцько раскачалъ крестъ, вынулъ его изъ земли и прислонилъ къ забору въ бурьянѣ.

Земля на могилѣ еще не успѣла сложиться въ плотную почву. Заступы погружались въ песокъ свободно и легко. Иванъ и Грыцько самоуглубленно молчали и только прислушивались, какъ песокъ скатывался съ ихъ заступовъ и разсыпался въ бурьянѣ. Въ воздухѣ было тихо и покойно. Чуть, чуть шевелились отъ нѣжнаго, ночнаго вѣтерка листья двухъ тополей, сторожившихъ входъ въ кладбище. По небу, еле замѣтно двигались рѣдкіе облака, напоминавшіе рядъ барашковъ, расползшихся по голубому небу. Межъ барашками блестѣли звѣзды. Только на восточной сторонѣ неба стояла темная туча, скрывавшая въ себѣ мѣсяцъ, который, казалось, плотно укутался хмарой, чтобы не видѣть нехорошаго дѣла, начатаго Иваномъ и Грыцькомъ. Въ поляхъ, растилавшихся за кладбищемъ, неугомонно чирикали кузнечики. Этимъ и дѣла не было до того, что совершалось на могилкахъ.

Въ бурьянѣ раздался шорохъ. Грыцько вздрогнулъ, быстро вынулъ заступъ изъ земли и посмотрѣлъ кругомъ.

— То Левко, спокойно замѣтилъ Иванъ, продолжая работу.

Работа шла успѣшно. Грыцько и Иванъ, стоя въ могилѣ, опускались всё ниже и ниже. Левко сѣлъ на сосѣдней могилѣ и глядѣлъ на работу, зѣвая.

Всѣ молчали и всѣ испытывали угнетенное настроеніе. Чувствовалась потребность что нибудь говорить. Естественнѣе всего о покойницѣ. Но каждый зналъ, что такой разговоръ въ настоящую минуту не желателенъ, не идетъ.

— Отъ духота... Маты Божая... днемъ, на сонци такъ не бувае, сказалъ Грыцько, оставляя на минуту работу, чтобы утереть вспотѣвшее лицо рукавомъ рабахи.

— А мени то ничого, отвѣтилъ Иванъ, не перестававшій работать. Але певне таки буде дощъ.

— Нехай Богъ крые отъ дощу и такъ все погинуло въ поли.

— Въ тебе багато буде збожа?

— Корцивъ 8 мабудь буде, а може и бильшъ...

— Ни, не буде дощу, замѣтилъ Левко, бо кузнеци въ поли кують, то не мусыть буты. Якъ кузнець на поли цвиринькае, роса лежить, а корова на выгони ночуе, то не буде дощу... та не буде.

— Чого-жъ такъ гораче, ажь питъ зъ мене иде?..

— Бо ты впотивъ... та впотивъ. Дай-но я ще трохи покопаю.

Они помѣнялись ролями. Левко сталъ копать, а усталый Грыцько легъ на травѣ и безсмысленно глядѣлъ предъ собою.

— Хутко мисяцъ зыйде, бо вже ясніе, сказалъ Иванъ.

Грыцько сталъ смотрѣть въ сторону, гдѣ за тучею съ одной стороны яснѣло.

—Ото яка чудна́ хмара... Чи ты бачишь?

Грыцько переводилъ тотъ-же безсмысленный взглядъ на причудливые узоры облака. Надъ самымъ его ухомъ звенѣлъ кузнечикъ. Онъ повернулся въ ту сторону. Малѣйшій, неожиданный шорохъ приводилъ его въ смущеніе.

IV.

Поработали еще нѣсколько минутъ. Земли выбрали большой бугоръ. Заступъ Ивана стукнулся о твердое. Онъ выпрямился.

— Вже, сказалъ онъ въ полъ-голоса.

Грыцько быстро вскочилъ на ноги, словно ужаленный.

— Затягайте поводами пидъ труну... хутнійшъ-бо, торопилъ онъ.

Тѣ нагнулись въ могилу, нѣсколько минутъ копошились въ ней, подложили веревки подъ гробъ и выскочили изъ ямы, держа въ рукахъ концы веревокъ. Потомъ равномѣрно и осторожно стали вынимать веревками гробъ. Вся облѣпленная бѣлымъ пескомъ, показалась изъ могилы труна Явдохи. Нужно было поставить её на твердую землю, но кругомъ были бугры вынутаго изъ могилы песку.

— Бери, бери за кинець труны... хватай, говорилъ Грыцько Левку, бо перекинется.

— Ты бери, тоби зручній...

— Якого чорта зручній, отгрызнулся Грыцько. Онъ былъ раздраженъ. Я еденъ не втримаю... Щобъ на васъ нагла!

Онъ легъ на землю, оперся ногой о крестъ сосѣдней могилы и спиной поддержалъ тяжелый гробъ, который безъ поддержки свалился бы съ песчанаго бугра въ траву. Потомъ, давъ возможность оправиться своимъ товарищамъ, вытаскивавшимъ веревки изъ подъ труны, всталъ. Гробъ поставили на твердую землю. Всѣ вздохнули. Предстояло еще не мало работы. „Де на васъ нагла", стояли въ ушахъ Грыцька его собственныя слова. Онъ взглянулъ въ другую сторону, на верхушку тополи. „Де на васъ нагла", шептали листья тополей эти-же слова.

— А мишокъ есть?

— Якій мишокъ? спросилъ Грыцько.

— А въ чому жъ мы еи понесемо?

— Въ труни.

— Чи ты здуривъ?

— Чому?

— А якъ хто зобачить. Въ мишку безпечній. Нехай труна тутъ остается, вона дуже тяжка.

— Колы такъ, то треба десь найты мишка. Пождить-но, я...

Левко поплелся въ сторожку за мѣшкомъ. Иванъ и Грыцько сидѣли съ обѣихъ сторонъ гроба. Ни тотъ, ни другой не хотѣлъ глядѣть на труну. Казалось, она менѣе всего обращала ихъ вниманіе. Они глядѣли по сторонамъ. Хотя они и сознавали, что дѣло, затѣянное ими, необходимо и, поэтому, дѣлается не напрасно, тѣмъ не менѣе обоимъ было тяжело. Грыцько притомъ-же всё болѣе и болѣе злился. Необычайность работы привела его въ возбужденіе.

— Ще пивни не спивалы? спросилъ онъ.

— Ни, здается, бо не чуты, отвѣтилъ Иванъ.

Грудка песку ссыпалась съ гроба на траву. Грыцько вздрогнулъ. Откуда-то прилетѣла ночная птичка и сѣла на со-

сѣдній крестъ, недалеко отъ гроба. Грыцько такъ и впился въ птичку. Птичка посидѣла, какъ-то странно кивикнула и улетѣла. „То певне душа Явдохи“, подумалъ Грыцько, и какой то зудъ пошелъ у него вездѣ по тѣлу. Онъ перевелъ глаза на бурьянъ. Тамъ, прислоненный къ забору, стоялъ крестъ Явдохи и странно бѣлѣлъ среди темной зелени. Грыцько не зналъ куда смотрѣть. Онъ оглянулся кругомъ. По небу теперь двигались уже не барашки, а тучи. Потянуло вѣтромъ и верхи тополей неравномѣрно зашумѣли. „Здается, перше витру не було“, подумалъ Грыцько....

— Въ тебе тютюну нема? спросилъ флегматично Иванъ.

Вопросъ былъ такъ прозаиченъ, что Грыцько сначала даже не понялъ его и переспросилъ.

— Що таке?

— Пытаю, чи въ тебе часомъ нема тютюну, бо мій вышовъ.

— Ни, нема. Одчепысь!

Изъ за тучи вышла луна и блѣдно освѣтила разрытую могилу и вынутый гробъ. Сторожъ принесъ мѣшокъ. Мѣшокъ примѣрили къ гробу,—кажется, хватитъ. Иванъ и сторожъ стали снимать крышку гроба. Предусмотрительный Левко на всякій случай взялъ „сокирку“. Она оказалась не лишней: гробъ былъ заколоченъ крѣпко. „Вѣко“ скоро отбили.

Изъ гроба вѣяло ужаснымъ запахомъ. Грыцько невольно отвернулся и издали разглядывалъ её,—*виновницу мірскаго несчастья.* Она лежала какъ-то бокомъ, какъ-бы съежилась, уткнувшись головой въ уголъ труны. Подушечка, что положили ей подъ голову, лежала отдѣльно. Лица не было видно. Бѣлѣли только сложенныя крестообразно блѣдныя руки и костлявыя ноги, обутыя въ чулки.

Не разъ приходилось Грыцьку видѣть покойниковъ, но никогда еще онъ не испытывалъ такого подавленнаго, томительнаго настроенія. И робость, и усталь, и раздраженіе—всё смѣшалось въ одно томительное настроеніе досады и нетерпѣнія. „Поскорѣе бы съ этимъ справиться“, думалъ онъ и торопилъ... Онъ уже раскаявался въ душѣ, что взялся за это дѣло.

Но на Ивана, казалось, ничего не дѣйствовало. Не смотря на усталь, онъ былъ покоенъ и бодръ.

— Ну, хутнiйшъ, беримъ-но iи.... у Грыцька не ворочался языкъ.

— Якъ же iи брать? отвѣчалъ Иванъ, подсаживаясь съ любопытствомъ къ гробу и внимательно разсматривая Явдоху.

— Бери ты за руки, а я за ноги, та въ мишокъ, раздражительно сказалъ Грыцько, еще болѣе раздражаясь такою медлительностью товарища. Слухай-но, Левко, мени здается лучше бы вывалыты iи зъ труны...

— Якъ хочешъ, отвѣчалъ Левко, нехай буде и такъ. Иване, а ты що робышъ?

Иванъ сидѣлъ на корточкахъ у гроба и ощупывалъ ребра Явдохи.

— То я... тее... бо то люде кажуть нибы, якъ надерты зъ такого мерця сала, та ссукаты свичку, то можно по ночамъ весь викъ красты, засвитывши тую свичку, и нихто не побачить, не зловыть... Я такъ чувъ...

Грыцька даже передернуло отъ этихъ ужасныхъ, такъ спокойно, флегматически высказанныхъ словъ; словно рѣчь шла не болѣе, какъ о тютюнѣ...

— Не чепай! покинь!

— Ни, я не що... то я такъ... я не буду. Тай яке тутъ сало... оно смихъ еденъ... тутъ тильки една шкура та кости.

Гробъ опрокинули. Изъ него быстро вывалилось тщедушное тѣло Явдохи.

— Давай мишокъ.

Подставили мѣшокъ.

— Не съ того кинця. Перше ноги всады, а потимъ голову.

— Не все едно: чи голова перше, чи ноги... еденъ чортъ. А по моему, саме лучше iи зогнуты по половыни.

— Колы вона закостенила,—не гнется.

Грыцько съ Иваномъ держали мѣшокъ. Левко вталкивалъ въ него Явдоху. Трупъ входилъ весь, оставалась лишь голова. Возились долго... Наконецъ, стиснувъ со злости зубы, Грыцько съ какимъ то непонятнымъ остервѣненiемъ схватилъ эту тор-

чавшую голову и нагнулъ её насильно въ мѣшокъ. Раздалось легкое хрустѣніе шейныхъ суставовъ и голова свободно вошла въ мѣшокъ.

— Тащимъ... хутнійшъ...

Мѣшокъ потащили къ перелазу, гдѣ стояла кобыла... Лошадь, чуя запахъ мертваго, разлагавшагося тѣла, шарахнулась въ сторону. Её удержали. Явдоху положили на дно воза, на которомъ усѣлись Грыцько съ Иваномъ и лошадь быстро тронула.

Сторожъ остался на могилкахъ, перекрестилъ пустой гробъ, „щобъ вона не вернулася зновъ сюды“, и засыпалъ его опять землей. Въ головахъ онъ вставилъ крестъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ стоялъ и прежде, и пошелъ въ сторожку продолжать свой сонъ, прерванный такимъ давно не случавшимся обстоятельствомъ.

А Грыцько съ Иваномъ быстро неслись на клячѣ по полямъ, безъ дороги. Они не ѣхали дорогою по двумъ причинамъ—„щобъ вона не тямыла дороги до села“,—это, во первыхъ; а, во вторыхъ,—чтобы съ кѣмъ нибудь не встрѣтиться. Старая, лѣнивая кляча на этотъ разъ храпѣла, раздувала ноздри и такъ быстро бѣжала, что её приходилось удерживать. Иванъ правилъ и удивлялся...

— Тьфу, де той чортъ!... ото мара!... а чого-се ты такъ розбрыкалася? Грыцько сидѣлъ на концѣ воза, крѣпко держась за „драбыны“. Посрединѣ межъ ними лежала Явдоха въ мѣшкѣ. Грыцько былъ какъ бы въ туманѣ. Голова его морочилась. При каждомъ ухабѣ его, какъ и Явдоху, кидало изъ стороны въ сторону.

„Надерты сала“... все вертѣлось въ его головѣ. Слѣдовалъ ухабъ и онъ отскакивалъ въ другую сторону воза. „Изъ сала свичку ссукаты“... Гопъ... Снова ухабъ—и онъ передвигался на противоположную сторону. „Сало зъ шкуры и костей... и свичка“... Гопъ, гопъ... Мѣшокъ возбуждалъ въ немъ просто ужасъ: онъ такъ-же прыгалъ, какъ и Грыцько и казался живымъ существомъ. Колеса быстро вертѣлись. Онъ прислушивался къ ихъ оборотамъ. Одно колесо было надломлено и выбивало тактъ. „Надерты сала... надерты сала“... говорили эти обороты, „гопъ, гопъ“...

— Иване, Иване! кричалъ Грыцько.

— А чого тамъ?

— Змылуйся, не женыся такъ, бо духъ выпре...

— А щожъ ты зробышь, колы іи трудно стрыматы...

И они неслись дальше.

При границѣ крестьянскихъ и посессорскихъ полей, на пересѣченіи двухъ дорогъ разросся небольшой, молодой лѣсокъ. Тутъ Явдоха нашла для себя новую могилу безъ креста и могильнаго бугра.

— Треба іи сторчнякомъ закопаты, беспечній буде, предлагалъ Иванъ.

— Все едно, якъ небудь... буде и такъ... еденъ чортъ!

Её закопали въ яму вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ везли. Мѣсто, гдѣ её положили, тщательно втоптали и, чтобы не было никакихъ слѣдовъ, закидали „ломачьемъ“.

Назадъ кляча пошла ровнѣе. На самомъ разсвѣтѣ, когда село начинало уже „ворушиться“, блѣдные, разбитые отъ непрывычной, ночной работы пріѣхали Иванъ и Грыцько и, какъ мертвые, завалились спать по своимъ клунямъ.

V.

На слѣдующій день уже всѣ знали, что Явдохи на могилкахъ нѣтъ и что крестъ стоитъ тамъ „такъ соби, для попа да урядника“. Никого уже больше не смущалъ этотъ могильный курганъ “на свяченому мисци“. Перемѣна мѣста утопленницы сразу измѣняетъ отношеніе къ ней крестьянъ. Она не казалась такъ страшна.

— Чого то Окунь такій смутный та засумованый?

— То не даромъ.

— Запевне, що не даромъ. Щобъ се значило? И на рыбу не ходыть.

— Не ходыть.

— И крылачи на гору повыносывъ... тыльки часами зъ удкою сяде коло города надъ ричкою и седыть...

— То съ того часу якъ Явдоха втопылася.

— Эге, оце дыво.

Такіе разговоры всё чаще и чаще слышались на селѣ. Окунь на первыхъ порахъ самъ не замѣчалъ своей перемѣны. Перемѣна шла въ немъ незамѣтно для него „*съ того часу*"... Онъ замѣтилъ её только тогда, когда всѣ обратили на него вниманіе, и, не смотря на то, не хотѣлъ быть прежнимъ, да и не могъ имъ быть, если-бы и хотѣлъ. Онъ не былъ ни особенно суевѣренъ, ни робокъ... Ему просто не везло *съ того дня*. Подъ какой бы кустъ онъ ни подъѣхалъ лодкою, ему всё казалось, что тамъ кто нибудь лежитъ съ бѣлыми зубами и глядитъ на него. Онъ пересталъ ѣздить лодкою. А когда послѣ этого у него сорвало водою нѣсколько крылачей, онъ убѣдился что рыболовство надоѣло ему и что пора оставить „човенъ" Онъ такъ и сдѣлалъ. „Човенъ" отдалъ своему зятю, оставшіеся крылачи положилъ на гору, а самъ сталъ заниматься однимъ пахарствомъ.

Эта перемѣна не могла укрыться отъ крестьянъ, которые интересовались ею тѣмъ болѣе, чѣмъ проще была причина, вызвавшая эту перемѣну.

Однажды, возвращаясь вечеромъ съ поля, Окунь вздумалъ пойти въ рощу, въ которой лежала Явдоха и которая неизвѣстно отъ кого получила названіе „Явдохина стежка". Это названіе такъ и осталось за тѣмъ мѣстомъ. „Явдохина стежка" лежала въ сторонѣ отъ его поля, но Окунь нарочно сдѣлалъ кругъ, чтобы посѣтить могилки своей доброй знакомой. Ничего особеннаго онъ тамъ не нашелъ. Онъ увидѣлъ лишь прогалину среди лужайки въ сажень длиною. Видно было, что прогалину уже не разъ успѣли посѣтить свиньи и успѣли изрыть могилу въ разныхъ направленіяхъ.

Окунь не чувствовалъ теперь по отношенію къ Явдохѣ той ненависти, какую питалъ къ ней въ день нахожденія ея трупа. Напротивъ, онъ чувствовалъ къ ней сожалѣніе, какой-то особенный видъ состраданья, растворяемаго теплыми воспоминаніями минувшаго.

„Люде бають, що вона нибы видьма. Яка вона видьма? Зовсимъ не правда, бо не видьма, а така баба, якъ и вси. Я те добре знаю“. И вспомнилъ Окунь Явдоху лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Онъ всегда чувствовалъ въ ней любовь, и было за что любить её. На селѣ не было краще молодыци: смуглая, чорнобровая, полнолицая, веселая... хохотунья такая, „що не приведи Боже“. И никто тогда не называлъ ее вѣдьмою... Никто, сохрани Богъ... Потомъ уже стали называть, послѣ того пожара. Онъ вспомнилъ, какъ погорѣльцы копошились на пожарищѣ, на другой день послѣ пожара и говорили, „що Явдоха знается“. Съ этого и пошло, и пошло... Потомъ, къ ней стали обращаться за совѣтами, просить у нея заговоровъ. А она, бывало, смѣется:

— Яка я вамъ, таки сяки, бывало скажетъ, знахарька далася. Нема мини роботы, чи що? Ну, але вже що зъ вамы робыты. Колы хочете, дивчата, будемо зъ вамы гадаты. Гей, дивчата, идить, скажу, хто зъ васъ першая замужъ выйде.

Дивчата смѣются бывало и она смѣется. Миску съ водой поставитъ и „вона плете имъ щось таке, що воны за боки одъ реготу берутся“. Потомъ.... Онъ вспомнилъ, какъ онъ сошелся съ ней—уже вдовой по второмъ мужѣ и какъ любили другъ друга...

„Этъ, шо то згадоваты, що було—те прошло, тай не вернется бильшъ“... А теперь.... Онъ взглянулъ на прогалину. „Ось що зробылося. Не далы наветь ій вмерты по людьски, не далы захoваты по божому закону. Седыть вона теперь въ мишки... безъ хреста... Боже жъ мій милостывый... за що, про що?“ Онъ теперь искренно сожалѣлъ, что былъ такъ холоденъ и равнодушенъ къ ней во время ея болѣзни, что ни разу не посѣтилъ ее... и что не бросился къ ней на помощь въ ту ночь? Быть можетъ, она и выдужала бы, поправилась....

Старый Окунь заплакалъ. Но какъ бы стѣсняясь своихъ слёзъ и малодушія, поспѣшно вытеръ свои слёзы... Одного не могъ понять Окунь: что значили ея послѣдніе слова къ нему тогда, ночью? зачѣмъ она кричала такъ? Это была для него такая роковая загадка, что для ея рѣшенія онъ далъ себѣ заранѣе твердое слово сознаться во всемъ священнику на испо-

вѣди въ великій постъ. Авось ему послѣ этого „полегшае на души“.

Въ задумчивости вышелъ Окунь изъ „Явдохиной стежки“ и неожиданно встрѣтился съ Грыцькомъ Морозомъ. Грыцько тоже возвращался съ поля. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на Окуня.

— Добрый вечеръ.

— Добре здоровье, отвѣчалъ Окунь.

— Ты чого тутъ?

— Такъ соби. Шовъ съ поля, тай зашовъ.

Грыцько неодобрительно покачалъ головой. Онъ зналъ поле Окуня и зналъ, что дорога съ его поля вела не сюда. Они шли молча. Окунь никогда не любилъ говорить, „хиба якъ колы при чарци“, а теперь былъ положительно угрюмъ. По выраженію лица своего сосѣда, Окунь видѣлъ, что тому не нравилась эта встрѣча въ такомъ мѣстѣ. Грыцько послѣ *той* ночи очень не любилъ „Явдохиной стежки“.

— Що поробляешь? спросилъ Иванъ.

— Ничого.

Грыцько больше не спрашивалъ... такъ они вошли въ село.

VI.

Конечно, Грыцько расказалъ на селѣ о своей встрѣчѣ съ Окунемъ около „Явдохиной стежки“. Этимъ еще болѣе усиливались подозрѣнія крестьянъ въ неблагоповеденіи Окуня. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Окунь туда ходилъ? чего ему тамъ было нужно? развѣ съ поля ему тамъ дорога? Потомъ, что значитъ, что онъ не хотѣлъ разговаривать съ Грыцькомъ, съ которымъ былъ прежде въ большой дружбѣ?

Немаловажнымъ оказывалось при этомъ и то, что именно онъ—Окунь, а не кто другой нашелъ Явдоху подъ корчами. До сихъ поръ между этимъ событіемъ и посѣщеніемъ Окунемъ „стежки“ было мало общаго, но когда Окунь не захотѣлъ гогорить съ Грыцькомъ и шелъ угрюмымъ всю дорогу, сомнѣнія

никакого не оставалось, что между этими событіями самая тѣсная, внутренняя связь. Дальнѣйшія разсужденія о странностяхъ въ поведеніи Окуня привели къ тому, что онъ колдунъ, „видьмаръ"... Это слово было произнесено въ толпѣ. Этого достаточно, чтобы оно получило популярность. Если-бы онъ не былъ „видьмаромъ", зачѣмъ бы ему, напримѣръ, оставлять рыболовный промыселъ и прятать крылачи на крышу? зачѣмъ, вообще, вести себя такъ странно?

Все это было очень доказательно. Окуня стали бояться. Его сторонились. Когда его меланхолія прошла, впечатлѣніе, произведенное смертью и двойными похоронами Явдохи, ослабѣло, онъ, быть можетъ, и хотѣлъ бы сблизиться съ крестьянами, но уже не могъ. Отношенія между Окунемъ и односельчанами были испорчены. На него смотрѣли иначе. За каждымъ его поступкомъ слѣдили и ему, въ общемъ мнѣніи, не извинялось то, что извинялось каждому. Каждый его самый обыкновенный поступокъ въ глазахъ крестьянъ получалъ необыкновенное значеніе.

Каждый крестьянимъ, напримѣръ, знаетъ, что имѣть дощаный полъ въ хатѣ лучше, чѣмъ голую сырую землю, по которой лѣтомъ прыгаютъ земляныя лягушки и ящерицы и отъ котораго зимой вѣетъ морозомъ и холодомъ. Извѣстно также каждому, что „мурованый комынъ на хати" имѣть выгоднѣе, чѣмъ выпускать дымъ въ курной избѣ чрезъ двери. Но когда Окунь устроилъ въ своей новой хатѣ новый дощаный полъ и кирпичную трубу,—опять стали всѣ говорить „що винъ знаецця зъ куцыхвостымъ, бо чому винъ не такъ, якъ вси"...

Лѣтомъ перепадали частые дожди и мѣшали уборкѣ какъ хлѣба, такъ и сѣна. Но Окуню случайно удалось собрать свое сѣно въ хорошую погоду и въ то время, когда дождь мочилъ покосы и копны сѣна сосѣднихъ луговъ, на его сѣнокосѣ стояла большая скирда сѣна. И это не пошло въ прокъ Окуню. Говорили, „що винъ вміе выгадоваты для себе погоду, а на людей насылае негоду".

И такъ все, что-бы не сдѣлалъ Окунь...

Окунь заступилъ мѣсто Явдохи.

Деревня не можетъ жить безъ колдуна.

VII.

Жизнь въ деревнѣ шла своимъ чередомъ. Жнива продолжались. Жали „околотъ“ вмѣсто стеблей и возили „компшану“ вмѣсто сноповъ. Люди примирились съ своимъ несчастьемъ. Шли опять дожди и мѣшали уборкѣ хлѣба, опять вспоминали о Явдохѣ, хотя она теперь и не была опасной.

Перемѣщеніемъ Явдохи съ могилокъ на „стежку“ было недовольно на селѣ одно лицо—богатый жидъ Янкель, державшій посессію, т. е. бравшій въ аренду помѣщичье имѣніе. Онъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ. Утопленница оказывалась на его полѣ. Это было непріятно. Узнаетъ, пожалуй, начальство будетъ слѣдствіе... зачѣмъ это? Нужно какъ нибудь поправить дѣло.

— Слухай-но, Иване.

— Ну, чого?

— Чи не можна-но часомъ выкопаты?

— Ай, одчепысь.

Онъ отворачивался. Жидъ не отставалъ.

— Ну, чого-ты гниваешься? Я тоби зла не зроблю, що поговорю. Языкъ чрезъ те не выпаде въ тебе зъ рота.

— Ну.

— Слухай-но. Я тоби.... хочешь?! я тоби дамъ кватырку горилки, дальби дамъ, не пошкодую.

— Ай, одчепысь. Иды соби къ чортовій матери тай пый свою кватырку.

Иванъ уходилъ. Встрѣчался еврею другой крестьянинъ. Съ нимъ начинался тотъ-же разговоръ. Потомъ—съ третьимъ или, четвертымъ и т. д. Еврей подготовлялъ почву для своего дѣла. Онъ ждалъ только случая.

Однажды, въ воскресенье послѣ церковной службы вся корчма была полна народомъ. Еврей воспользовался этимъ собраніемъ, чтобы предложить на его обсужденіе безпокоившій

его вопросъ. Былъ тутъ и сельскій староста. На него особенно уповалъ посессоръ Янкель: староста любилъ выпить. Онъ сидѣлъ на „ослóни“ и вычищалъ свой чубукъ. Еврей подобострастно вертѣлся передъ нимъ, обѣщалъ ему двѣ кватырки горилки, если онъ позволитъ... Староста жирно сплевывалъ въ сторону, но не разрѣшалъ.

— Я не маю права. То не мое дило. Якъ міръ захоче, такъ нехай соби и робыть. Громадьска воля-то Божа воля...

— Ну, люде добры, обратился тогда еврей къ гуторившей толпѣ, староста сказавъ, що якъ вы захочете, то такъ и буде, бо винъ не мае права...

— А таки такъ. Винъ не мае права... То громадьске дило. Винъ для начальства робыть дило, а не для насъ, раздались голоса.

Толпа была польщена сознаніемъ своего самоправія. Еврей умѣлъ подойти.

— Ну, то вы согласны? продолжалъ еврей. Староста ничего не каже, винъ мовчить, винъ надіется на васъ. А я... Вы послухайте мене... я... я вамъ такъ скажу: то все едно—чи буде Явдоха лежаты въ мене на поли, чи въ болоти, чи въ лиси... все едно.

— А таки такъ. Звистно, все едно... всюды една земля—тай годи.

— Ну, то порадьте вы мини. Выкопайте вы еи зъ моего поля. Чижъ я вамъ зло зробывъ колы?

— Воно то такъ: зло не зло, а всего було потрошку, сказалъ одинъ голосъ.

— Запевне, що Янкель неповыненъ. Винъ жидокъ добрый. Прибавилъ другой.

Еврей ободрился.

— Ну, то знаете, що я вамъ теперь скажу? сказалъ онъ слащавымъ голосомъ, растягивая слова какъ можно слащавѣе, колы хочете знаты мою доброту, то осъ вамъ: я вамъ сегодня ставлю циле ведро горилки, а якъ выкопаете,—що ще поставлю ведро друге.

Слова еврея произвели дѣйствіе. Предложеніе было слишкомъ соблазнительно. Два ведра водки—шутка сказать. А

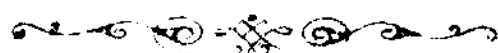
дѣло, какъ подумаешь,—пустое. Лежала Явдоха на одномъ мѣстѣ, перешла на другое, почему бы ей не перейти и на третье?..

Мнѣнія раздѣлились. Толпа пошла шумѣть.

Но видно было, что дѣло ладится, потому что Янкель, опытный въ обращеніи съ крестьянами, не дожидаясь конца спора, вынесъ ведро горилки и сталъ частоваты старосту.

И кто знаетъ, гдѣ кости Явдохи найдутъ, наконецъ, для себя окончательный покой?—

Θ. Кудринскій.

По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества.

I.

Вопросъ о времени возникновенія, а также о мѣстѣ первой запорожской Сѣчи является однимъ изъ наименѣе выясненныхъ вопросовъ козацкаго періода южнорусской исторіи. Прослѣдимъ прежде всего положеніе даннаго вопроса въ наиболѣе важныхъ трудахъ по южнорусской исторіи. Максимовичъ, впервые поставившій изученіе южнорусской исторіи на научную почву, изслѣдуя общій вопросъ о происхожденіи запорожскаго козачества, не коснулся занимающаго насъ вопроса. Въ историческихъ трудахъ Костомарова также не выдвинуты вопросы ни о времени возникновенія Запорожской Сѣчи, ни о мѣстахъ ея пребыванія. По данному вопросу въ трудахъ названнаго историка встрѣчаются только случайныя упоминанія. Антоновичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по южнорусской исторіи, строго придерживаясь источниковъ, въ изложеніи о первыхъ временахъ запорожскаго козачества, говоритъ лишь о Запорожьи и запорожской общинѣ, не упоминая о Запорожской Сѣчи. Отмѣчая въ 4-мъ десятилѣтіи 16 вѣка основаніе княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ перваго козацкаго поселка на низовьяхъ Днѣпра, Антоновичъ называетъ этотъ населенный пунктъ не запорожской Сѣчью, а Хортицкимъ укрѣпленіемъ [1]). Такимъ образомъ, въ строго научныхъ трудахъ по южнорусской исторіи мы не встрѣ-

[1]) Антоновичъ, Исторія мал. козачества Литограф. Записки, стр. 24—25.

чаемъ данныхъ ни о времени, ни о мѣстѣ Сѣчи въ первое время существованія запорожскаго козачества.

Мнѣніе о существованіи Сѣчи въ первый періодъ козацкой исторіи получаетъ распространеніе въ отдѣльныхъ историческихъ работахъ послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго" А Скальковскаго. Хотя Скальковскій на основаніи письменныхъ актовъ называетъ въ этомъ трудѣ первою Сѣчью Старую Сѣчь на Чортомлыкѣ, но наряду съ этимъ онъ допускаетъ существованіе запорожской. Сѣчи и па островѣ Хортицѣ „еще въ героическій періодъ запорожской общины". Мнѣніе Скальковскаго объ орденской организаціи запорожскаго козачества, высказанное имъ наряду съ догадкой о хортицкой Сѣчи, было отвергнуто позднѣйшими изслѣдователями вслѣдствіе произвольности такого мнѣнія; догадка же о существованіи запорожской Сѣчи на островѣ Хортицѣ осталась неразъясненною [1]).

Впервые, насколько намъ извѣстно, отмѣчаютъ существованіе Сѣчи въ первое время запорожскаго козачества Ригельманъ и Мышецкій, писавшіе свои труды по исторіи запорожскаго козачества частію по непровѣреннымъ изустнымъ преданіямъ, частію по козацкимъ хроникамъ, авторы которыхъ точно также небезупречны въ отношеніи достовѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Ригельманъ въ своемъ „Лѣтописномъ повѣствованіи" основаніе первой запорожской Сѣчи относитъ къ послѣдней четверти 16 в., когда по реформѣ Стефана Баторія учреждена была за порогами постоянная сторожа изъ козаковъ для предотвращенія татарскихъ набѣговъ [2]). Мышецкій первую Сѣчь указываетъ на урочищѣ Седневкѣ, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, признавая мѣстами запорожской Сѣчи также Черкасы, Переволочну, Хортицу и т. д. [3]).

Къ позднѣйшему времени относится разработка занимающаго насъ вопроса, предпринятая г. Эварницкимъ въ цѣломъ

[1]) Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго; изд. 1841 года, стр. 156.

[2]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствов., стр. 26.

[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож., стр. 9.

рядѣ статей и монографіи по исторіи Запорожья. Спеціально этотъ вопросъ разсматривается названнымъ авторомъ въ его трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, гдѣ насчитывается восемь мѣстъ, занимаемыхъ въ разное время запорожскими Сѣчами, при чемъ первая по времени Сѣчь пріурочивается къ острову Хортицѣ [1]). Такое же мнѣніе по данному вопросу высказано и въ послѣдующихъ работахъ г. Эварницкаго по исторіи запорожскаго козачества. Не входя въ разборъ доводовъ автора касательно существованія запорожскихъ Сѣчей въ томъ или другомъ мѣстѣ, мы разсмотримъ здѣсь данныя, относящіяся исключительно къ вопросу, существовала ли запорожская Сѣчь на островѣ Хортицѣ?

Необходимо сперва разобраться въ неточностяхъ и недосмотрахъ существующихъ въ исторической литературѣ, относительно топографіи острова Хортицы и примыкающихъ къ ней мѣстностей. Въ историческикъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ исторіи запорожскаго козачества, обычно трактуется объ одномъ островѣ Хортицѣ; между тѣмъ такой достовѣрный источникъ для исторіи Запорожья, какъ дневникъ Эриха Лассоты, даетъ совершенно опредѣленное указаніе на существованіе двухъ Хортицкихъ острововъ: острова Большой Хортицы и о—ва Малой Хортицы. Обстоятельство это является существенно важнымъ потому, что первое козацкое укрѣпленіе на низовьяхъ Днѣпра построено было не на томъ Хортицкомъ островѣ, какой существуетъ въ настоящее время (о—въ Большая Хортица) и обычно принимается за мѣсто запорожской Сѣчи, а на существовавшемъ въ прежнее время о—вѣ Малой Хортицѣ, соединившемся теперь съ материкомъ. Въ запискахъ Эриха Лассоты, путешествовавшаго на Запорожье въ 1594 г., объ островѣ Ма́лой Хортицѣ читаемъ: „затѣмъ (т. е. миновавъ о—въ Большую Хортицу) пристали къ берегу ниже близъ лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкаго, разрушенный потомъ турками и татарами“. Запись Лассоты: *„пристали къ берегу ниже острова Малой Хор-*

---

[1]) Эварницкій, Запор. въ остаткахъ стар. и преданіяхъ народа, т. I.

тицы" опредѣленно указываетъ на положеніе этого острова выше Большой Хортицы. На протяженіи Днѣпра отъ о—ва Большой Хортицы и до пороговъ въ настоящее время есть только одинъ небольшой островъ Вербовый, лежащій между последнимъ Вольнымъ порогомъ и крутымъ поворотомъ Днѣпра на югъ. Но къ этому острову не можетъ относиться приведенное выше свидѣтельство Лассоты уже по одному тому, что о—въ Вербовый, будучи низменнымъ, не могъ быть пригоднымъ для сооруженія замка Вишневецкаго [1]).

Есть достаточное основаніе пріурочивать о—въ Малую Хортицу къ высокому выступу праваго берега на мѣстѣ крутаго поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ. Вотъ это основаніе. Нынѣшній „степокъ" колоніи Кичкаса, находящійся въ этомъ мѣстѣ, имѣетъ весьма существенные признаки былаго острова: 1) со стороны, противуположной Днѣпру, названный выступъ примыкаетъ къ довольно глубокой ложбинѣ, огибающей его съ западной и юго-западной сторонъ. (Между русломъ Днѣпра до поворота его на югъ и за этимъ поворотомъ, какъ отмѣчено на прилагаемой картѣ); 2) отмѣченная ложбина усѣяна камнями разной величины, большею частію гладышами, очень

---

[1]) Ф. Брунъ, авторъ примѣчаній къ „Дневнику" Лассоты, разыскивая по смыслу „Дневника" о—въ Малую Хортицу выше Большой Хортицы и, не находя до самыхъ пороговъ другаго острова, кромѣ Вербоваго, къ этому последнему острову и пріурочиваетъ о—въ Малую Хотрицу. Свою догадку Брунъ основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что въ дневникѣ Лассоты о—въ Малая Хортица не упомянутъ по пути на Запорожье, при чемъ умолчаніе это Брунъ объясняетъ предположеніемъ, что Вербовый о—въ въ началѣ іюня, когда Лассота спускался внизъ по Днѣпру, могъ быть покрытъ водою. Не говоря о томъ, что заливаемость Вербоваго о—ва исключаетъ возможность сооруженія на немъ укрѣпленія вблизи возвышенныхъ мѣстностей, догадка Бруна не имѣетъ подъ собою основанія потому, главнымъ образомъ, что отсутствіе въ 19 столѣтіи острововъ на Днѣпрѣ между порогами и островомъ Хортицей, кромѣ Вербоваго о—ва, не доказываетъ несуществованія здѣсь острововъ въ концѣ 16 вѣка. Умолчаніе Лассоты по пути на Запорожье объ о—вѣ Вербовомъ—Малой Хортицѣ—по предположенію Бруна, можетъ объясняться тѣми же обстоятельствами, какъ и умолчаніе о другихъ мѣстностяхъ, т. е. обычнымъ пропускомъ, тѣмъ болѣе возможнымъ въ данномъ случаѣ, что Лассота проѣзжалъ по пути на Запорожье эту мѣстность вечеромъ, какъ видно изъ его „Дневника", а къ тому еще потревоженъ былъ близкою опасностью потерпѣть крушеніе на Вольномъ порогѣ. (Путевые Записки Э. Лассоты, стр. 29, 53, 84).

напоминающими русла высохшихъ рѣкъ и, наконецъ, 3) весьма важнымъ даннымъ для выясненія занимающаго насъ вопроса является плотина, загораживающая съ сѣверной стороны вершину этой ложбины отъ напора воды изъ Днѣпра; уровень воды въ Днѣпрѣ у этой плотины настолько высокъ, что и теперь, если бы устранить плотину, при весеннемъ половодьи „степокъ" колоніи Кичкасъ былъ бы отрѣзанъ значительнымъ протокомъ отъ праваго берега. Очевидно, что лѣтъ 300 назадъ, при болѣе высокомъ среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, огибающая „степокъ" ложбина была дномъ днѣпровскаго протока.

Къ этому мѣсту пріурочивать о—въ Малую Хортицу побуждаетъ также общее топографическое устройство данной мѣстности. Отмѣченный „степокъ" въ восточной и сѣверо-восточной части значительно возвышается надъ окрестностями, достигая такой же высоты, какъ и возвышенная часть сосѣдняго о—ва Большой Хортицы. Между тѣмъ характеръ низкихъ песчаныхъ береговъ Днѣпра отъ пороговъ до поворота его на югъ исключаетъ возможность существованія здѣсь когда бы то ни было острова, пригоднаго для сооруженія замка, точно такъ же, какъ и такой же характеръ береговъ отъ отмѣченнаго выше выступа на мѣстѣ поворота Днѣпра на югъ до острова Большой Хортицы. Ниже будетъ приведена болѣе подробная характеристика мѣстностей, окружающихъ о—въ Большую Хортицу; здѣсь же умѣстно будетъ разсмотрѣть мнѣніе г. Эварницкаго, высказавшаго догадку, что о—въ Малую Хортицу слѣдуетъ пріурочить къ Канцеровскому островку, расположенному съ правой стороны о—ва Большой Хортицы, при впаденіи въ старое русло Днѣпра Канцеровскаго оврага [1]):

Основаніемъ для такого мнѣнія послужили остатки укрѣпленій на этомъ островкѣ, относимые г. Эварницкимъ почему-то ко времени Дмитрія Вишневецкаго и Конашевича Сагайдачнаго. Ниже, при обзорѣ остатковъ старины въ данной мѣстности, мы увидимъ, что бывшія здѣсь укрѣпленія входили въ

[1]) Эвараницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, т. I, стр. 216—218.

составъ Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря, какъ дополненіе къ главнымъ укрѣпленіямъ, сооруженнымъ Минихомъ на о-вѣ Большой Хортицѣ.—Несомнѣнные слѣды пребыванія Сагайдачнаго находятся на противуположной лѣвой сторонѣ Днѣпра, сохранившись въ названіяхъ урочища „Сагайдашне“ и „Сагайдакового ліжка“ на примыкающей къ этому урочищу „Середней скелѣ“. Искать-же слѣдовъ пребыванія Сагайдачнаго на Канцеровскомъ островкѣ не даютъ основанія ни историческія свидѣтельства, ни остатки старины, ни живыя урочища, связанныя съ историческими дѣятелями. Что касается укрѣпленія Дмитрія Вишневецкаго, то пріурочиваніе его къ Канцеровскому островку у г. Эварницкаго явилось результатомъ неправильнаго толкованія приведенной нами выше записи въ дневникѣ Ласситы: „затѣмъ (т. е. миновавъ о-въ Большую Хортицу) пристали къ берегу ниже близъ лежащаго острова Малой Хортицы“. Какъ видно изъ прилагаемой карты, Канцеровскій островокъ (онъ же Вырва) лежитъ не выше о-ва Большой Хортицы, а пріютился почти противъ средины возвышенной сѣверной части названнаго острова; между тѣмъ, руководясь точнымъ смысломъ приведенной записи, о-въ Малую Хортицу нужно искать безусловно выше о-ва Большой Хортицы. Противъ догадки г. Эварницкаго относительно мѣстоположенія несуществующаго теперь о-ва Малой Хортицы неопровержимо говоритъ то обстоятельство, что Лассота, какъ можно видѣть изъ порядка его топографическихъ замѣтокъ, по пути съ Запорожья вверхъ по Днѣпру плылъ не рѣчищемъ Днѣпра, при которомъ расположенъ Канцеровскій островокъ, а новымъ его русломъ. Лассота пишетъ: „*прошли мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками*“, изъ чего слѣдуетъ прямо заключать, что Лассота при путешествіи вверхъ по Днѣпру,—тогда именно, когда онъ и упоминаетъ объ о-вѣ Малой Хортицѣ,—плылъ, держась лѣваго берега Днѣпра, такъ какъ проѣзжать мимо существующей и въ настоящее время рѣки Большой Московки можно только выбравъ путь по новому руслу Днѣпра, примыкающему къ лѣвому его берегу. Поднимаясь же вверхъ по Днѣпру новымъ его русломъ, Лассота не только не могъ пристать къ берегу ниже

Канцеровскаго о-вка, но даже не могъ видѣть этого миніатюрнаго островка, загороженнаго громаднымъ о-вомъ Большой Хортицей, какъ это можно прослѣдить по картѣ описываемыхъ мѣстностей.

При выясненіи вопроса о слѣдахъ исторіи, а слѣдовательно и о слѣдахъ Запорожской Сѣчи на одномъ изъ Хортицкихъ острововъ, представляется существенно важнымъ отмѣтить важнѣйшія особенности вообще мѣстностей, прилегающихъ къ острову Большой Хортицѣ, такъ какъ въ историческомъ отношеніи, всѣ они, какъ увидимъ, довольно тѣсно связаны между собою.

Занимающій центральное положеніе въ описываемой мѣстности о-въ Большая Хортица расположенъ въ вершинѣ Великаго Днѣпровскаго луга, верстъ на 10 ниже послѣдняго порога Вольнаго. О-въ Большая Хортица найбольшій изъ Днѣпровскихъ островововъ: по даннымъ плана колоніи о-ва Хортицы онъ занимаетъ площадь въ 2547 десятинъ, т. е. около $24^1/_2$ квадратныхъ верстъ. Достопримѣчательности о-ва сосредоточились исключительно въ сѣверной гористой части острова, составляющей почти двѣ трети его поверхности. Къ такимъ достопримѣчательностямъ относится прежде всего высоко поднимающійся вверхъ и господствующій надъ обширною окрестностью сѣверо-западный край острова, извѣстный подъ названіемъ „*Верхней головы*“. У подножья „Верхней головы“ обращаетъ на себя вниманіе „*Зміева пещера*“, представляющая собою расщелину между скалами съ довольно глубокою ямою внизу. Неизвѣстно, почему эта пещера называется Зміевою, но не безъинтересно, что на нижнемъ Днѣпрѣ не одна эта пещера носитъ такое названіе. „Зміева пещера“ есть на скалистомъ Перуновомъ островѣ, лежащемъ между порогами Будильскимъ и Гадючимъ; „зміевою норою“ называется длинная и узкая пещера на краю села Волошскаго въ Екатеринославскомъ у. Самый сѣверный пунктъ о-ва Большой Хортицы „*Черная скеля*“ въ юго-западномъ направленіи постепенно спускается въ розлогую „Музычину балку“, достопримѣчательную тѣмъ, что здѣсь мѣстные жители еще недавно находили много

остатковъ глубокой старины. Необходимо при этомъ замѣтить, что эта балка, точно такъ же, какъ и много другихъ мѣстъ надъ рѣчищемъ Днѣпра, далеко еще не обслѣдованы, такъ какъ на этомъ огромномъ островѣ пока привлекали вниманіе изслѣдователей другія мѣста.—По правую сторону „Верхней головы" о-ва, надъ новымъ русломъ Днѣпра, нѣсколько ниже смываемаго теченіемъ рѣки Дубоваго острова, находится живописная „*Савутына скеля*", лучшее мѣсто для привала на протяженіи всего восточнаго берега острова Хортицы. За балкой „*Брагарней*", лежащей ниже Савутыной скели, возвышается „Вошыва скеля', названіе которой связано съ пребываніемъ на о-вѣ сиромахъ-запорожцевъ, непользовавшихся, какъ извѣстно, удобствами домашней жизни. Противъ сѣвернаго края нѣмецкой колоніи о-ва Хортицы, протянувшейся версты на двѣ вдоль берега, мѣстные жители указываютъ „*Думну скелю*", послѣднюю изъ значительныхъ скалъ на восточномъ берегу о-ва. Ниже колоніи, противъ села Вознесенска возвышается „Нижня голова", высокій круто спускающійся къ Днѣпру выступъ, за которымъ къ югу протянулась низменная часть о-ва.

Низменная часть о-ва Большой Хортицы представляетъ слегка холмистую понижающуюся къ югу равнину, сплошь заливаемую Днѣпромъ при большихъ весеннихъ разливахъ. Слѣдами этихъ разливовъ явилось нѣсколько озеръ, наполняющихъ природныя углубленія этой части острова. Значительную площадь прежде занималъ здѣсь вѣковой лѣсъ, почти уничтоженный въ послѣднее время. Эта низменная часть о-ва является характернымъ переходомъ отъ скалистыхъ острововъ въ порожистой части Днѣпра къ наноснымъ о-вамъ въ чертѣ Великаго Днѣпровскаго луга, протянувшагося на 100 съ лишнимъ верстъ внизъ за островомъ Хортицей.

Высокій выступъ праваго берега на мѣстѣ поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ, къ которому (выступу) мы пріурочиваемъ примкнувшій къ берегу нѣкогда существовавшій о-въ Малую Хортицу, постепенно понижается по направленію къ западу, составляя довольно обширную долину, точно также постепенно возвышающуюся въ сторону Кичкаскихъ полей. То-

пографическую особенность отмѣчаемаго выступа составляетъ множество скалъ, которыми оточенъ грандіозно высокій въ этомъ мѣстѣ берегъ Днѣпра и густою сѣтью заполнена значительная часть восточной стороны острова. Двѣ безъимянныхъ балки спускаются здѣсь къ берегу противъ балки Кичкаски на противуположной лѣвой сторонѣ Днѣпра. На мѣстѣ историческаго о-ва отъ сѣверо-восточнаго его угла послѣдовательно внизъ расположены „Козловскій камень", урочище „Крынычкы" (мѣсто родниковъ), камень Ступка, камень Крячокъ и нѣсколько другихъ урочищъ и камней съ подобными же случайными названіями.

Изъ урочищъ на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ былого о-ва Малой Хортицы обращаютъ на себя вниманіе находящіяся ниже балки Кичкаски скалы „Хмарна" и „Пугачи", пещера „Шпола", затѣмъ скалы „Дзвиныця" и "Голубына". Къ нѣкоторымъ изъ этихъ скалъ относятся преданія, записанныя ревностнымъ собирателемъ произведеній южнорусскаго народнаго творчества Я. Новицкимъ, въ которыхъ миѳологическій элементъ перемѣшался съ наслоеніями позднѣйшаго времени [1]). Мѣстность эта рельефно описана въ трудѣ г. Эварницкаго „Запорожье въ памятникахъ старины и преданіяхъ народа" [2]). На лѣвомъ же берегу Днѣпра, нѣсколько ниже Кичкаской переправы, находится также урочище „*Сагайдашне*", занимающее низменную прибрежную полосу около 1 версты въ длину, при ширинѣ различной въ разныхъ мѣстахъ,—вплоть до подъема, уходящаго въ лѣвобережную степь. Урочище „Сагайдашне" выступаетъ въ Днѣпръ двумя огромными скалами, извѣстными подъ названіемъ Дурной и Середней скель. „*Дурна скеля*", выдавшаяся далеко въ Днѣпръ, отрѣзана отъ побережья узкимъ „прорызомъ" (про-

---

[1]) Екатеринославская газета „Степь", за 1886 г.

[2]) Нельзя однако не замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ г. Эварницкій и здѣсь грѣшитъ крайнимъ преувеличеніемъ. Такъ, напр.. фантастически описанная пещера „Школа" въ сущности представляетъ обыкновенный гротъ въ расщелинѣ скалы съ мало замѣтнымъ входнымъ отверстіемъ. Гротъ этотъ, протянувшійся глаголемъ, на поворотѣ узковатъ, но удобопроходимъ. Расщелина внизу, за поворотомъ пещеры не внушаетъ опасности оборваться. Въ гротѣ темно, но зажженную свѣчу удобно держать въ рукахъ.

токомъ) Днѣпра. Скала эта возвышается надъ величественнымъ въ этомъ мѣстѣ Днѣпромъ, какъ неприступный островъ. „*Середня*“ скеля—это почти такая же огромная скала, поросшая у подножья небольшими деревьями, растущими также и на полянахъ украшающихъ эту сообщающуюся съ берегомъ и часто посѣщаемую мѣстными жителями скалу.

На противуположной правой сторонѣ Днѣпра, противъ сѣверной части о-ва Большой Хортицы, расположенъ соединяющійся въ лѣтнюю пору съ материкомъ небольшой скалистый въ сторону Днѣпра о-въ *Вырва*, извѣстный мѣстнымъ жителямъ подъ названіемъ Канцеровскаго островка. Этотъ же островокъ въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ Мышецкаго названъ „Запорожская вервь“ [1]).

Выше островка Вырвы, за Канцеровскимъ оврагомъ, находится исчезающая *бухта*, сооруженная, какъ увидимъ ниже, Минихомъ для стоянки судовъ „Россійской флотиліи“ во второй четверти прошлаго столѣтія, съ остатками валовъ и редутовъ, предназначавшихся для защиты этой бухты; съ сѣвера къ этой мѣстности примыкаетъ „*Царская пристань*“ при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Нижней Хортицы, получившая такое названіе, по всей вѣроятности, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда стояли здѣсь плоты съ казеннымъ лѣсомъ, присылаемымъ правительствомъ для переселявшихся тогда на о-въ Б. Хортицу нѣмцевъ-колонистовъ, а затѣмъ въ 1796 г. была заложена Екатеринославско-Днѣпровская верфь для постройки судовъ, предназначавшихся перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь [2]). Побережье Днѣпра отъ о-ва Вырвы до Царской пристани представляетъ холмистую мѣстность, покрытую большею частью сыпучимъ пескомъ; на всемъ этомъ протяженіи высятся

---

[1]) Днѣпровскіе тракты и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ А. Русова, стр. 87. Исторія о казакахъ запор. Мышецкаго, стр. 67.

[2]) Брунъ, Черноморье, т. 2, стр. 365.

Въ пользу такого мнѣнія о названіи „Царской пристани“ говоритъ еще мѣстное названіе всей примыкающей къ пристани мѣстности. Такъ говорятъ: „пидемъ на *Царьске*“. Подобный оборотъ рѣчи могъ явиться, если говорившіе выражали принадлежность предметовъ, находившихся на пристани, казнѣ, царской казнѣ.

надъ Днѣпромъ двѣ огромныхъ безъименныхъ скалы, въ промежуткѣ между которыми находится отмѣченная выше бухта.

Посрединѣ Днѣпра, при раздѣленіи его на два русла у вершины о-ва Хортицы высоко поднимаются вверхъ двѣ скалы, называемыхъ „стовбами" [1]).

При такихъ топографическихъ особенностяхъ описываемой мѣстности сохранилось здѣсь довольно много слѣдовъ, относящихся къ разнымъ періодамъ историческаго прошлаго. Всѣ сохранившіеся остатки старины въ данной мѣстности удобно подраздѣлить на ниже-слѣдующія группы, начавъ съ позднѣйшихъ остатковъ, какъ наиболѣе ясныхъ: 1) слѣды Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря на о-вѣ Большой Хортицѣ и на правой сторонѣ Днѣпра; 2) слѣды пребыванія козацкаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго на лѣвомъ берегу Днѣпра; 3) слѣды стараго укрѣпленія на островѣ Хортицѣ; 4) слѣды валовъ на мѣстѣ соединившагося съ материкомъ о-ва Малой Хортицы, на которомъ укрѣплялся Дмитрій Вишневецкій и 5) слѣды доисторической старины на о-вѣ Большой Хортицѣ.

Слѣды Миниховскихъ укрѣпленій, весьма значительныхъ по своимъ размѣрамъ, сосредоточились, главнымъ образомъ, на о-вѣ Большой Хортицѣ. Мышецкій, военный инженеръ, современникъ Миниха, объ этихъ укрѣпленіяхъ пишетъ: въ 1738 г. на ономъ Хортицкомъ о-вѣ сдѣланъ отъ россіянъ великой ретраншаментъ, со многими редутами и флешами, на которомъ россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, многое время стояла [2]). Слѣды этихъ укрѣпленій представляютъ четыре ряда редутовъ, соединенныхъ траншеями. Какъ видно изъ прилагаемой карты, самый длинный рядъ редутовъ идетъ отъ Черной скели въ сѣверной части острова почти по прямой линіи на югъ, загибаясь поворотомъ на западъ въ сторону рѣчища Днѣ-

[1]) "Стовбы" по недоразумѣнію сближаются иногда мѣстными жителями съ путешествіемъ Императрицы Екатерины II, какъ мѣсто ея отдохновенія. Такое сближеніе совершенно произвольно, такъ какъ Екатерина II путешествовала Днѣпромъ только до пороговъ, а затѣмъ, послѣ переправы флотиліи чрезъ Ненасытецкій порогъ, направилась сухимъ путемъ по направленію къ Херсону.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запор. стр. 68.

пра. Этотъ рядъ редутовъ пересѣкается другимъ рядомъ, направляющимся отъ скели Вошивой, нѣсколько выше Острово-хортицкой колоніи, на западъ къ рѣчищу же Днѣпра, противъ островка Вырвы. Третій рядъ редутовъ, расположенный въ сѣверо-восточной части о-ва тянется почти параллельно руслу Днѣпра въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится на половину смытый Днѣпромъ о-въ Дубовый, на которомъ также замѣтны слѣды двухъ редутовъ. Четвертый рядъ редутовъ пересѣкаетъ о-въ нѣсколько ниже колоніи, вблизи „Нижней головы“ о-ва.

Къ группѣ Миниховскихъ укрѣпленій относится окопъ съ тремя редутами, сооруженный на правой сторонѣ Днѣпра, для защиты изчезающей въ настоящее время бухты, въ которой, правдоподобно, стояла россійская флотилія, сопровождавшая армію Миниха. Валы окопа этого, насыпанные на песковатомъ грунтѣ, большею частью разсунулись; редуты сохранились лучше, имѣя всѣ признаки редутовъ, находящихся на о-вѣ Хортицѣ [1]. Бухта, находящаяся въ срединѣ окопа, занимаетъ теперь площадь въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженей, шагахъ въ 50 отъ русла Днѣпра; съ рѣкой соединяется углубленіе бухты неглубокой рытвиной, по которой вода изъ Днѣпра заходитъ въ бухту только въ половодье.

Въ составъ Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря входило также укрѣпленіе на островкѣ Вырвѣ, къ которому относится слѣдующая запись Мышецкаго: а отъ онаго (отмѣченнаго предъ этимъ) ретраншамента внизъ рѣки Днѣпра... построена отъ россіянъ въ 1739 г. малая крѣпость, именуемая „Запорожская Вервь“ [2]) Отъ времени Миниха уцѣлѣло, наконецъ, два редута на правой сторонѣ Днѣпра, противъ балки Кичкаски, предназначавшихся для закрытія россійской флотиліи [3]).

Менѣе выразительные слѣды въ описываемой мѣстности сохранились отъ времени Сагайдачнаго. Остатками старины на

---

[1]) Къ отмѣчаемому окопу съ редутами относится слѣдующая замѣтка Мышецкаго: „а по оной рѣкѣ Хортицѣ“ (Верхней или Сухой), разстояніемъ 2 версты, построенъ отъ Россіянъ въ 1738 г. ретраншаментъ съ редутами. (Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 67).

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож. стр. 68.

[3]) Тамъ же, стр. 67.

урочищѣ „*Сагайдашне*“ являются „печища“, находящіяся въ верхней части урочища: въ безпорядкѣ разбросаны здѣсь неглубокія ямы, повидимому, остатки землянокъ, остатки плохо обожженной глиняной посуды, обломки черепковъ очень грубой работы и кучи золы, поросшія травою. Такіе остатки старины могутъ относиться и не ко времени Сагайдачнаго.

Безспорные слѣды знаменитаго козацкаго гетмана находятся на отмѣченной выше „Середней скелѣ“. Мѣстные жители на вершинѣ этой скалы указываютъ камень, называемый „Лижкомъ Сагайдака“. камень этотъ въ прежнее время находился на самой вершинѣ скалы; лѣтъ же 10 назадъ бражничавшая здѣсь компанія невѣжественныхъ людей изъ сосѣдняго города Александровска свалила этотъ камень съ его мѣста. Теперь онъ лежитъ, перевороченный здѣсь же на скалѣ. „Лижкомъ“ камень этотъ называется потому, что въ немъ выдолблено сидѣнье съ приспособленіемъ для головы и ногъ въ полулежачемъ положеніи. Вполнѣ возможно, что Сагайдачный, безспорно пребывавшій въ данной мѣстности, передалъ свое имя этому камню. Сомнительно только, чтобы „лижко“ это сдѣлано было для Сагайдачнаго; дѣлалось оно, вѣроятно, для болѣе лѣниваго вождя раньше пребывавшихъ здѣсь народностей. Такое предположеніе мы связываемъ съ достовѣрнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ 30 годахъ настоящаго столѣтія на этой же скалѣ можно было видѣть другой не безъ интересный камень—„*люльку*“ громадныхъ размѣровъ (трубку) съ чубукомъ и протычкой [1]).

Пребываніе Сагайдачнаго въ этой мѣстности относится ко второму десятилѣтію XVII вѣка. Сообщеніе Мышецкаго, что послѣ Сагайдачнаго остались укрѣпленія на островѣ Б. Хортицѣ, маловѣроятно. Замѣтка названнаго автора, что за время Сагайдачнаго Хортица не была островомъ, а была „соединенною степью“, показываетъ, что онъ перепуталъ сообщенныя ему изустно свѣдѣнія о мѣстѣ окопа Сагайдачнаго [2]).

Старое укрѣпленіе, находящееся на о-вѣ Большой Хортицѣ, расположено при „Савутыной скелѣ“, одной изъ самыхъ вы-

[1]) Драгомановъ, Преданіе малор. народа, стр. 421.

[2]) Мышецкій, исторія о козакахъ запор. стр. 68.

сокихъ на островѣ. Слѣды этого укрѣпленія въ настоящее время едва замѣтны. Одну его сторону (восточную) составляетъ крутой обрывистый берегъ Днѣпра, другая сторона (сѣверная) защищена глубокимъ оврагомъ и только съ остальныхъ двухъ сторонъ это мѣсто ограждено было валомъ и рвомъ, слѣды которыхъ сохранились лишь съ западной стороны этого древнѣйшаго укрѣпленія на островѣ. По отмѣченному несложному характеру это укрѣпленіе представляетъ самый первоначальный типъ укрѣпленія. Нѣтъ данныхъ для того, чтобы отнести это укрѣпленіе опредѣленно къ тому или другому времени. Есть указаніе, не провѣренное нами по первоисточникамъ, что окапывался на о-вѣ Хортицѣ Яковъ Шахъ, одинъ изъ первыхъ гетмановъ низовыхъ козаковъ, предводительствовавшій около 1586 г. Площадь отмѣчаемаго укрѣпленія занимаетъ приблизительно около 500 квадр. саженей.

На соединившемся съ материкомъ о—вѣ Малой Хортицѣ, находятся слѣды единственнаго земляного укрѣпленія—окопа. Окопъ этотъ занимаетъ площадь около двухъ десятинъ; продольные валы окопа тянутся съ востока на западъ на протяженіи саженей 100; длина поперечнаго вала, составляющаго восточную сторону окопа достигаетъ саженей 45; выходъ изъ окопа обращенъ къ отмѣченной выше ложбинѣ, огибающей эту мѣстность съ запада и юга; спускающіеся къ этой ложбинѣ продольные валы окопа заканчиваются квадратными насыпями, саженей около 10 въ каждой сторонѣ валовъ, составляющихъ два квадрата. Валы окопа мѣстами почти сравнялись съ землею; лучше сохранились они близъ угловъ окопа. Высота валовъ достигаетъ 5—6 саженей черезъ верхъ въ окопѣ и до 8 саженей въ квадратныхъ фигурахъ, напоминающихъ редуты.

Трудно сказать, въ этихъ ли остаткахъ земляного укрѣпленія слѣдуетъ искать слѣдовъ „замка“ Димитрія Вишневецкаго. Несомнѣнно только, что валы описаннаго передъ этимъ окопа въ прежнее время были гораздо выше. Дѣло въ томъ что эта мѣстность вслѣдствіе близости къ колоніи Кичкасъ, чуть ли не со времени основанія этой колоніи, служитъ выпасомъ для скота, вслѣдствіе чего супесковатый почвенный слой сильно

разрыхленъ на всемъ протяженіи этой мѣстности. При такихъ условіяхъ на о-вѣ Малой Хортицѣ могло уцѣлѣть только сооруженіе изъ камня. Затронутый вопросъ могутъ рѣшить знатоки военно-инженернаго дѣла въ 16 вѣкѣ.

Относительно доисторической старины на о—вѣ Большой Хортицѣ въ настоящее время оказывается возможнымъ отмѣтить только немногія мѣстности, обращающія на себя вниманіе въ этомъ отношенія. Какъ выдающееся мѣсто находокъ остатковъ доисторической старины, выше отмѣчена „Музычына балка“. Другимъ такимъ мѣстомъ является круглая впадина на срединѣ о—ва, гдѣ, какъ и въ Музычыной балкѣ, мѣстные жители находили много стрѣлъ, наконечниковъ, копій, различныхъ металлическихъ пряжекъ и бляшекъ и т. п. Нѣмыми свидѣтелями прошлой исторіи о—ва являются также разбросанные въ сѣверной его части курганы. Объ этой исторіи могутъ разсказать археологи—изслѣдователи послѣ предварительныхъ раскопокъ хортицкихъ кургановъ, по наружному виду не отличающихся отъ обыкновенныхъ степныхъ могилъ.—Въ остаткахъ доисторической старины на о—вѣ Хортицѣ переплелся запутаннымъ узломъ цѣлый рядъ эпохъ съ древнѣйшихъ временъ. Встрѣчающіяся на о—вѣ пещеры могли служить жилищемъ еще первобытнаго человѣка. Для народовъ пастушескаго періода культуры обширный малодоступный о—въ Большая Хортица являлся весьма цѣннымъ для обитанія, какъ привольное и безопасное мѣсто для пастьбы скота. Торговыя сношенія, возникшія на Днѣпрѣ еще на зарѣ исторіи, также должны оставить слѣды на Б. Хортицѣ, самомъ замѣчательномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ.

Обозрѣвъ остатки старины на хортицкихъ островахъ и прилегающихъ мѣстностяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ данной мѣстности, причемъ необходимо замѣтить, что такія свидѣтельства касаются почти исключительно о—ва Большой Хортицы.

Какъ извѣстно, русскія лѣтописи упоминаютъ о хортицкомъ островѣ подъ 1103 и 1224 годами. Въ 1103 г. великій князь кіевскій Святополкъ Изяславичъ, предпринявъ походъ противъ

Половцевъ въ союзѣ съ другими князьями, стоялъ ниже пороговъ между прочимъ и на „Хортичимъ“ островѣ[1]). Въ 1224 г. на хортицкомъ островѣ держали совѣтъ русскіе князья передъ первой встрѣчей съ татарами на рѣкѣ Калкѣ[2]).

Подъ 1574 есть весьма цѣнное свидѣтельство о Хортицѣ въ польской хроникѣ Бѣльскаго, сообщающаго, что на этомъ о—вѣ „мешкали“ низовые козаки, стекавшіеся сюда изъ Украины для промысловъ и набѣговъ въ татарскія земли. Авторъ хроники, племянникъ одного изъ предводителей низовыхъ козаковъ, Орнишевскаго, имѣвшій возможность слышать обстоятельные разсказы о низовьяхъ Днѣпра, занесъ въ свою хронику мнѣніе, что для польскаго государства было бы очень важно построить замки и осадить поселенія на такихъ днѣпровскихъ островахъ какъ Хортица, Кохання (вѣроятно Таволжиный о—въ, одинъ изъ наибольшихъ и неприступныхъ острововъ, находящійся между порогами Будиломъ и Гадючимъ) и о—въ Томаковка[3]).

Къ 1594 г. относится свидѣтельство объ о—вѣ Б. Хортицѣ Эриха Лоссоты: „островъ прекрасный, высокій и уютный, въ длину имѣетъ 2 мили и раздѣляетъ Днѣпръ на 2 равныя части. На ряду съ этимъ Лассота сообщаетъ что козаки имѣютъ обыкновеніе содержать на этомъ о—вѣ лошадей въ зимнее время[4]).

Въ четвертомъ десятилѣтіи XVII вѣка зналъ о—въ Б. Хортицу авторъ описанія Украины Бопланъ, опредѣляющій величину о—ва и совѣтующій, какъ и. Бѣльскій, заложить здѣсь крѣпость.

Такимъ образомъ, ни подробное ознакомленіе съ остатками старины на хортицкихъ о—вахъ, ни справка съ относящимися къ нимъ достовѣрными историческими свидѣтельствами не даютъ никакихъ указаній на существованіе Запорожской Сѣчи ни на одномъ изъ хортицкихъ острововъ. Между тѣмъ невозможно

---

[1]) Лѣтописи по Ипатскому списку, стр. 183.

[2]) Тамъ же, стр. 495.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 719.

[4]) Путевыя записки Лассоты, стр. 30.

объяснить какою-либо случайностію отсутствіе не только свѣдѣній, а даже упоминаній о Запорожской Сѣчи на Хортицѣ, въ такихъ классичесскихъ для исторіи Запорожья источникахъ, какъ отмѣченныя выше свидѣтельства Бѣльскаго, Лассоты и Боплана.

Эти источники для разрѣшенія вопроса о существованіи хортицкой Сѣчи являются достаточно компетентными, какъ по своей хронологической близости къ начальному періоду запорожскаго козачества, такъ и по своей безусловной доброкачественности въ предѣлахъ занимающаго насъ вопроса.

Отмѣченные остатки старины на Хортицкихъ о—вахъ, въ ряду которыхъ нѣтъ даже намековъ на существованіе здѣсь Запорожской Сѣчи, а равно и приведенныя свидѣтельства современниковъ первоначальной поры запорожскаго козачества даютъ достаточное основаніе заключать, что Хортицкой Сѣчи не существовало. Бѣльскій и Бопланъ совѣтуютъ только на будущее время построить укрѣпленіе на Хортицѣ, при чемъ не ссылаются на существованіе здѣсь прочнаго козацкаго укрѣпленія въ прежнее время, что они не преминули бы сдѣлать для большей убѣдительности своихъ предложеній, если бы существовала на Хортицѣ запорожская Сѣчь. Если въ „Дневныхъ запискахъ“ Лассоты отмѣчено, что козаки имѣютъ обыкновеніе содержать лошадей на Б. Хортицѣ въ зимнее время, а равно отмѣчено кратковременное существованіе укрѣпленія Дмитрія Вишневецкаго на М. Хортицѣ, то ни въ какомъ случаѣ о Запорожской Сѣчи не умолчалъ бы авторъ этихъ обстоятельныхъ записокъ, въ которыхъ отмѣчены слѣды и большихъ и незначительныхъ приднѣпровскихъ поселеній довольно отдаленной поры [1]).

Приведенными источниками, относящимися къ концу 16 и къ первой половинѣ 17 вѣка, мы ограничиваемъ историческія свидѣтельства на томъ основаніи, что въ предѣлахъ этого времени только и можетъ обсуждаться вопросъ о существованіи хортицкой Сѣчи. Къ концу первой половины 17 вѣка центральный пунктъ запорожцевъ, какъ извѣстно, подвинулся къ Ники-

---

[1]) Кіевская Стар. 1893, № 5, стр. 261—262.

тину Рогу, лежащему въ предѣлахъ Великаго луга, значительно ниже Хортицкихъ острововъ; въ послѣдующее время центръ запорожскаго козачества, постепенно расширявшаго свои владѣнія, подвигался еще дальше на югъ до мѣста послѣдняго Коша запорожскаго на рѣкѣ Подпольной (т. е. текущей подъ полемъ).

Какую же роль игралъ о—въ Большая Хортица съ прилегающими мѣстностями въ исторіи запорожскаго козачества?

На этотъ вопросъ въ значительной степени отвѣчаютъ отмѣченные выше остатки старины въ данной мѣстности и приведенныя историческія свидѣтельства. Названные источники указываютъ, что эта мѣстность является центральною въ исторіи запорожскаго козачества въ промежутокъ времени отъ Дмитрія Вишневецкаго до Конашевича-Сагайдачнаго включительно. Въ предыдущую пору значеніе центральныхъ пунктовъ для Запорожцевъ имѣли Черкасы и Каневъ [1]); въ послѣдующее время отъ Сагайдачнаго до Богдана Хмельницкаго, особенно за послѣднее 10 лѣтіе, Запорожье находилось въ упадкѣ, такъ что въ этотъ періодъ его существованія не можетъ быть указано опредѣленнаго центра для низовыхъ козаковъ [2]).

Придерживаясь точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ можно утверждать, что о—въ Большая Хортица и прилегающія мѣстности во второй половинѣ 16-го и въ первой четверти 17 вѣка были прочно заняты низовыми запорожскими козаками. Бѣльскій говоритъ только, что въ 70-хъ годахъ 16-го вѣка о—въ Хортица былъ занятъ низовцами такъ же, какъ и другіе большіе и неприступные днѣпровскіе о—ва; Лассота, путешествовавшій на Запорожье во время большого козацкаго похода во владѣнія крымскаго хана и заставшій козацкій лагерь на Бузулукскомъ о—вѣ въ предѣлахъ Великаго луга, не распространялся о пребываніи Запорожцевъ въ занимающей мѣстности, но въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ это пребываніе въ такомъ же смыслѣ, какъ и Бѣльскій. О характерѣ пребыванія Запорожцевъ въ данной мѣстности при Конашевичѣ Са-

[1]) Кіевская Стар. 1884 г. № 8, стр. 601.

[2]) Антоновичъ, Исторія малор. козачества, Литогр. зап., стр. 64.

гайдачномъ мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ; но судя по остаткамъ старины, не имѣемъ основанія сказать о Хортицкой мѣстности больше, чѣмъ о стоянкахъ здѣсь козацкаго войска [1])

Бопланъ, говоря о козацкомъ возстаніи подъ предводительствомъ Павлюка и Томиленка, упоминаетъ неоднократно о козацкихъ стоянкахъ въ сѣверной части запорожскихъ владѣній, выше пороговъ; о характерѣ пребыванія запорожцевъ на о—вѣ Хортицѣ съ прилегающими мѣстностями нѣтъ свѣдѣній въ „Описаніи Украйны". Умалчиваніе Боплана о хорошо извѣстной ему Хортицкой мѣстности нельзя ничѣмъ объяснять, какъ только тѣмъ, что характеръ пребыванія запорожцевъ въ этой мѣстности ничѣмъ особеннымъ не отличался въ чертѣ мѣстностей, занятыхъ запорожскимъ козачествомъ. Великій лугъ съ озеромъ Скарбнемъ, получившимъ названіе отъ войсковой „скарбницы", имѣвшіе въ эту пору выдающееся значеніе для низовыхъ козаковъ, нашли же мѣсто въ описаніи Боплана, хотя они ему были гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ о—въ Б. Хортица съ прилегающими мѣстностями.

Такимъ образомъ всѣ изложенныя выше данныя позволяютъ говорить только о сборныхъ пунктахъ Запорожцевъ на Хортицкихъ о—вахъ съ прилегающими мѣстностями, а не Хортицкой Запорожской Сѣчи.

Л. Падалка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Огромный ростъ запорожскаго козачества при Сагайдачномъ заставляетъ предполагать, что козацкимъ войскомъ въ эту пору занято было не только урочище „Сагайдашне", а могли быть заняты и другія мѣста. Отсутствіе въ настоящее время мѣстныхъ преданій по этому поводу не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ современное населеніе ближайшихъ къ Хортицѣ мѣстностей, какъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, такъ и въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, является чуждымъ для запорожскихъ преданій, относящихся къ тому же къ довольно отдаленному времени. Названіе урочища „Сагайдашне", быть можетъ, потому и сохранилось, что урочище это находится на лѣвой сторонѣ Днѣпра, занятой традиціонно-мѣстнымъ населеніемъ; правая сторона Днѣпра въ этой мѣстности на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, какъ по теченію рѣки, такъ и въ глубину степи, занята нѣмцами—колонистами,

СХЕМАТИЧЕСКАЯ

КАРТА

О-ВА ХОРТИЦЫ

СЪ ПРИЛЕГАЮЩИМИ

МѢСТНОСТЯМИ Р. СРЕДНЯЯ ХОРТИЦА.

Масштабъ 1 дюймъ около 600 с. кв.

Условные знаки:

- редутъ.
- валъ земляной.
- оврагъ.
- скалы.

N

S

р. Днѣпръ

С. Павло кичкасъ

Козловка скеля

Плотина

Балка кичкасъ

Окопъ

Степонъ (Малая) Хортица

Ложбина

Редуты

Скеля Хмарна

Скеля Пугачъ

Пещера Школа

Скеля Дзвиныця

Голубына скеля

Кол. Кичкасъ (Эйнлаге)

Кичкасская переправа

р. Верхн. Хортица

Царская пристань

Стовбы

ур. Сагайдашное

Окопъ

Бухта

Канцеровский оврагъ

Верхня голова

Музычина балка

Ов. Дубовый

Стрый Окопъ

Савутына скеля

Вошыва скеля

Думна скеля

О-въ (Большая) Хортица

Гнилуше

Днѣпръ

Колонія

Днѣпръ

с. Вознесенскъ

Ныжня Голова

о-въ Разтеребный (Старый)

Г. Александровскъ

р. Б. Московка

оз. Лозоватое

оз. Головковка

оз. Домахо

оз. Корпиной

оз. Осокоровы подкупные

р. Средняя Хортица

о-въ Корнетовъ

р. Нижняя Хортица

Днѣпръ

Лит. Р. Т. Корчакъ-Новицкiй, Кiевъ

Киевск. стар." 1894, май.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1]).

Разставшись съ родиной въ концѣ августа 1844 года, я вернулся въ Кіевъ. „Словесниковъ" моего выпуска было всего девять человѣкъ, изъ коихъ пять казеннокоштныхъ, будущихъ педагоговъ, обязанныхъ шестилѣтней службой по назначенію отъ правительства. Въ ожиданіи такого назначенія, мы продолжали ѣсть казенный хлѣбъ, оставаясь въ институтѣ. Желая поскорѣй узнать свою судьбу, мы частенько заглядывали въ попечительскую канцелярію, гдѣ между прочимъ намъ сказали, что практиковавшееся до насъ правило—предоставлять кандидатамъ мѣста старшихъ учителей съ 400 рублевымъ окладомъ, а „дѣйствительнымъ студентамъ" должности младшихъ съ 300 рублевымъ жалованьемъ, что это освященное обычаемъ правило, начальствомъ отмѣнено: всѣ окончившіе курсъ, безъ различія ученыхъ степеней, съ этого времени должны будутъ начинать свою службу съ младшаго учителя. Просьба наша объ отсрочкѣ такого новшества до слѣдующаго выпуска оставлена безъ послѣдствій. Въ началѣ сентября состоялось и наше назначеніе: поляковъ назначили за Днѣпръ, а православныхъ въ юго-западныя губерніи. На мою долю досталась гимназія *Винницкая*.

Такъ какъ эта гимназія въ 1847 году изъ Винницы переведена въ Бѣлую-Церковь, то о шестимѣсячной своей службѣ въ Винницѣ я разскажу тогда, когда доберусь до бѣло-церковской гимназіи. Теперь же я постараюсь занять вниманіе благосклоннаго читателя гимназіей *Немировской*.

---

[1]) См. „Кіевская Старина" за 1889 годъ № 12.

Немировская гимназія.

(1845—1852).

Jo giudico che sia impossibile, senza offendere molti, descrivere le cose de' tempi suoi.

Маккіавели.

Предисловіе.

Воспоминанія о Немировской гимназіи принадлежатъ къ самымъ тяжелымъ годамъ моей учительской службы. Они главнымъ образомъ вращаются около личности одного человѣка—директора Зимовскаго, безъ него же ничто-же бысть, яже быша.

Недаромъ сей доморощенный педагогъ, пародируя извѣстное изреченіе Людовика XIV: l'état c'est moi, любилъ самодовольно повторять: гимназія—это я! Всѣ отправленія нетолько училищной, но и домашней жизни каждаго изъ его подчиненныхъ находились въ полнѣйшей отъ него зависимости; отъ него не было возможности укрыться ни въ тиши кабинета, ни у семейнаго очага: окруживъ себя шпіонами, онъ зналъ все, что говорилось въ тѣсномъ кругу пріятелей и даже что у кого варилось въ горшкѣ. На всемъ отпечатлѣвались глубокіе слѣды лапъ этого восьминога, въ которыхъ онъ, какъ въ тискахъ, сжималъ немировскую гимназію втеченіе 10 лѣтъ. Нѣкоторые, изъ весьма впрочемъ немногихъ приверженцевъ „незабвеннаго Егора Яковлевича“ [1]), стараются оправдать деспотическія за-

---

[1]) Къ числу панегиристовъ Зимовскаго, заявившихъ печатно о его quasi педагогической дѣятельности, относится авторъ „Исторической записки“ на 50 ти лѣтній юбилей Немировской гимназіи (1888 г.) *Стрибульскій*, который, впрочемъ совершенно невольно, введенъ былъ въ заблужденіе ежегодными отчетами о состояніи гимназіи въ 40-хъ годахъ, составленными самимъ директоромъ—это единственный источникъ, изъ котораго авторъ почерпнулъ свѣдѣнія—хороша исторія!

Другой поклонникъ его *Солтановскій*, авторъ Записокъ, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ за 1893—4 годы, также воздалъ ему похвалы не по заслугамъ. Г. Солтановскаго я зналъ, какъ своего бывшаго ученика, который состоялъ въ числѣ немногихъ „любимцевъ“ директора и пользовался его особеннымъ покровительствомъ и потому неудивительно, что онъ изъ Зимовскаго сотворилъ себѣ кумира.

машки его господствовавшимъ въ 40-хъ годахъ направленіемъ, утверждая, что суровость его режима non vitia hominis, sed vitia saeculi, но господа эти правы только отчасти: благоразумная строгость и требовательность въ начальникѣ, при халатномъ отношеніи къ дѣлу большинства тогдашнихъ педагоговъ, конечно, была необходима; но если строгость переходитъ предѣлъ, она граничитъ съ безуміемъ. Личность Зимовскаго, съ одной стороны, дѣйствительно есть продуктъ тогдашняго состоянія служебной атмосферы, но съ другой стороны, въ ней много такого, чего нельзя оправдать никакими вѣяніями свыше, никакими обстоятельствами времени.

Главный источникъ всяческихъ безобразій „добраго стараго времени"—одинъ и тотъ же: наше родное крѣпостное право. Оно портило и нашихъ лучшихъ людей и наши лучшія учрежденія; по образу и подобію его складывался весь общественный и служебный бытъ Россіи того времени. Для того, чтобы пріобрѣсть благоволеніе начальства, отъ насъ требовались жертвы, равносильныя нравственному самоубійству: не имѣть своей воли, сдѣлаться автоматомъ, приводимымъ въ движеніе по усмотрѣнію начальства. Какъ видно, аракчеевскіе принципы практиковались не въ одномъ Грузинѣ. „Всякій человѣкъ, показывавшій признаки самостоятельности и самоуваженія, Аракчееву казался врагомъ общественнаго спокойствія; пришибить въ человѣкѣ человѣческое достоинство, сдѣлать изъ человѣка тряпку, мочалку, годную для затычки всякой дыры—вотъ его государственная система" [1]). Принципы эти черезъ фонъ Брадке унаслѣдованы его креатурой Зимовскимъ. Случилось это такъ:

Когда бывшій сотрудникъ Гр. Аракчеева по управленію военными поселеніями Е. Θ. фонъ Брадке былъ назначенъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, неизвѣстно по чьей рекомендаціи, онъ пригласилъ къ себѣ на должность старшаго письмоводителя своей канцеляріи нѣкоего Зимовскаго, который по окончаніи юридическаго факультета въ Харьковѣ, незадолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ столицу искать службы по министер-

---

[1]) См. Древн. и Нов. Россія 1877, № 12.

ству юстиціи. Тогда еще очень молодой человѣкъ, Егоръ Яковлевичъ своимъ дѣловымъ характеромъ, исполнительностію, умѣньемъ угодить начальству и практическимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ пришелся очень по нраву энергическому и неугомонному фонъ Брадке. Скоро Зимовскій сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ попечителя. Карьера его, не въ примѣръ другимъ, пошла быстро. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ синдикомъ университета св. Владиміра, а въ 1836-мъ, 25 лѣтъ отъ роду—инспекторомъ 2-й кіев. гимнизіи [1]).

„Назначеніе Зимовскаго во 2-ю кіевскую гимназію инспекторомъ, говоритъ хроникеръ этого заведенія И. И. Слѣпушкинъ: вызвало смуты въ средѣ личнаго ея состава. Зимовскій обладалъ несчастными чертами характера, не располагавшими къ нему ни его сослуживцевъ, ни его подчиненныхъ, ни даже учениковъ“. Къ концу 1838 г. не проходило ни одного засѣданія, въ которомъ бы инспекторъ согласился съ большинствомъ и не подалъ бы отдѣльнаго мнѣнія. Это вооружило противъ него всѣхъ учителей, которые особенно были задѣты за живое однимъ изъ его „мнѣній“, гдѣ, говоря о преподавателяхъ, онъ позволилъ себѣ употребить выраженіе „нерадивые“. Послѣдствіемъ этихъ дрязгъ, столь вредныхъ въ дѣлѣ воспитанія, въ 1839 г. состоялось перемѣщеніе Зимовскаго въ волынскую гимназію. Но и тамъ онъ не удержался: его безпокойный, неуживчивый нравъ вооружилъ противъ него всѣхъ. Учитель русскаго языка Зубъ, человѣкъ весьма дѣльный, былъ оскорбленъ инспекторомъ въ присутствіи учениковъ, вслѣдствіе чего, едва З—й успѣлъ выйти изъ класса, Зубъ, стоя на порогѣ, обратился по его адресу съ весьма нелюбезными выраженіями, показавъ ему кулакъ. Получивъ объ этомъ происшествіи донесеніе отъ директора, окружное начальство было поставлено въ большое затрудненіе—куда дѣвать это сокровище? И вмѣсто того, чтобы предложить Зимовскому поискать службы въ другомъ вѣдомствѣ, оно, при содѣйствіи всемогущаго тогда правителя канцеляріи Лазова (въ которомъ, послѣ отставки фонъ Брадке, Е. Я. нашелъ по-

[1]) Родился въ 1811 году; окончилъ курсъ университета 1832; поступилъ на службу по министерству юстиціи и перемѣщенъ въ Кіевъ 1833. Ум. 1882.

кровителя) послало его исправлять должность инспектора да не одного, а двухъ заведеній: Лицея Кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, мотивируя такое незаслуженное повышеніе строгостію директора Экеблада, извѣстнаго укротителя строптивыхъ.

Покойный профессоръ Н. Т. Костырь, при разборѣ басень Крылова, проводилъ параллель между учиненнымъ надъ Щукой правосудіемъ и назначеніемъ Зимовского въ Нѣжинъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бесѣдъ любимаго профессора, я, не зная тогда Зимовского вовсе, примѣняясь къ содержанію басни, написалъ что-то въ родѣ сатиры, подъ заглавіемъ:

Судъ надъ Щукой.

На Зимовского въ Округѣ опять доносъ,
Что отъ него въ Житомірѣ житья не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватаго, какъ надлежало,
Хотѣли было вызвать въ Кіевъ тотъ же часъ;
Но передумало сердитое начальство,
Рѣшивъ заочно осудить на этотъ разъ
Неисправимое его канальство:
„Инспекторъ Зимовской при Брадке былъ судимъ,
И не смотря на то, что сей проныра
Былъ попечителемъ любимъ,
Для водворенія спокойствія и мира
Въ гимназіи второй, его перевели
Въ Волынскую. И тамъ онъ не ужился
И нравомъ не смирился:
Опять всѣ загули,
Что отъ него житья учителямъ не стало;
Взбѣшенный Зубъ чуть не прибилъ его.
(Есть слухъ, что кто-то и побилъ его, да мало,
Онъ не исправился нисколько оттого).
Quousque tandem намъ терпѣть такого педагога—
Онъ язва, онъ позоръ!“
(Лишь Катилину Цицеронъ судилъ такъ строго)
И судьи изрекли свой грозный приговоръ:
„Чтобъ не имѣть впередъ начальству затрудненій
Съ такими мерзкими людьми, какъ Зимовской—
Прогнать его, безъ всякихъ объясненій
И честнымъ людямъ дать покой“.
Тѣмъ бы, кажись, и кончить судьямъ совѣщанье;
Анъ нѣтъ, на этомъ не конецъ.
Почтенное сановниковъ собранье

Желало знать, что скажетъ Лазовъ имъ дѣлецъ.
Молчалинъ имъ сказалъ бы несомнѣнно,
Что онъ не можетъ смѣть
Свое сужденіе имѣть,
Иль молча поклонился бы смиренно.
Не изъ таковскихъ Лазовъ былъ юристъ:
Когда возьмется онъ за казусное дѣло,
Хоть чинъ его и неказистъ,
А говоритъ передъ начальствомъ смѣло:
„Почтенные судьи! Правитель началъ рѣчь:
По моему сужденію, уволить мало,
Иную казнь назначить бы ему, какой
Не видано у насъ,
При попечителѣ фонъ Брадке:
Такимъ плутамъ, какъ Зимовской,
Не слѣдуетъ давать повадки.
Во градѣ греческихъ колбасъ и огурцовъ—
Есть Христіанъ Адольфовичъ директоръ,
Искусный укротитель всяческихъ скотовъ;
Да-съ, у него инспекторъ,
Какъ часовой на вытяжку стоитъ;
Онъ никому не дастъ поблажки;
Онъ Зимовскому пыль стирать велитъ
И съ полу подымать ненужныя бумажки.
Туда его, бездѣльника, послать
Онъ долженъ будетъ тамъ смириться
И станетъ на себя весь вѣкъ пѣнять
Что на Волыни не умѣлъ ужиться".
—„И по дѣломъ ему! промолвилъ главный чинъ [1]):
Въ лицей его инспекторомъ назначить
И въ формулярѣ обозначить:
Перемѣщенъ безъ объясненія причинъ".—
Точь-въ-точь какъ въ баснѣ дѣдушки Крылова:
Судъ присудилъ: повѣсить Щуку на суку!
Но лишь Лиса промолвила два слова—
И щуку бросили въ рѣку.

Впослѣдствіи времени Е. Я—чъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, часто вспоминалъ о своей нѣжинской службѣ, и, указывая на свою раннюю сѣдину, прибавлялъ: „я посѣдѣлъ у Экеблада"!

Но и въ Нѣжинѣ онъ не усидѣлъ, хотя и посѣдѣлъ.

---

[1]) Послѣ фонъ Бадке попечителемъ б. кн. Давыдовъ.

Въ 1841 году между имъ и директоромъ немировской гимназіи И. Г. Кулжинскимъ, который, якобы для воспитанія дѣтей, пожелалъ перейти въ Нѣжинъ,—состоялось добровольное соглашеніе помѣняться мѣстами, хотя люди близко знакомые съ дѣломъ, утверждали, что Егоръ Яковлевичъ просто надулъ Кулжинскаго, увѣривъ его, что Экебладъ скоро выйдетъ въ отставку и что ему, Кулжинскому, очень легко будетъ занять его мѣсто, такъ какъ самъ онъ, Зимовскій, по неимѣнію для того подходящаго чина, лишенъ всякой надежды этого достигнуть. Изъ того обстоятельства, что И. Г. Кулжинскому пришлось удирать отъ директора Экеблада на Кавказъ, не дождавшись его отставки, можно заключить, что онъ, мѣняя самостоятельную директорскую должность на зависимую инспекторскую, зная притомъ крутой нравъ Христіана Адольфовича, расчитывалъ именно на эти шансы.

Представленіе начальству.

Утомительная ѣзда на жидовскихъ клячахъ навела на меня сонъ, который былъ тѣмъ болѣе мнѣ необходимъ, что мы съ Пристюкомъ [1]) пробалагурили до бѣла дня. Я проспалъ большую часть 40 верстнаго пути и, вечеру сущу, въѣхалъ въ м. Немировъ.

Остановился я у своего земляка П. О. Ющенка, учителя исторіи, годомъ раньше меня окончившаго университетъ. Вечеръ провели мы въ интимной бесѣдѣ за самоваромъ и изъ того, что узналъ я о личности директора, совершенно убѣдился, что ходившія о немъ легенды похожи на правду. Какъ историкъ, изучающій характеристики историческихъ дѣятелей, Ющенко окрестилъ своего начальника подходящимъ, по его мнѣнію, именемъ Маккіавелли; но мнѣ такое уподобленіе показалось профанаціей великаго человѣка: громкое въ исторіи итальянскихъ республикъ имя пламеннаго патріота, глубокаго политика и знаменитаго писателя, пріуроченное мелочному пигмею, пріобрѣвшему печальную извѣстность лишь доносами и самодурствомъ, оскорбило бы тѣнь великаго человѣка. Маккіавелемъ,

[1]) Мой сослуживецъ по Винницкой гимназіи.

какъ я узналъ послѣ, Зимовскаго никто не называлъ, кромѣ историка. Судя по надписямъ на гимназическихъ заборахъ, гораздо бо́льшею популярностію въ мѣстечкѣ пользовалось другое прозвище—Югурты и Родэна. Но все таки мой землякъ имѣлъ нѣкоторое основаніе называть директора Маккіавелемъ. Этотъ самонадѣянный администраторъ, усвоивъ себѣ маккіавелевское правило: divide et impera и нетолько не встрѣчая ни въ комъ противодѣйствія своему произволу, а напротивъ, одобреніе льстецовъ и идіотовъ, возмечталъ изобразить своею особой идеалъ того деспота, который, по мнѣнію великаго флорентинца, былъ необходимъ для спасенія раздробленной, униженной и изнеможенной въ его время Италіи.

На другой день, не безъ внутренняго волненія, я сталъ собираться къ явкѣ передъ особу г. директора.

— Слухай, Михайло! обратился ко мнѣ землякъ: якъ прійдешъ до директора, то якъ побачишь, що есть найпоганійшаго въ свити, то и кланяйся, бо то буде винъ. Бо щобъ часомъ не случилось изъ тобою того, що зо мною, якъ я приставлявся ему въ первый разъ.

Дѣло въ томъ, что когда мой почтенный коллега явился въ первый разъ къ директору, то съ нимъ случилась такая оказія: войдя въ переднюю, (она же и пріемная) онъ встрѣтилъ какую то неказистую фигуру и, принявъ ее за лакея, спросилъ: дома баринъ?

— Что вамъ угодно? переспросила его въ свою очередь фигура, гордо откинувъ назадъ голову и бросивъ всесокрушающій взглядъ на посѣтителя.

— Оце жъ я до васъ на учителя пріихавъ, отвѣтилъ Ющенко, кладя на столъ шляпу, но удержавъ въ рукѣ палку.

— Какъ вы, м. г., осмѣлились явиться ко мнѣ съ палкой, развѣ къ начальнику такъ можно являться? Зарычалъ со злостью директоръ и пробралъ новичка на обѣ корки.

Не могу объяснить себѣ странности нашихъ юныхъ педагоговъ—при выѣздѣ на службу запасаться палками, точь въ точь, какъ молодые священники „стрижаки", при вступленіи въ іерейскій санъ, пастырскимъ жезломъ. Не есть ли это необходи-

мый атрибутъ учительскаго званія, уцѣлѣвшій со временъ попа Сильвестра и знаменовавшій символъ воспитанія дѣтей жезломъ? Какъ бы тамъ ни было, а на мою бѣду, землякъ забылъ предупредить меня насчетъ палки, тогда я, конечно, оставилъ бы ее на квартирѣ, идучи къ нему.

Переступивъ порогъ пріемной комнаты, я нашелъ въ ней весьма не казистую фигурку, которую дѣйствительно можно было принять за лакея. Представьте себѣ человѣка средняго роста, съ некрасивымъ оваломъ лица, съ носомъ конусообразной формы, зеленоватыми глазами и низко остриженными волосами, одѣтаго въ фланелевый балахонъ темнозеленаго цвѣта, съ черными костяными пуговицами, но державшагося прямо и гордо. Окинувъ меня быстрымъ проницательнымъ взглядомъ и замѣтивъ въ рукѣ у меня палку, онъ нервически дрыгнулъ ногой, мотнулъ головой и сдѣлалъ жестъ рукой—всѣ эти отправленія совершены моментально, какъ бы силою электрическаго тока; но такъ же быстро онъ и оправился, принявъ повелительно спокойную осанку и съ словомъ: пожалуйте! повернулъ въ гостинную; не оборачиваясь прошелъ въ кабинетъ, сѣлъ въ кресло подлѣ своего рабочаго стола и молча указалъ мнѣ рукой на стулъ. Замѣтивъ, что со мною нѣтъ ненавистной ему палки, оставленной мною въ первой комнатѣ, онъ, повидимому, успокоился. Позондировавъ меня бѣглыми вопросами касательно моего предмета и метода его преподаванія, онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста и сильно постучалъ въ окно. Кабинетъ окнами выходилъ на дворъ, огороженный отъ улицы штахетами, такъ что онъ могъ видѣть все, происходившее на улицѣ. На сей разъ мимо проходилъ инспекторъ и стукъ въ окно относился къ нему.

Довольно толстенькій, рыхлый старичекъ, шедшій до того медленно, заслышавъ хорошо знакомый ему стукъ, вздрогнулъ и быстро зашагалъ по направленію къ директорской квартирѣ. Откланявшись премьеру, я въ дверяхъ столкнулся съ инспекторомъ, которому меня и передали для ознакомленія съ гимназическими порядками.

— Худо, что у васъ нѣтъ мундира, замѣтилъ на прощанье директоръ: не имѣть мундира, значитъ не дорожить своимъ

званіемъ и не уважать начальство. На безмундирныхъ чиновниковъ я смотрю какъ на санкюлотовъ, такихъ нѣтъ въ моей гимназіи, а потому вы непремѣнно должны сшить мундиръ.

Инспекторъ Я. О. Беккаревичъ оказался весьма почтеннымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ отнесся ко мнѣ съ чрезвычайнымъ добродушіемъ и ласковостью, не обнаруживъ и тѣни начальничьяго тона. При всемъ томъ въ его обхожденіи замѣтна была какая-то натянутость, сдержанность, въ особенности онъ какъ-то терялся, когда къ столу, за которымъ мы сидѣли въ сборной учительской, подходили совершенно безъ надобности одинъ за другимъ надзиратели.. Замѣтилъ я еще, что коль скоро рѣчь касалась директора, мой собесѣдникъ видимо стѣснялся высказывать о немъ свое мнѣніе, махалъ только руками и оглядывался по сторонамъ, какъ бы желая убѣдиться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь.

Во время перемѣны въ залу вошли учителя съ классными журналами въ лоснящихся переплетахъ, и, окруживъ столъ, начали тщательно отмѣчать баллы, справляясь по временамъ съ карманными книжечками, тоже однообразно переплетенными.

При входѣ директора, всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, какъ ужаленные, и вытянулись въ струнку, какъ солдаты предъ отцомъ командиромъ. Не обративъ на такую, чисто военную, субординацію ни малѣйшаго вниманія, даже не кивнувъ головой, директоръ схватилъ меня подъ руку и потащилъ за собой черезъ залу. Озадаченный такой неожиданной любезностію, я не зналъ, какъ мнѣ быть и какъ держать себя. Высвободивъ, однакожъ, мало по малу свою руку отъ непрошенныхъ лобзаній, я принялъ довольно развязную позу и ходилъ въ продолженіе всей перемѣны по залѣ, заложивъ за спину руки, стараясь уклоняться отъ любезностей начальства, но напрасно: разговаривая со мной, директоръ безпрерывно дѣлалъ козлиные прыжки, размахивалъ руками, бралъ меня за пуговицу, подталкивалъ локтемъ, не давая мнѣ ни на минуту забыть, что я удостоенъ великой чести говорить съ начальствомъ. Неудержимый потокъ директорскаго словоизверженія направленъ былъ на меня съ цѣлію познакомить новичка съ существующими въ

его заведеніи порядками, выставить превосходство Немировской гимназіи передъ всѣми другими и представить свою личность чѣмъ то необыкновеннымъ, неподражаемымъ, геніальнымъ.

— Гдѣ вы найдете, тó, чтó въ моемъ заведеніи? Въ цѣломъ округѣ нѣтъ подобной гимназіи, да что въ округѣ—въ цѣлой Россіи: да что Россія!... Заключилъ онъ свой панигирикъ, причемъ махнулъ рукой и мотнулъ головой.

Возвѣстившій окончаніе перемѣны звонокъ прервалъ на время монологъ самовосхваленія, въ которомъ безпрестанно слышались слова: „мое заведеніе, мои учителя, мой инспекторъ и т. п. „Вотъ онъ индійскій Брама, все сущее въ себя воплотившій и все въ себѣ содержащій“, подумалъ я, невольно припомнивъ лекцію Ореста Марковича Новицкаго.

Едва послышалось на коридорѣ пронзительное дребезжаніе звонка, какъ все, что было въ залѣ, встрепенулось: учителя опрометью бросились къ журналамъ и почти бѣгомъ устремились къ дверямъ, стараясь одинъ передъ другимъ выказать, въ присутствіи начальника, свое усердіе къ службѣ.

— Видите ли? обратился ко мнѣ директоръ, когда зала въ одну минуту опустѣла: гдѣ вы найдете это? во всемъ округѣ, да что въ округѣ и т. д.

Въ тоже время изъ коридора вошли въ залу инспекторъ въ сопровожденіи двухъ нарзирателей. По всему зданію воцарилась мертвая тишина. „Ну гдѣ вы найдете что нибудь подобное“? опять было запѣлъ свою обычную пѣсню директоръ, но остановился, какъ бы чего то сконфузившись.

Дѣйствительно, надобно отдать ему справедливость; все, что я видѣлъ до того въ Винницѣ, не выдерживало никакой критики въ сравненіи съ тѣмъ, что я нашелъ здѣсь. Тамъ даже сборной учительской не было: на перемѣнахъ мы всѣ стояли на дворѣ въ шубахъ и входили въ классъ, не раздѣваясь, спустя четверть часа послѣ звонка, а то и 20 минутъ бывало пройдетъ, если анекдотъ Волковскаго оказывался черезчуръ длиннымъ. Тамъ и послѣ того какъ учителя разойдутся по классамъ гулъ и гамъ не прекращались еще долго.

Замѣтивъ, что впечатлѣніе, произведенное на меня образцовыми порядками, весьма благопріятно, директоръ старался еще болѣе удивить меня чудесами своего заведенія. Онъ велѣлъ надзирателямъ выложить на столъ находившіеся у нихъ на храненіи вѣдомости и журналы. Тутъ была огромная книга monstrum-in folio, подъ названіемъ „книга жизни учениковъ“ или проще общая вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, штрафной журналъ, вѣдомость о пропущенныхъ преподавателями урокахъ, объ ихъ опаздываніи (совершенно чистая), мѣсячныя учительскія вѣдомости и все это, не смотря на то, что годъ близился къ концу, блестѣло и лоснилось. Чистота и опрятность этихъ „документовъ“ простирались до того, что въ „книгѣ жизни“ не было не только ни одной подчистки, но ни одной точки возлѣ цифръ, ни одного атома песку, котораго г. директоръ „терпѣть не могъ“ и потому вовсе не употреблявшагося во всей гимназіи, и все это было написано самымъ изящнымъ почеркомъ рукою искуснаго каллиграфа, секретаря педагогическаго совѣта Донченка, на заранѣе приготовленныхъ печатныхъ бланкахъ, на дорогой александрійской бумагѣ, которая въ другихъ гимназіяхъ употреблялась только для рисованія и черченія. Расходы по изготовленію всѣхъ этихъ ненужностей производились изъ несчастнаго жалованья преподавателей.

Во всемъ видѣнномъ мною нельзя было не замѣтить аракчеевскихъ порядковъ, которые преемственно изъ военныхъ поселеній черезъ Брадке перешли къ Зимовскому.

Общія ученическія квартиры.

Оставалось еще одно невиданное мною чудо—chef d'oeuvre директорскаго творчества—общія квартиры, которыя, вѣроятно, не безъ цѣли оставлены, для вящаго эфекта pour la bonne bouche. Освободивъ меня въ этотъ день отъ уроковъ, Е. Я. употребилъ все время на то, чтобы сразу ввести меня въ новую сферу, пробудивъ во мнѣ чувство удивленія и благоговѣнія къ его геніальнымъ учрежденіямъ. Онъ потащилъ меня въ общія квартиры.

Закрытыя заведенія при гимназіяхъ юго-западнаго края учреждены въ 1840 году, въ видѣ опыта, на 10 лѣтъ, но просуществовали до 1856 г. Всѣ воспитанники, если только не имѣли возможности жить у родителей, обязаны были поступать въ общія квартиры. Заведены они были яко бы съ цѣлію облегчить начальству надзоръ за учащимися, что считалось, въ отношеніи польскаго юношества, политическою необходимостью. Что же касается удешевленія содержанія учениковъ, чѣмъ между прочимъ тоже мотивировалось учрежденіе этого рода заведеній, то въ достиженіи такой благой цѣли мы позволимъ себѣ усумниться, по крайней мѣрѣ относительно Немировской гимназіи.

За содержаніе воспитанника въ одно полугодіе взималось среднимъ числомъ 60 рублей, на первоначальное обзаведеніе единовременно 40 рублей, на постройку форменной одежды 30 рублей, серебряная 84 пробы ложка, ножъ и вилка, 20 аршинъ салфеточнаго холста, да сверхъ того нужно было платить репетитору, буфетчику, гардеробщику—такъ что скромная цифра 60 рублей возростала болѣе чѣмъ вдвое. Какъ деньги, такъ и вещи, внесенныя натурой, воспитанникамъ не возвращались, хотя бы кто нибудь изъ нихъ выбылъ изъ заведенія на другой день послѣ вступленія въ него.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что пребываніе воспитанниковъ въ закрытомъ заведеніи, при сравнительной дешевизнѣ въ то время жизненныхъ припасовъ, обходилось родителямъ очень дорого, особенно для бѣдняковъ, которые могли бы пріискать себѣ квартиру за половинную цѣну. [1]).

Не смотря на то, что при составленіи ежегодно смѣты на содержаніе учениковъ, всѣ расходы были предусмотрѣны и точно обозначены, въ концѣ каждаго учебнаго года оставалась не малая сумма, поступавшая въ экономію, которая самымъ легальнымъ путемъ, т. е. съ разрѣшенія попечителя, переходила въ карманы составителей смѣты, при чемъ львиная часть, при де-

[1]) Я самъ платилъ за одну порядочную комнату со столомъ, мебелью и отопленіемъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по 10 рублей въ мѣсяцъ (120 рублей въ годъ) сумма равная годичной платѣ въ общ. квартиру.

лежѣ добычи, конечно, доставалась директору, какъ главному воротилѣ этой ловкой денежной операціи.

Важнѣйшія статьи экономически сбереженныхъ остатковъ отъ содержанія воспитанниковъ получались главнымъ образомъ посредствомъ безсовѣстной эксплуатаціи подрядчика-эконома, продовольствовавшаго общія квартиры. Продовольствованіе отдавалось съ торговъ тому, кто соглашался принять предложенныя директоромъ „кондиціи", составленныя самымъ плутовскимъ способомъ. На основаніи, напр., 6 пункта этихъ кондицій „плата подрядчику производится за истекшій мѣсяцъ каждаго 1 числа слѣдующаго мѣсяца, по *наличному составу* воспитанниковъ". Вотъ тутъ-то и закавыка. Если 1 апрѣля приходилось по календарю во время пасхальной недѣли, то за продовольствіе учениковъ въ теченіе всего марта, какихъ нибудь 200 человѣкъ, экономъ получалъ по наличному составу за 10—15 душъ, оставшихся на праздники въ заведеніи; то же самое продѣлывалъ директоръ и 1 января во время зимнихъ капикулъ. Попавши такимъ образомъ въ просакъ, нѣкоторые подрядчики должны были бѣжать изъ мѣстечка, отказавшись отъ внесеннаго ими залога. А экономическая сумма все росла да росла [1]).

Общія ученическія квартиры на оффиціальномъ языкѣ именовались „учебно-воспитательными заведеніями". Если воспитаніе понимать такъ, какъ понимала его г-жа Простакова, т. е. какъ питаніе, то, пожалуй, ихъ можно назвать воспитательными. Но поляки, на перекоръ оффиціальному языку, понимали эти заведенія по своему, упорно продолжая называть ихъ „казармами" и они въ нѣкоторомъ отношеніи были совершенно правы: уже одинъ штабсъ-капитанъ Мальцевъ, надзиратель 3-го разряда, давалъ имъ полное право называть эти заведенія, къ великой досадѣ директора, „казармами". Авторъ „Гимназической переписки", помѣщенной въ „Основѣ" (1862 г.), довольно вѣрно охарактеризовалъ общія квартиры, назвавъ ихъ „учебно-смирительными заведеніями", въ которыхъ успѣхъ эле-

---

[1]) Къ 1 Января 1852 года экономической суммы общихъ квартиръ числилось 3500 рублей; а награды директору и надзирателямъ выдано 3800 руб.

мента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго.

Общія квартиры до 1848 года помѣщались въ наемныхъ домахъ, а съ этого времени въ большомъ двухъ-этажномъ зданіи, построенномъ на счетъ почетнаго попечителя гр. Потоцкаго, гимназія же все время тѣснилась въ одноэтажномъ домѣ, выходящемъ окнами на лютеранскую церковъ. Общія квартиры, по количеству вносимой учениками платы, дѣлились на 3 разряда, или отдѣленія. Осмотръ нашъ начался съ 1-го низшаго разряда и окончился 3-мъ—высшимъ.

Внѣшность вообще была не только въ удовлетворительномъ, но можно сказать въ блестящемъ состояніи, такъ что общія квартиры Немировской гимназіи могли поспорить съ кіевскими благородными пансіонами. О винницкихъ казармахъ нечего и говорить: это были сараи въ сравненіи съ ними. Обходя помѣщенія воспитанниковъ, мнѣ оставалось только удивляться ихъ образцовому устройству и похваливать. Самолюбіе директорское было совершенно удовлетворено; онъ торжествовалъ.

Здѣсь тоже имѣлись особыя книги, подобныя видѣннымъ мною въ гимназіи: для записыванія штрафовъ, для внесенія отмѣтокъ изъ классныхъ журналовъ, для отпусковъ, для посѣтителей, для особыхъ происшествій и т. д.

Когда мы вошли въ дортуаръ 2-го разряда, Е. Я—чъ заставилъ меня искать клоповъ, которыхъ дѣйствительно не оказалось ни въ кроватяхъ, ни въ тюфякахъ. Потомъ предложилъ мнѣ искать пыли, которой тоже не оказалось ни на полу, ни на окнахъ, ни на табуретахъ подлѣ кроватей.

— Такъ вы такъ ищете пыли? Эхъ вы! обратился ко мнѣ директоръ полунасмѣшливымъ тономъ и мигомъ сдвинулъ съ мѣста нѣсколько кроватей.

— Что? есть пыль? попробуйте, попробуйте! говорилъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ стояли ножки кроватей: вотъ гдѣ я ищу пыли!

Подъ ножками не было ни пылинки—и тамъ полъ лоснился, какъ и вездѣ. Выходя изъ послѣдняго разряда, Е. Я—чъ,

съ самодовольнымъ видомъ, обратился ко мнѣ съ своей обычной пѣсней:

— Ну что? каково? а? да есть ли въ какой нибудь гимназіи что нибудь подобное моей? Во всемъ округѣ не найдете, да что въ Округѣ! и т. д.

Разстались мы самымъ любезнымъ образомъ.

Прійдя на квартиру, я занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ впечатлѣній, но о чемъ ни начиналъ думать изъ видѣннаго и слышаннаго въ этотъ первый день моего пребыванія въ новой обстановкѣ, все затмѣвалось личностью директора, на всемъ лежалъ отпечатокъ его вліянія, его судорожной, лихорадочной дѣятельности. Все, что я видѣлъ, безъ сомнѣнія, говорило въ пользу его ума, характера, служебной ревности, но зачѣмъ онъ хвастаетъ? Зачѣмъ онъ самъ себя восхваляетъ до небесъ? propria laus sordet.

По окончаніи уроковъ, изъ гимназіи пришелъ и мой историкъ.

— А що, Михайло, понравились тебѣ наши порядки? спросилъ онъ иронически.

Я, разумѣется, обо всемъ отозвался съ похвалой и одобреніемъ.

— Маккіавель! прервалъ меня мой коллега: вижу, что онъ съ перваго дня сталъ объѣзжать тебя... Гм. Поживи съ нами подольше, то й побачишъ, яки у насъ порядки!

— Та вже-жъ що було, то бачилы, а що буде, то побачимъ! а теперь дружище, подумаемъ о томъ, какъ намъ устроиться на совмѣстное жительство.

Переговоривши съ хозяйкой насчетъ помѣщенія, мы скоро пришли къ соглашенію и принялись за устройство своего холостого хозяйства. Квартира показалась мнѣ на первый взглядъ весьма удобною: три комнаты, черезъ улицу гимназія, небольшой садикъ, за садомъ прудъ. Столъ, правда, пришелся мнѣ не совсѣмъ по вкусу, но со временемъ можно будетъ познакомить пани Поплавскую съ потребностями русскаго же-

лудка, и она перестанетъ подавать намъ эти противныя лигоминки съ повидломъ, барщъ зъ набялэмъ, да клюсечки, да разные рассолы.

Педагогическій совѣтъ.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.

На другой день послѣ представленія я приступилъ къ чтенію лекцій и къ знакомству съ учениками. Хотя въ переданной мнѣ мѣсячной вѣдомости я нашелъ весьма крупныя отмѣтки, повидимому, свидѣтельствовавшія объ отличныхъ успѣхахъ учениковъ въ русскомъ языкѣ и словесности, но при провѣркѣ знанія эти оказались пуфомъ. Предмѣстникъ мой А. Я. Рыбицкій, задумавъ уйти въ акцизное управленіе, порядкомъ таки запустилъ свой предметъ. Положеніе мое было крайне щекотливое: годъ близился къ концу и мнѣ приходилось экзаменовать чужихъ учениковъ, уличая ихъ въ невѣжествѣ, по небрежности преподавателя, въ противность наставленныхъ имъ пятерокъ, но директоръ меня успокоилъ.

— Не обращайте никакого вниманія на эти отмѣтки. „Нѣбожчикъ Антонъ Яковлевичъ хотѣлъ оставить по себѣ добрую память да и наставилъ пятерокъ зря.

По классамъ, въ которыхъ мнѣ приходилось преподавать, обвелъ меня инспекторъ, директоръ же счелъ за лучшее подслушивать мои чтенія подъ дверями и такимъ способомъ, заочно, при быстротѣ и мѣткости свойственнаго ему соображенія, съ перваго же дня моей службы, съ непогрѣшимостью святѣйшаго папы, составилъ свое мнѣніе о моихъ преподавательскихъ способностяхъ и высказалъ его сейчасъ же въ присутствіи инспектора и надзирателей. Мнѣніе такого человѣка, которому очень трудно было угодить, безъ сомнѣнія, польстило моему самолюбію. „Ну, подумалъ я: будущность моя обезпечена. Стану усердно работать—чего же больше отъ меня потребуютъ? Слава Богу, что предметъ достался по душѣ“. Но дальнѣйшее пребываніе мое въ Немировской гимназіи показало, какъ я былъ

мало знакомъ съ служебными отношеніями и тѣми вовсе не относящимися къ моимъ прямымъ обязанностямъ требованіями начальства, которыя были предъявлены мнѣ впослѣдствіи.

Спустя недѣли двѣ особою повѣсткой объявлено было засѣданіе педагогическаго совѣта. Ровно къ назначенному времени, минута въ минуту, въ залу вошелъ директоръ и, занявъ предсѣдательское кресло, пригласилъ насъ сѣсть. Я хотѣлъ было занять первый попавшійся стулъ, но меня согнали съ мѣста, заявивъ, что здѣсь члены совѣта садятся по старшинству чиновъ. Окинувъ своими стеклянными глазами всю коллегію, предсѣдатель замоталъ головой—признакъ неудовольствія. На лицо не оказалось законоучителя Любомудрова. Не болѣе какъ черезъ минуту явился и онъ, весь красный, потный и задыхающійся.

— Извините, Е. Я—чъ, обратился онъ къ директору: у меня часы немного отстаютъ.

— Вѣроятно, вы, о. Александръ, пріобрѣли эти часы отъ вашего предмѣстника: онъ тоже по нимъ всегда опаздывалъ. Убійственно холоднымъ тономъ отвѣтилъ ему директоръ.

При этой остроумной выходкѣ начальника большая часть собранія подобострастно осклабилась.

— Вотъ, господа, началъ директоръ: изъ округа получена бумага, которую мнѣ предписано предложить на обсужденіе педагогическому совѣту. И такъ, не угодно-ли вамъ выслушать ее.

Прочитавъ бумагу, Е. Я. предложилъ гг. членамъ высказать свое мнѣніе, затѣмъ, облокотясь на руку, сталъ смотрѣть въ упоръ на присутствующихъ, которые, смиренно уставя брады, краснорѣчиво безмолвствовали. Молчаніе нарушилъ учитель географіи, преданнѣйшій рабъ Его Высокородія, фигурой своей напоминавшій козлоногаго сатира.

— Егоръ Яковлевичъ! гдѣ намъ разсуждать? вамъ не директоромъ быть, а министромъ, вамъ государствомъ управлять, а не гимназіей. Вы, сами и напишите отвѣтъ г. попечителю.

— Да, господа, я знаю, что пороху вы не выдумаете! Отрѣзалъ директоръ и, сказавши такой лестный комплиментъ

почтенному собранію педагоговъ, поспѣшно удалился. Тѣмъ засѣданіе и окончилось.

Меня, какъ человѣка свѣжаго, до глубины души возмутило такое безцеремонное обращеніе съ коллегіей, а еще болѣе то, что ни одинъ изъ ея членовъ и бровью не пошевелилъ, чтобы высказать свое недовольствіе; между тѣмъ какъ тутъ были старые заслуженные люди, которымъ, казалось бы, не подъ силу переносить директорскія грубости. Я, какъ homo novus, началъ бурлить и кипятиться, но мой землякъ Ющенко дернулъ меня за фалды вицмундира, сдѣлавъ выразительную мину. На сей разъ я его послушался и замолчалъ. Но и минутная моя вспышка не прошла мнѣ даромъ: со дня засѣданія начались безконечныя придирки со стороны директора, которому насплетничали на меня мои же сотоварищи, честь и достоинство которыхъ я покусился отстаивать. Донесеніе попечителю дѣйствительно сочинилъ онъ самъ и носился съ нимъ цѣлые два дня, якъ дурень съ пысаною торбой. Для выслушанія его онъ не собиралъ совѣта, но каждому изъ членовъ читалъ свое произведеніе отдѣльно; даже въ общую квартиру заходилъ прочесть его надзирателямъ. Прочелъ и мнѣ.

— Каково? а? спрашиваетъ.

— Не дурно, говорю, какъ оффиціальная бумага написано мастерски.

— Мастерски! Передразнилъ меня авторъ донесенія, качая укоризненно головой, мастерски! хе! Да можетъ ли кто нибудь въ округѣ написать такъ? Да что въ округѣ! въ министерствѣ...

— А позвольте узнать Е. Я. донесеніе это вы пошлете, какъ ваше собственное мнѣніе, отъ себя или отъ совѣта? въ послѣднемъ случаѣ, мнѣ кажется, слѣдовало бы созвать засѣданіе и составить протоколъ.

Вопросъ, какъ увидитъ всякій, самый обыкновенный: какъ членъ педагогическаго совѣта, я желалъ знать, что́ именно пойдетъ отъ имени совѣта г. попечителю? Но дѣйствіе моего заявленія на г. директора равнялось ведру холодной воды. Онъ замоталъ головой, задрыгалъ ногами, хотѣлъ что то сказать, но

у него „въ зобу дыханье сперло“. Къ сожалѣнію, послышался звонокъ и я, не дождавшись отвѣта, поспѣшилъ на урокъ.

Моя „неумѣстная выходка“ окончательно вооружила противъ меня начальство и упорная продолжительная пря тянулась между нами столько же времени, сколько продолжалась извѣстная семилѣтняя война.

Убѣдившись, частію собственнымъ опытомъ, частію изъ разсказовъ Ющенка, что не только между учителями и надзирателями, но и между учениками, почти въ каждомъ классѣ есть директорскіе шпіоны, передающіе ему все, что они видѣли и слышали какъ въ гимназіи, такъ и внѣ оной, я умышленно, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, сталъ говорить про директора все, что замѣчалъ нехорошаго въ его дѣйствіяхъ: онъ бѣсился и дѣлалъ мнѣ пакости. И ни въ одномъ изъ сослуживцевъ (по крайней мѣрѣ въ первые годы моей немировской службы) я не находилъ ни малѣйшей поддержки въ неравной борьбѣ съ насиліемъ и безграничнымъ произволомъ директора, привыкшаго топтать въ грязь всякаго, кто осмѣливался разоблачать его подлости или высказывать свою самостоятельность и независимость убѣжденій. Да и можно ли было разсчитывать на сочувствіе людей, какихъ я нашелъ тогда въ Немировской гимназіи, подъ деспотическимъ управленіемъ такого начальника, частію составлявшихъ съ нимъ одну шайку эксплоататоровъ, частію служившихъ мишенью для его насмѣшекъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ креатуръ маленькаго Аракчеева я хочу познакомить своихъ читателей въ нижеслѣдующихъ очеркахъ.

Мои немировскіе сослуживцы.

Хромоногій и подслѣповатый, рябой и неопрятный и оттого, подобно гоголевскому Петрушкѣ, носившій съ собой специфическій запахъ, учитель географіи получилъ образованіе въ черниговской семинаріи и, по причинѣ своего уродства негодный для духовнаго сана принятъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Получая по должности младшаго учителя 300 рублей жалованья, онъ, по выслугѣ 25 лѣтъ, вывезъ

изъ мѣстечка болѣе 20 тысячъ капитала. Ему все сходило съ рукъ: онъ открыто бралъ съ учениковъ взятки за переводы, жилъ гнуснѣйшимъ скаредомъ, питаясь акридами и вонючими селедками. Анекдотъ, разсказанный въ „Гимназической переписке" объ учителѣ географіи, развѣшивавшамъ на плетнѣ географическія карты, относится къ нему. Съ каждаго ученика передъ экзаменомъ онъ бралъ три рубля за переводный баллъ, а такъ какъ въ каждомъ классѣ было неменѣе 40 человѣкъ, то первые три класса доставляли жатву преобильную. О достоинствахъ его преподаванія сказать нечего.

Пріемъ вѣчно одинъ и тотъ же: повѣситъ на доскѣ карту, станетъ на своей здоровой ногѣ, прислонившись къ стѣнѣ, и начнетъ тыкать костылемъ въ разные города и государства. Говорилъ онъ отвратительнѣйшимъ жаргономъ:

— Амэрыка гранычить съ сѣвера Лэдовитымъ океаномъ и проч. Ученики слушали и несли ему рубли, добытые крѣпостными руками для воспитанія дѣтей разныхъ поссесоровъ и экономовъ, а онъ, этотъ козлоногій сатиръ, по выходѣ въ отставку, купилъ 2000 десятинъ земли въ Крыму, женился и пріобрѣлъ два дома въ Симферополѣ.

Не менѣе интересна личность другого младшаго учителя русскаго языка *Чунихина*. Длинная, обшарпанная фигура, бѣднякъ, обремененный большой семьей и съ горя сильно зашибавшій хмѣлемъ. Человѣкъ не безъ способностей, учившійся когда-то въ харьковскомъ университетѣ, но совершенно погрязшій въ непроглядной нищетѣ и пьянствѣ, въ сущности онъ былъ созданіе безвредное и жалкое. Отъ преподаванія его не было никакого проку. Возьметъ первую попавшуюся оду да и заставляетъ ее зубрить впродолженіе цѣлаго полугодія. Во время экзамена мнѣ, въ качествѣ ассистента, пришлось прослушать двѣ такія пьесы: оду на „безсмертіе души" Державина и „Ахилла" Жуковскаго. При произнесеніи ихъ учениками, самъ наставникъ, войдя въ азартъ, самолично предъявлялъ образчики старинной декламаціи, процвѣтавшей и у насъ въ Новгородъ Сѣверской гимназіи при Тимковскомъ.

Преподаватель латинскаго языка въ низшихъ классахъ Казиміръ Петровичъ *Чарнецкій*, типъ стариннаго научицѣля польскихъ школъ, какими то судьбами уцѣлѣвшій отъ временъ Чацкаго. Человѣкъ весьма ограниченнаго ума и совершенно невѣжественный, но много о себѣ помышлявшій, Казиміръ относился, какъ всѣ педагоги—поляки, весьма непріязненно ко всему русскому и смотрѣлъ на насъ, москалей, какъ на пришельцевъ—схизматиковъ, „мѣщанчуковъ", навязанныхъ правительствомъ благородному шляхетскому юношеству для того, чтобы его въ конецъ изуродовать. Привыкши въ школѣ Піаровъ и Базиліанъ обходиться съ дѣтьми, какъ съ маленькими животными, посредствомъ „дисцыплины" (ременная плетка, канчукъ)—съ воспитанниками онъ былъ грубъ и неприличенъ. Подслушавши однажды подъ дверями, какими скверными словами Чарнецкій бранитъ учениковъ, Е. Я—чъ сдѣлалъ ему въ присутствіи всѣхъ учителей строгій выговоръ т. е. просто выругалъ самого:

— Зачѣмъ вы, Казиміръ Петровичъ, браните дѣтей свиньями? Вы бы на себя посмотрѣли въ зеркало.

Второй учитель русскаго языка В. А. *Донченко*, будучи обязанъ Зимовскому своимъ перемѣщеніемъ изъ уѣзднаго училища въ гимназію, шесть лѣтъ мучился, исполняя безропотно всѣ его порученія, вовсе не относившіяся къ его служебнымъ обязанностямъ. Обладая на свою бѣду красивымъ почеркомъ, Василій Акимовичъ постоянно писалъ разныя вѣдомости и списки просиживая, не разгибая спины, по цѣлымъ днямъ за своей чисто механической и безполезной работой. Идешь, бывало, на прогулку въ прекрасный майскій вечеръ мимо его квартиры и поздороваешься съ нимъ черезъ открытое окно:

— Здравствуйте, милѣйшій В. А—чъ, что вы подѣлываете?

— Пишу, отвѣтитъ онъ всегда какъ то жалобно.

По природѣ своей человѣкъ общительный, любившій общество и вездѣ принимаемый съ большимъ радушіемъ, Донченко, въ угоду своему патрону, обреченъ былъ на пустѣйшую работу писца, сдѣлавшую и безъ того тяжелую жизнь стараго холостяка просто невыносимою. Не дотянувъ до 25 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку на половинную пенсію. При всякомъ дру-

гомъ директорѣ онъ еще долго оставался бы на службѣ, но отъ благодѣтеля своего Е. Я—ча долженъ былъ уходить. Съ 200 рублевымъ содержаніемъ, онъ поселился на дачѣ у своего прежняго сослуживца, моего предмѣстника Рыбицкаго—учить его дѣтей и смотрѣть за баштанами.

Ариѳметику въ низшихъ классахъ преподавалъ К. А. *Волковскій,* родной братъ винницкаго „баснослова“ Осипа. По причинѣ многочисленнаго семейства и мотоватой жены—польки, онъ вѣчно нуждался. За казенную квартиру и пансіонеровъ, получаемыхъ по милости директора, онъ постоянно долженъ былъ переносить всевозможныя униженія со стороны своего благодѣтеля. На такихъ-то бѣдняковъ и направлялъ Е. Я—чъ острыя стрѣлы своего издѣвательства, не опасаясь встрѣтить съ ихъ стороны отпора.

Между этими старыми „младшими учителями“ съ весьма сомнительнымъ образовательнымъ цензомъ, былъ одинъ молодой, съ университетскимъ образованіемъ, П. Г. *Барщевскій,* преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ первыхъ двухъ классахъ. Извѣстно, что безтолковый учебникъ нѣмецкаго языка Фишера начинается фразой: „Я потерялъ свою утку“. Однажды насъ нѣсколько человѣкъ, не имѣя послѣобѣденныхъ уроковъ, собрались въ монастырскую рощу на прогулку. Проходя по корридору мимо 1 класса, гдѣ въ это время священнодѣйствовалъ Барщевскій, острякъ Камбли постучался въ двери. Выглянулъ учитель. „Барщевскій, обращается къ нему Камбли: я нашелъ твою утку!“ И безъ того разсерженный мальчуганами, весь красный, потерявшій свою утку учитель, не слишкомъ обрадовался, узнавъ о томъ, что она найдена.

М. М. Могилянскій послѣ ревизіи выразился объ этомъ учителѣ иностранныхъ языковъ—поневолѣ такими словами: „Что изъ клочья батогъ, то изъ Барщевскаго учитель!“ Не смотря на подобную репутацію, благодаря протекціи М. А. Тулова, Б—ій былъ сдѣланъ инспекторомъ и даже директоромъ.

Старшіе учители математическихъ наукъ *Юрко* и *Барилко* выглядѣли, на первый взглядъ, совершенными джентльменами, но преклонялись передъ директоромъ, и тѣмъ поддержи-

вали въ немъ безпредѣльное нахальство въ обхожденіи съ другими учителями, совершенно утратившими чувство человѣческаго достоинства. Это были образцовые чиновники, вполнѣ выдрессированные, державшіе себя съ апломбомъ въ отношеніи своихъ сослуживцевъ. Въ нихъ начальникъ всегда могъ найти поддержку и одобреніе своимъ принципамъ. Съ такими надежными союзниками, покорными рабами, благоговѣвшими передъ великою административною мудростію директора, можно было идти на проломъ къ какой угодно цѣли, не разбирая средствъ; на парѣ такихъ объѣзженныхъ коней можно было выѣхать изъ какого угодно болота.

Наши математики жили совершенными сибаритами, издерживая не малыя деньги на гардеробъ и женщинъ. Средства же къ такой жизни добывались частными уроками. Взявъ съ каждаго ученика по 50 рублей, они собирали ихъ въ классную комнату въ послѣобѣденное время и заставивъ лучшаго ученика передѣлать туже самую задачу, которая должна была быть объясненною учителемъ, на казенномъ урокѣ, они распускали ихъ по домамъ. Если въ каждомъ классѣ набиралось, положимъ, такихъ субъектовъ хоть по десяти человѣкъ, то можно сообразить, не будучи математикомъ, до какой почтенной суммы доходило вознагражденіе за приватные уроки и чего стоила родителямъ чистая и прикладная математика въ Немировской гимназіи. На такой денной грабежъ директоръ не только смотрѣлъ сквозь пальцы, но и поощрялъ пріобрѣтеніе денегъ, чтобы потомъ похвалиться передъ окружнымъ начальствомъ, какъ онъ отечески заботится о своихъ подчиненныхъ, а учителя другихъ гимназій позавидовали бы немировскимъ, разнося повсюду молву о благоденствіи служащихъ подъ мудрымъ и заботливымъ управленіемъ примѣрнаго начальника.

Въ мѣстечкѣ жилъ почетный попечитель гимназіи гр. Болеславъ Станиславичъ Потоцкій. Кромѣ громаднаго зданія общихъ квартиръ, выстроеннаго имъ на свой счетъ, онъ подарилъ гимназіи 7 домовъ для квартиръ служащихъ, опредѣлилъ на вѣчныя времена значительный фондъ въ пособіе штатнымъ суммамъ, выдавалъ бѣднымъ ученикамъ стипендіи и ежегодно

жертвовалъ 100 рубл. на награды. Казалось всего этого было бы довольно, пора и честь знать. Но нашему директору всего этого было мало. Эксплуатаціи великодушной щедрости графа не было конца: онъ постоянно измышлялъ все новые и новые поборы.

Графскій палацъ былъ открытъ и для учителей. Осужденные на прозябаніе въ жидовскомъ мѣстечкѣ, мы, безъ сомнѣнія, дорожили такою честью. Помимо вкусныхъ обѣдовъ и рублевыхъ сигаръ, которыми радушный хозяинъ собственноручно обдѣлялъ своихъ гостей, у него на вечерахъ можно было послушать заѣзжаго артиста или знаменитую пѣвицу, увидѣть какую нибудь европейскую знаменитость и отвести душу отъ пошлости, неразлучной съ жизнію въ непроглядной глуши мѣстечка. Графъ Потоцкій, какъ человѣкъ придворный, какъ потомокъ старопольскихъ магнатовъ, любилъ окружать себя цѣлой оравой паразитовъ, жившихъ на его счетъ. Между ними были привилегированные фавориты, пользовавшіеся особыми милостями; ихъ онъ, по панскому капризу, часто замѣнялъ другими. Во время моего поступленія на службу въ Немировскую гимназію, оба наши математика состояли въ фаворѣ, бывая у графа ежедневно и получая отъ него цѣнные подарки, количествомъ и качествомъ коихъ принято было измѣрять степень расположенности Его Сіятельства къ своимъ любимцамъ. Наши математики, увѣшанные золотыми цѣпочками и брелоками, чрезвычайно гордились этими вещественными знаками невещественныхъ отношеній къ своему патрону. Узнавши однажды, что они получили отъ графа въ подарокъ по жилету, я, какъ homo nowus, непривычный къ подобнымъ явленіямъ вступился за честь и достоинство ученаго сословія, сказавъ, что жилеты и штаны дарятъ только господа своимъ лакеямъ. За такой смѣлый протестъ я долженъ былъ вытерпѣть цѣлую бурю нападокъ. Мнѣ потомъ передали, что графъ якобы недоволенъ мною за то, что я разъ не пошелъ къ нему, на обѣдъ, приглашенный въ числѣ другихъ учителей. Въ свое оправданіе я просилъ передать Его Сіятельству, что хотя, приглашая учителей, онъ дѣлаетъ имъ великую честь, но, къ сожалѣнію, человѣку занятому не всегда

можно воспользоваться такимъ лестнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ графъ, какъ человѣкъ умный, не только не оскорбился моею „невѣжественною выходкой“, но, напротивъ, въ знакъ особеннаго вниманія, гуляя однажды по мѣстечку, вызвалъ меня черезъ окно изъ квартиры на прогулку за мѣстечко. Математики съѣли грибъ и сконфузились.

Въ мѣстечкѣ, преимущественно населенномъ евреями проживало не мало и польскихъ семействъ. Во избѣжаніе обязательнаго помѣщенія дѣтей въ „казармы“, жены мелкихъ помѣщиковъ и поссесоровъ селились въ мѣстечкѣ, приглашая къ себѣ въ домъ для занятій съ дѣтьми инструкторовъ, которыхъ наши остряки почему-то называли „инструментами“: это были юноши—гимназисты, 6 и 7 класса, а иногда и учителя гимназіи. Инструкторство такое нерѣдко оканчивалось негласнымъ скандаломъ, поселяя раздоры и даже „сепараціи“ между супругами. Кромѣ нѣкоторыхъ, весьма почтенныхъ матронъ, посвятившихъ себя эдукаціи дѣтей и обрекшихъ себя на разлуку съ мужьями, въ Немировѣ не мало числилось интересныхъ „развудокъ“ и „сепаратокъ“, съ виду совершенно неприступныхъ, вѣчно ходившихъ съ „ксёнжечками до набоженьства“ въ костелъ, но по временамъ бросавшихъ изъ подъ вуаля искрометные взгляды, дававшіе поводъ усумниться въ безгрѣшности ихъ помышленій. Изъ всего этого ясно, что для романа въ польдекоковскомъ вкусѣ недостатка въ матеріалахъ не было, и такіе ходоки по части клубнички, какъ нашъ Юрко да ксендзъ пробощъ Остаповичъ, имѣли обширное поле для своей спеціальности, раздѣливши все мѣстечко на два района. И всѣ похожденія моего коллеги были досконально извѣстны всезнающему начальнику, который дорожа приверженностію своего вѣрнаго союзника, ни разу не сдѣлалъ ему ни одного замѣчанія. А что еще печальнѣе, обо всѣхъ скандальныхъ исторіяхъ своего наставника знали ученики и изподтишка старались подражать ему.

И этотъ господинъ, по представленію директора, за отличіе, былъ назначенъ инспекторомъ волынской гимназіи, гдѣ онъ со славой продолжалъ свои подвиги и также не разъ

платился деньгами и боками за свое донжуанство, пока наконецъ во градѣ Черниговѣ не окрутила его какая то вдовица.

П. О Ющенко, мой землякъ, черниговецъ, небольшого роста, толстенькій, съ щетинистыми волосами на маленькой головѣ, не гармонировавшей даже съ его ростомъ, съ широкими, густыми, прямолинейными бровями и неизмѣннымъ малорусскимъ говоромъ. Историкъ нашъ имѣлъ большія притязанія на знаніе французскаго и нѣмецкаго языка и даже итальянскаго, такъ какъ онъ переводилъ сонеты Петрарки на украинское нарѣчіе. Не имѣвъ предварительно никакой практики въ черниговской гимназіи въ разговорномъ языкѣ, коллега мой, по пріѣздѣ въ Кіевъ, нисколько не стѣсняясь заговорилъ и по французски и по нѣмецки и можно себѣ вообразить, какой это былъ убійственный прононсъ въ устахъ нашего городненскаго обывателя. Между студентами вращалось не мало анекдотовъ о безшабашной смѣлости этого чудака пускаться въ объясненія на иностранныхъ языкахъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такъ однажды, пріискавъ себѣ кондицію въ порядочномъ домѣ, онъ привезъ туда свой багажъ, и встрѣтивъ на крыльцѣ барышню, дочь хозяина, обратился къ ней съ вопросомъ.:

Ou est mon ombre, demoiselle?

Дѣвушка захохотала и скрылась за дверью. Не трудно, конечно, догадаться, о чемъ хотѣлъ узнать нашъ французъ изъ Городни: онъ хотѣлъ спросить ее, гдѣ предназначенная ему комната, и вмѣсто chambre употребилъ слово l'ombre. Очень естественно, что дѣвица не могла удовлетворить желанію чудака, ищущаго собственную тѣнь. Но никакіе промахи, ни какія насмѣшки со стороны товарищей на упрямаго хохла не дѣйствовали; онъ задался непреложною цѣлью научиться, во что бы то ни стало parler français.

По окончаніи университета въ 1843 г. Ю—ко, поступилъ на должность учителя исторіи въ Немировскую гимназію и съ перваго же дня своей службы сталъ претерпѣвать отъ директора множество гоненій, но къ концу второго года, т. е. ко времени

моего перемѣщенія изъ Винницы, укротитель упрямыхъ и крутыхъ натуръ Е. Я—ичъ уже успѣлъ достаточно объѣздить этого степного коня и мой землякъ, какъ говорится, долженъ былъ покориться необходимости: пересталъ бурлить, смирился и сталъ ходить къ директору на чай, вмѣстѣ съ Барилкой и Сатиромъ, не обнаруживая ни предъ кѣмъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже взглядомъ своихъ настоящихъ чувствъ къ начальству. Только со мной однимъ онъ былъ откровененъ, только мнѣ довѣрялъ свою тайну. Продолжая аккуратно посѣщать директора, улыбаться на его остроты и сносить его язвительныя шутки на счетъ своихъ странностей, онъ питалъ къ нему въ душѣ непримиримую ненависть. Величая Зимовскаго Маіавелемъ, онъ пріурочилъ себѣ самому имя хитроумнаго гетмана Мазепы.

Но снискавъ цѣною приниженія своей личности благорасположеніе начальства, мой коллега въ одно и тоже время лишился уваженія учениковъ, которые никому не прощали сближенія съ заклятымъ врагомъ своимъ Зимовскимъ. Ни у кого изъ учителей они не позволяли себѣ столько школьничать, сколько у Ющенка, за что онъ отплачивалъ имъ единицами и жалобами инспектору. Не проходило дня, чтобы ученики не выкинули ему какой нибудь штуки. Замѣтивъ, напр., что П. О. имѣетъ привычку становиться въ извѣстномъ мѣстѣ, прислонившись къ стѣнѣ, шалуны писали мѣломъ оборотными буквами ,,вова", съ чѣмъ онъ и выходилъ изъ класса на потѣху всей гимназіи. Мучители отравляли ему существованіе. Уроки стали для него пыткой.

Всю, накипѣвшую впродолженіе класныхъ занятій желчь, сожитель мой изливалъ на безотвѣтнаго, забитаго идіота Карна, 14 лѣтняго мальчика, привезеннаго имъ изъ хутора и обращеннаго въ лакея-попыхача. Чего только не выносило это жалкое существо, какихъ не претерпѣвало истязаній отъ рукъ своего господина: и во время обѣда, и за чаемъ, и ложась спать, и вставая съ постели, этотъ плюгавенькій малороссійскій панокъ не переставалъ надѣлять Карпа пинками и оплеухами. Это обратилось у него въ привычку, замѣняло иногда гимнастику и моціонъ. Мальчикъ, съ своей стороны, повидимому,

привыкъ къ побоямъ, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбѣжную прерогативу всякаго пана. Мстя за свои обиды, онъ воровалъ табакъ, сахаръ, портилъ умышленно барскія вещи и день ото дня становился невозможнымъ. Доказательствомъ тому, что онъ все это продѣлывалъ на пакость своему пану за жестокое съ нимъ обращеніе, служитъ тотъ фактъ, что моихъ вещей онъ не трогалъ, хотя я и не запиралъ ихъ на замокъ, какъ бы въ благодарность за то, что я не только не дѣлалъ ему никакого худа, но старался постоянно защищать его отъ наказаній. Такого безчеловѣчія я не могъ долѣе выносить и скоро долженъ былъ разойтись съ своимъ землякомъ, а подоспѣвшая какъ разъ кстати ссора его съ хозяйкой заставила неугомоннаго моего сожителя поискать другой квартиры. Я остался одинъ.

Размышляя на досугѣ о странности своего земляка, я не могъ совмѣстить въ головѣ моей гнѣздившихся въ немъ противорѣчій: какимъ образомъ человѣкъ, получившій высшее образованіе, съ либеральной даже закваской, демократъ по убѣжденіямъ, знакомый со всѣми мерзостями насилія и жестокостей изъ исторіи, испытавшій отчасти и на собственной кожѣ тягость несправедливости со стороны своего начальника, — какъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться мучителемъ беззащитнаго существа? Вѣдь до чего доходила его безумная тиранія? (Я бы никому не повѣрилъ, если-бы онъ самъ не разсказалъ мнѣ). Ѣдучи во время каникулъ на родину, мой коллега остановился въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ. Пропала у него пара носковъ. Карпа сейчасъ подъ допросъ съ пристрастіемъ. Не признается, не смотря ни на какія колотушки. „Пробовалъ, говоритъ, морить его голодомъ—не дѣйствуетъ, все спитъ. Наконецъ, я его повѣсилъ, зацѣпивши веревкой подъ мышки и такъ, чтобы ногами онъ не касался пола: щобъ винъ, каторжный, спать не могъ“, пояснилъ мнѣ маленькій тиранъ.

Вотъ на что пригодились нашему историку свѣдѣнія о пыткахъ святой инквизиціи!

Такое, съ перваго взгляда не совсѣмъ понятное, психическое состояніе моего земляка впослѣдстіи для меня стало

ясно: онъ просто былъ боленъ, страдалъ припадками лунатизма. Живя съ нимъ два мѣсяца, я замѣтилъ, что мой сожитель, ложась въ постель, каждый разъ приказывалъ своему Карпу привязывать себя за ноги къ кровати, потому что всякій разъ, когда онъ этого не дѣлалъ, вставалъ ночью съ кровати и странствовалъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Разъ, во время такою хожденія, мнѣ случилось проснуться и, когда я его окликнулъ, онъ встрепенулся и, не говоря ни слова, легъ въ постель, приказавъ Карпу привязать себя.

По вкоренившемуся изстари въ Немировѣ между педагогами обычаю—промышлять уроками, Ющенко тоже имѣлъ ихъ не мало и скопилъ порядочныя деньги обзавелся мебелью и разнообразнымъ гардеробомъ. Сшилъ онъ себѣ соболью шапку съ бархатнымъ малиноваго цвѣта верхомъ и съ золотою китыцей, заказалъ въ Кіевѣ модный костюмъ и на удивленіе всѣхъ пустился въ плясъ на домашнемъ вечерѣ графа Потоцкаго. Но помимо разнаго тряпья, у него была богатая библіотека. Всѣ новѣйшія сочиненія по всеобщей исторіи на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ въ изящныхъ переплетахъ были пріобрѣтены имъ изъ Риги отъ Кюммеля. Пользуясь такими богатыми пособіями и обѣщанною ему протекціей пр. Ставровскаго, нашъ историкъ, въ гордомъ сознаніи своего превосходства, задумалъ держать экзаменъ на магистра и сдѣлаться профессоромъ. Съ этою цѣлію въ 1848 году онъ перемѣстился во 2-ю кіевскую гимназію, гдѣ и случилась съ нимъ та ужасная катастрофа, которая положила конецъ всѣмъ его затѣямъ и чудачествамъ: въ одинъ осенній день поутру его нашли въ квартирѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Полуживого полиція отправила его въ Кирилловское заведеніе, гдѣ медикамъ удалось спасти ему жизнь.

Никто изъ Кіевлянъ не зналъ настоящей причины, побудившей его къ самоубійству. Одни объясняли покушеніе его на жизнь любовной исторіей, другіе соображеніями политическаго характера.

Но все это чистѣйшая выдумка. Едва ли не одному мнѣ извѣстна была истинная причина этого кроваваго событія: я

положительно утверждалъ тогда, что пріятель мой посягнулъ на самоубійство въ припадкѣ лунатизма.

По выходѣ изъ больницы Ющенко очутился въ безвыходномъ положеніи... Его исключили изъ службы; имущество расхитила полиція; знакомые и сослуживцы отъ него отвернулись, какъ отъ человѣка, совершившаго страшное преступленіе; гимназическое начальство отнеслось къ постигшему его несчастію безучастно и даже враждебно, и жизнь человѣка загублена на всегда.

Кое-какъ добрался онъ до родного хутора. Старушка мать, которую онъ поддерживалъ небольшой субсидіей, а теперь самъ нуждался въ помощи, стала дѣлиться съ нимъ послѣдними крохами. Въ Черниговѣ у него служилъ богатый дядя—членъ приказа общественнаго призрѣнія, но онъ отказалъ ему въ пособіи.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидѣться съ нимъ въ 1854 г., когда я былъ уже на службѣ въ Кіевской 2-й гимназіи. Онъ показался мнѣ какимъ то потеряннымъ человѣкомъ.

— Отчего ты, дружище, ни разу не отозвался ко мнѣ?— спросилъ я его съ участіемъ: я рѣшительно не зналъ, гдѣ тебя искать и что съ тобой?

— Эге жъ! напысать! А грывенныка на пысьмо де взять?— отвѣтилъ онъ. мнѣ какъ-то ожесточенно-тоскливо.

Два раза, говорятъ, онъ покушался въ хуторѣ сгубить себя и каждый разъ ему не удавалось покончить съ своимъ жалкимъ существованіемъ: разъ нашли его повѣсившимся на гумнѣ и отцѣпили, другой разъ вытащили его изъ пруда еле жива и отходили. А все таки онъ умеръ натуральною смертію—отъ тифа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Случайныя находки на Княжей Горѣ въ 1893 г.

Систематическія раскопки городища Княжей Горы, производившіяся въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1891 и 1892 гг., вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ не могли быть продолжены въ 1893 г.: Княжа Гора, съ прилегающими къ ней урочищами, поступила во владѣніе крестьянъ с. Пекарей, которые, распахавъ и вскопавъ всю поверхность и склоны горы, засѣяли ее хлѣбомъ и развели баштаны. Очень жаль, конечно, что такое большое дѣло, какъ раскопка всей площади одного изъ замѣчательныхъ городищъ домонгольскаго періода, не было закончено,—можно утѣшать себя лишь тѣмъ, что не обслѣдованной осталась сравнительно незначительная часть городища, именно—приблизительно половина сѣверо-западнаго склона, лежащая ближе къ Днѣпру; во время раскопокъ прошлыхъ лѣтъ сторона эта дала менѣе всего предметовъ. Не оказалась она интересной и въ другомъ отношеніи: на вершинѣ горы и на юго-восточномъ склонѣ былъ обнаруженъ цѣлый рядъ остатковъ жилищъ, на сѣверо-западномъ же склонѣ, какъ довольно крутомъ, такихъ слѣдовъ нигдѣ не найдено. Вслѣдствіе прекращенія раскопокъ не удалось также сдѣлать предполагавшіяся пробныя раскопки у подошвы горы съ сѣверо-восточной стороны, въ мѣстности, сплошь покрытой какъ бы искусственными углубленіями; остался нераскопаннымъ и небольшой курганъ, находящійся на полѣ, вблизи вала городища; быть можетъ, впослѣдствіи обстоятельства позволятъ совершить послѣднія двѣ раскопки.

Распахивая землю весной 1893 г., крестьяне часто находили, главнымъ образомъ, у подошвы склоновъ горы, разные предметы, иногда цѣлыми кучами; такъ напр., въ одномъ мѣстѣ было вырыто плугомъ нѣсколько серповъ, топоровъ и др. желѣзныхъ вещей; не довольствуясь находимымъ случайно, въ свободное время крестьяне спеціально отправлялись на Княжу Гору для розысковъ древностей, и такъ какъ каждый клочекъ земли на горѣ, болѣе или менѣе удобный, былъ обработанъ и засѣянъ, то вниманіе ихъ привлекъ крутой обрывъ надъ Днѣпромъ, которымъ заканчивается гора. Вслѣдствіе ежегодныхъ подмывовъ горы у основанія, она постепенно все больше и больше обрушивается въ рѣку; при этихъ обвалахъ части верхняго культурнаго слоя задерживались на крутомъ склонѣ и постепенно образовали, особенно въ нижней части горы, небольшіе уступы и площадки, издали кажущіеся черными пятнами на общемъ свѣтломъ фонѣ обрыва; здѣсь-то, въ этихъ оазисахъ культурнаго слоя, крестьяне и производили свои раскопки, причемъ работали не напрасно, такъ какъ культурный слой, свалившійся сверху, далъ порядочное число разнаго рода вещей.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось жить вблизи Княжей Горы и, благодаря этому, удалось пріобрѣсть у крестьянъ почти все, что ими было найдено [1]); помимо меня, было продано въ Кіевъ любителямъ и торговцамъ лишь нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей (серьги, кольца, гривна кіевскаго типа и др.; среди этихъ предметовъ былъ всего одинъ, аналогичнаго которому не найдено при раскопкахъ, — это миніатюрный серебряный крестикъ—тѣльникъ, съ концами, оканчивающимися кружками).

Перехожу къ описанію тѣхъ изъ пріобрѣтенныхъ предметовъ, которые представляютъ изъ себя новые типы сравнительно въ прежде найденными; ихъ въ общемъ немного.

---

[1]) Я старался, главнымъ образомъ, о пріобрѣтеніи такихъ предметовъ, какихъ не дали раскопки, но, чтобы ничего не пропустить, пришлось покупать всѣ вещи, приносимыя крестьянами; пріобрѣтенные предметы великокняжеской эпохи пріобщены къ коллекціи древностей Княжей Горы В. В. Тарновскаго; два или три предмета доисторическаго періода поступили въ мое собраніе первобытныхъ древностей.

Къ эпохѣ каменнаго вѣка относится всего лишь одинъ предметъ, найденный собственно на Княжей Горѣ,—небольшой костяной крючекъ, сдѣланный изъ цѣльной кости; крючекъ служилъ для рыбной ловли—занятія, которымъ первобытные обитатели Княжей Горы преимущественно снискивали себѣ насущное пропитаніе. За то окрестности Княжей Горы были гораздо богаче находками этой эпохи, именно: у такъ называемаго „Велыкого Кургана" [1]) найденъ большой каменный топоръ-молотъ, интересный потому, что представляетъ собою починенный экземпляръ: орудіе было раньше гораздо длиннѣе, но затѣмъ сломалось на дырѣ; чтобы не терять кусокъ камня, на отдѣлку котораго пошло столько труда, была продѣлана новая дыра, ближе къ острію, края-же стараго отверстія, представляющіе въ настоящемъ видѣ тылье топора, немного сглажены. Слѣдъ первой дыры ясно видѣнъ. На террасѣ, лежащей у подошвы „Малого Городыща" (гора, лежащая немного выше Княжей), при постройкѣ хаты, найденъ другой каменный топоръ, онъ приготовленъ лишь вчернѣ, лезвіе тупое, дыры нѣтъ. Эти двѣ находки еще разъ подтверждаютъ высказанное мною раньше мнѣніе, что первобытные обитатели Княжей Горы занимались между прочимъ и приготовленіемъ шлифованныхъ каменныхъ орудій, что на Княжей Горѣ существовало нѣчто въ родѣ мастерской этого рода орудій; тутъ же, подъ „Малымъ Городыщемъ", найденъ глиняный сосудъ, грубой ручной лѣпки, относящійся къ каменному вѣку; два другихъ сосуда, тоже ручной выдѣлки, но болѣе правильной формы, случайно вырыты крестьянами подъ „Великимъ Городыщемъ"; они найдены вмѣстѣ, лежащими на боку, съ ними находился и третій сосудъ, но послѣдній нечаянно былъ разбитъ находчиками на мелкіе куски. Находка этихъ сосудовъ является какъ разъ кстати, такъ какъ при раскопкахъ на Княжей Горѣ, среди безчисленныхъ черепковъ, не было найдено ни одного большого *цѣлаго* сосуда этой эпохи, и потому

---

[1]) Большой курганъ, находящійся приблизительно въ верстѣ отъ Княжей Горы, южнѣе ея; онъ господствуетъ надъ всей окрестной мѣстностью и несомнѣнно въ древности былъ сторожевымъ пунктомъ, съ котораго предупреждали обитателей Княжей Горы о приближающейся опасности.

нельзя было сказать ничего положительнаго о формѣ сосудовъ,— пробѣлъ этотъ теперь пополненъ. Первый изъ вышеуказанныхъ сосудовъ имѣетъ почти прямыя, толстыя стѣнки, вверху расширяющіяся, орнаментированъ углубленіями, происшедшими отъ надавливанія пальца; два другіе сосуда, изъ которыхъ одинъ небольшой, другой побольше, узкіе, высокіе, банкообразной формы, орнаментъ изъ волнообразной полоски.

Посчастливилось также въ этомъ году и промежуточной эпохѣ между каменнымъ вѣкомъ и великокняжескимъ періодомъ,—на Княжей Горѣ найденъ прекрасный образецъ издѣлій бронзоваго вѣка; бронзовый ножъ 26½ сантим. длины, лезвіе занимаетъ 23 стм., остальные 3½ составляютъ часть, вставлявшуюся въ рукоятку; конецъ этой части тонко расклепанъ, ширина лезвія у рукоятки—2 стм., на самомъ концѣ—½ сантм., конецъ закругленъ, ножъ отлично сохранился, покрытъ толстымъ слоемъ зеленой патины; если не ошибаюсь, это первая находка такого рода въ области средняго Днѣпра. Къ этому же періоду можно отнести и бронзовый гвоздь, длина его 8½ стм., шляпка въ видѣ тонкаго кружка отличается величиной— 3½ стм. въ діаметрѣ.

Къ болѣе позднему времени, именно къ эпохѣ великаго переселенія народовъ, относится найденная на Княжей Горѣ бронзовая фибула (застежка); верхняя часть ея состоитъ изъ полукруга, отъ котораго расходятся пять лучей; средняя часть имѣетъ видъ выгнутой полосы, затѣмъ слѣдуетъ ромбъ, украшенный орнаментомъ изъ спиральныхъ завитковъ, нижняя часть фибулы заканчивается змѣиной головкой, длина фибулы 11 стм. [1]). По характеру работы къ этой фибулѣ приближается привѣска, въ видѣ полумѣсяца; концы ея также заканчиваются змѣиными головками, такая же головка помѣщена и посрединѣ; привѣска сдѣлана изъ сплава мѣди съ оловомъ.

Во время раскопокъ прошлыхъ лѣтъ не было найдено почти ни одного предмета великокняжеской эпохи, строго да-

[1]) Изученіемъ такого рода фибулъ спеціально занимается французскій археологъ баронъ де Бай, посвятившій этому предмету нѣсколько статей; см. напр. „Les bijoux gothiques de Kertch“ и др.

тированнаго. Въ настоящеее время мы имѣемъ три: 1) аббасидскій диргемъ 196 г. (811—812 по Р. X.), халифа Абдуллахъ-Эль Мамуна, битъ въ Самаркандѣ [1]); диргемъ этотъ найденъ не на самой Княжей Горѣ, а у подошвы рядомъ лежащей другой горы—„Марьиной"; 2) колоніальная мѣдная византійская монета императора Романа I (920—944 г.); 3) серебряная венеціанская монета, пока еще точно не опредѣленная, на лицевой сторонѣ ея находится изображеніе сидящаго на тронѣ Спасителя, на оборотѣ—двѣ стоящія фигуры, держащія крестъ, голова одной въ нимбѣ, надпись не совсѣмъ разборчива . . . . . DUXSN VENETI, монета эта представляетъ подражаніе византійскимъ IX—X вв., на ней есть признаки, указывающіе на то, что она служила образкомъ,—она позолочена, и какъ разъ надъ головой Спасителя замѣтны слѣды ушка; именно изображеніе Христа и дало поводъ обращенія монеты въ образокъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, опредѣляющія эпоху существованія поселка на Княжей Горѣ, онѣ указываютъ главнымъ образомъ на X вѣкъ, что подтверждаетъ съ одной стороны высказанное уже раньше предположеніе, что Княжа Гора есть мѣсто лѣтописнаго города Родни, разрушеннаго Владиміромъ въ 980 г., съ другой стороны, отсутствіе датированныхъ предметовъ, относящихся ко времени позже 2-ой половины XIII в. служитъ отрицательнымъ доказательствомъ того, что оправившійся послѣ разгрома 980 г. и развившійся затѣмъ поселокъ (о чемъ свидѣтельствуетъ масса найденныхъ предметовъ) прекратилъ свое существованіе въ половинѣ XIII в., по всей вѣроятности при нашествіи монголовъ.

Въ 1893 г. найденъ еще четвертый предметъ, дату котораго можно было бы опредѣлить, если бъ не плохая его сохранность,—это вислая свинцовая печать, въ 2½ стм. діаметромъ; можно предполагать, на основаніи остатковъ надписи, что мы имѣемъ дѣло съ митрополичьей печатью; на одной сторонѣ ея находится изображеніе стоящаго ангела (архангела Михаила?), держащаго въ одной рукѣ копье, въ другой дер-

---

[1]) Тизенгаузенъ, Монеты Восточнаго Халифата, № 1634.

жаву, на оборотной помѣщена греческая надпись, въ 7-ми строкахъ, въ концѣ которой можно лишь разобрать . . . **МН-ТРО[. . ΛΙΤΗ] . ΟϹΙ** . . ; печать найдена на расположенной съ лѣвой стороны Княжей Горы горѣ Нетеребкѣ.

Среди крестовъ и образковъ, пріобрѣтенныхъ въ этомъ году, большинство типовъ, уже добытыхъ прежде; новыхъ немного: довольно большой каменный крестъ, не вполнѣ цѣлый, маленькій круглый образокъ въ 2 стм. въ діаметрѣ съ изображеніемъ всадника и, наконецъ, змѣевикъ, послѣдній 4-хъ стм. въ діаметрѣ съ изображеніями очень плоскаго рельефа, стертыми и плохо разбираемыми; на одной сторонѣ видны три стоящія фигуры, на другой—одна; змѣевикъ этотъ представляетъ точную копію изданнаго уже Голышевымъ [1]); экземпляръ, описанный Голышевымъ, лучшей сохранности,—три стоящія фигуры представляютъ Крещеніе Господне: посрединѣ Христосъ, справа Іоаннъ Креститель, слѣва ангелъ, держащій одежду, на оборотной сторонѣ помѣщена стоящая фигура человѣка съ исходящими изъ него 11 змѣями; на нашемъ экземплярѣ змѣи сглажены. Кромѣ того, на сосѣднемъ съ Княжей Горой „Велыкомъ Городыщѣ" найдена часть каменнаго образка, на которомъ изображены рельефомъ на одной сторонѣ стоящая фигура святого съ длинной бородой, на другой—повидимому—святая [2]).

---

[1]) *Голышевъ*—„*Древняя пауза, или амулетъ съ изображеніемъ Крещенія Господня, XIII—XIV вѣка*", Владимірск. губ. вѣд. 1877 г. № 4, а также отдѣльный оттискъ съ рисунками.

[2]) Прекрасной работы каменный образокъ, также съ Княжей Горы, былъ выставленъ на археологической выставкѣ, устроенной при IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ; образокъ представляетъ ап. Ѳому, вкладывающаго пальцы въ бокъ Христа; образокъ этотъ принадлежитъ г. Хойновскому, найденъ въ 1887 г.; выставленная коллекція г. Хойновскаго заключала также нѣсколько другихъ предметовъ съ Княжей Горы (см. своеобразное описаніе ихъ въ „*Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 году*", Вильна, 1893, отдѣлъ О: „Археологическія древности греческихъ колоній, найденныя въ странѣ Скифовъ Южной Россіи, до занятія ея Сарматами, изъ музея І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ"). На этой же выставкѣ находилась цѣлая группа предметовъ, найденныхъ будто бы на Княжей Горѣ и составляющихъ часть собранія г. Болсуновскаго; въ виду того, что боль-

Бытовыхъ предметовъ пріобрѣтено очень много, но почти всѣ они не даютъ ничего новаго сравнительно съ прежде добытыми: это разнаго рода скобы, задвижки, завѣсы, гвозди, костыли, оковки, ключи и замки типовъ уже извѣстныхъ [1]); среди желѣзныхъ ножей обращаетъ на себя вниманіе одинъ,—у него и лезвіе, и ручка сдѣланы изъ сплошной узкой желѣзной полосы, конецъ ручки немного раздвоенъ; этотъ ножъ напоминаетъ небольшіе бронзовые ножи сибирскаго типа. Отмѣтимъ найденную впервые желѣзную бритву, что указываетъ на существованіе обычая у древнихъ обитателей Княжей Горы брить бороды,—фактъ интересный по аналогіи съ такимъ же обыкновеніемъ позднѣйшихъ обитателей этой мѣстности; разнаго рода инструменты, топоры, серпы, косы, мотыки—по формѣ ничѣмъ не отличаются отъ прежде найденныхъ; разновидность представляетъ подкова—она состоитъ изъ сплошной желѣзной пластины, подковообразной формы, съ рядомъ отверстій для гвоздей. Среди оружія встрѣтились двѣ новинки: часть обоюдоостраго меча—сохранился стержень рукоятки и приблизительно половина клинка, и цѣлая кривая сабля, болѣе метра длиной; основываясь на томъ, что при раскопкахъ было найдено нѣсколько перекрестій именно отъ сабель, и ни одного прямого меча, можно предположить, что въ эту эпоху, т. е. приблизительно въ половинѣ XIII в., сабли были здѣсь въ большемъ употребленіи, чѣмъ мечи [2]). Большинство пріобрѣтенныхъ въ этомъ

шинство предметовъ этой группы по формѣ и по работѣ не имѣетъ ничего общаго съ предметами, до сихъ поръ дѣйствительно найденными на городищѣ Княжей Горы, является сомнѣніе въ правильности обозначенія мѣста ихъ происхожденія (см. *„Прибавленіе къ каталогу выставки при IX Археологическомъ Съѣздѣ“*, стр. 28).

[1]) Въ послѣднемъ выпускѣ (2-мъ, 2-ой серіи) *„Сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“*, издаваемаго *г. Леопардовымъ*, помѣщено изображеніе большаго, хорошо орнаментированнаго замка, происходящаго съ Княжей Горы; въ предыдущихъ выпускахъ „Сборника“ также издано нѣсколько предметовъ изъ этой же мѣстности, главнымъ образомъ, крестовъ.

[2]) Въ коллекціи покойнаго А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ, также есть сабля и мечъ съ Княжей Горы; сабля узкая, до половины прямая, нижняя часть кривая; при ней сохранилось перекрестье и часть желѣзной оковки ноженъ, длина ея

году вещей—украшенія: серьги золотыя и серебряныя кіевскаго типа, височныя кольца, перстни, пряжки, привѣски и т. п. совершенно такія же, какихъ сотни добыты раскопками; новыя слѣдующія: дукачъ, въ видѣ мѣднаго позолоченнаго кружка, одна сторона его завернута въ трубочку, въ которую продѣвался шнурокъ, нѣсколько большихъ бусъ изъ тонкой проволоки, въ видѣ ажурныхъ шариковъ, такихъ, какіе встрѣчаются въ могилахъ радимичей, желѣзная пряжка, украшенная серебряной насѣчкой, такимъ же способомъ орнаментирована и одна изъ пріобрѣтенныхъ желѣзныхъ шпоръ, нѣсколько оригинальныхъ бусъ изъ композиціи.

Между пріобрѣтенными предметами есть мѣдный слитокъ замкообразной формы, одна сторона его плоская и гладкая, другая выпуклая, покрытая гравированнымъ орнаментомъ,— быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ формой, на которой приготовлялись замкообразныя серьги.

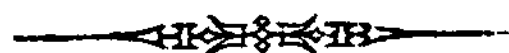
1,19 метр. Мечъ—полянскаго типа, длинный, прямой, обоюдоострый, посрединѣ съ обѣихъ сторонъ небольшой продольный желобокъ; (см. составленный г-жей *Мельникъ „Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ“* вып. 1, Кіевъ. 1893 г). Всего предметовъ съ Княжей Горы въ этомъ собраніи болѣе ста, преимущественно украшенія; отмѣтимъ болѣе интересные изъ нихъ. Къ эпохѣ доисторической относятся три цѣлые сосуда грубой, ручной выдѣлки; изъ предметовъ великокняжеской эпохи есть, между прочимъ, семь свинцовыхъ кружковъ— 5 малыхъ, 2 покрупнѣе, нѣкоторые изъ нихъ помѣчены значками; 8 маленькихъ плиточекъ изъ бронзы, круглыхъ и четырехугольныхъ, также съ мѣтками, большой висячій замокъ изъ красной мѣди, серебряный обручъ,—повидимому верхняя часть ковша или чаши, золотой образокъ, въ видѣ овальнаго медальона изъ двухъ тисненыхъ бляхъ, вложенныхъ одна въ другую, на одной сторонѣ его изображенъ ликъ Спасителя, сдѣланный пунктиромъ; нѣсколько серебряныхъ цѣпей, шейная бронзовая гривна, болѣе древняго типа, сдѣланная изъ круглой толстой проволоки, концы ея четырехгранные, согнуты въ длинную застежку; пара серебряныхъ наконечниковъ цѣпи, литыхъ въ видѣ змѣиныхъ головокъ, на мѣстѣ глазъ сквозное отверстіе, въ которое пропущено серебряное кольцо; двѣ фибулы—одна серебряная, другая бронзовая; 2 фрагмента серебряныхъ височныхъ колецъ, очень крупныхъ и роскошно орнаментированныхъ; золотая серьга, въ видѣ плоскаго луновиднаго медальона, съ треугольнымъ выступомъ вверху, на которомъ изображены два голубя, на обѣихъ сторонахъ рельефный орнаментъ: равноконечный крестъ и два лебедя по бокамъ, у нижняго края 5 колечекъ, между которыми нанизывался жемчугъ, и мн. др. (см. „Каталогъ“ стр. 105 и слѣд.; большинство перечисленныхъ предметовъ изображено на XII таблицѣ снимковъ, приложенныхъ къ „Каталогу“).

Во время раскопокъ 1892 г., среди нѣсколькихъ десятковъ череповъ, встрѣтился одинъ, на лобной части котораго находилось овальное отверстіе, повидимому искусственнаго происхожденія; не будучи вполнѣ увѣренъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ одинъ изъ трепанированныхъ череповъ, я передалъ его для разсмотрѣнія проф. Д. Н. Анучину, который, по тщательномъ изученіи черепа, пришелъ къ заключенію, что дѣйствительно, здѣсь мы имѣемъ трепанацію черепа, и что черепъ съ Княжей Горы является первой находкой такого рода въ Россіи; черепъ этотъ, вмѣстѣ съ другими слѣдами трепанаціи, не такъ очевидными, послужилъ матеріаломъ для рефератовъ проф. Анучина о слѣдахъ трепанаціи черепа въ Россіи, доложенныхъ IX Археологическому Съѣзду въ Вильнѣ 1893 г., и IX Съѣзду естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, состоявшемуся въ январѣ настоящаго года. Въ Западной Европѣ, особенно во Франціи, давно уже было обращено вниманіе на черепа, относящіеся обыкновенно къ доисторической эпохѣ, съ искусственными отверстіями, была также разъяснена и цѣль продѣлыванія отверстія: по первобытнымъ понятіямъ разнаго рода нервныя заболѣванія, въ родѣ падучей, истеріи и т. п., объяснялись присутствіемъ въ человѣкѣ, именно въ головѣ его, особаго духа; что бы дать ему естественный выходъ, и прибѣгали къ трепанаціи,—это прижизненная трепанація. Съ другой стороны, придавая какую-то таинственную предохранительную силу кускамъ черепа, быть можетъ взятымъ у человѣка, при жизни страдавшаго какой нибудь болѣзнью этого рода,—вырѣзываніе кусковъ изъ черепа—„черепныхъ амулетовъ“, практиковалось и на мертвомъ человѣкѣ; на черепѣ съ Княжей Горы слѣдовъ заживленія краевъ отверстія не замѣтно, и можно думать, что трепанація была совершена на мертвомъ черепѣ, или что субъектъ, подвергшійся ей, не пережилъ этой тяжелой операціи. Особенность настоящаго черепа сравнительно съ черепами, найденными въ Западной Европѣ, заключается въ томъ, что отверстіе въ немъ продѣлано не на теменной кости, какъ это обыкновенно встрѣчается у западноевропейскихъ череповъ, а на верхней боковой части лобной кости; трудно сказать, къ

какой эпохѣ относится черепъ, такъ какъ на Княжей Горѣ культурные слои разныхъ эпохъ смѣшаны—по сохранности черепа и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ находки можно предположить, что онъ скорѣе принадлежитъ великокняжеской эпохѣ, чѣмъ доисторическому періоду.

Въ одной изъ предыдущихъ замѣтокъ о Княжей Горѣ я упоминалъ о томъ, что разсказы мѣстныхъ крестьянъ объ этомъ городищѣ не имѣютъ никакого историческаго значенія; въ этомъ году мнѣ пришлось слышать замѣчаніе одного изъ стариковъ с. Пекарей [1]), которое, если мѣстное происхожденіе его будетъ установлено, должно пріобрѣсть большую важность. Крестьянинъ, на мой вопросъ: что было на Княжей Горѣ?—отвѣтилъ: „це бувъ колысь городъ Родня“,—замѣчаніе конечно очень цѣнное для рѣшенія вопроса объ историческомъ значеніи городища Княжей Горы; но на мѣстное происхожденіе этого замѣчанія полагаться вполнѣ нельзя; Княжа Гора въ последнее время возбудила большой интересъ среди мѣстныхъ жителей, благодаря многимъ наѣздамъ сюда ученыхъ и любителей, а также благодаря производившимся на ней раскопкамъ. С. Пекари находится въ мѣстности оживленной, имѣетъ постоянныя сношенія съ Кіевомъ и другими городами и, легко могло статься, что пріурочиваніе Княжей Горы лѣтописному городу Роднѣ, высказанное уже нѣсколько разъ въ литературѣ, окольнымъ путемъ достигло и мѣстной крестьянской среды; во всякомъ случаѣ, фактъ существованія у крестьянъ такого преданія требуетъ подтвержденія и разъясненія.

Ник. Бѣляшевскій.

1) Дида Опанаса Дьяченка.

„ПОПОКЪ".

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1]).

XV.

Зелеными рядками по темнокоричневому фону изузорено поле свекловичной плантаціи, широко раскинувшейся въ сторону отъ проѣзжей дороги. Поперекъ этихъ зеленѣющихъ нѣжною листвою рядовъ кривою ломаною линіею вытянулся рядъ полольщицъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ по цвѣту юбкахъ и головныхъ платочкахъ. Всѣ онѣ перегнуты и вооружены тяпками (сапами), которыми пробираютъ между рядами зелень и соръ. Степной вѣтеръ, нескромно помавающій ситцевыми юбками и подолами пидтычекъ, уноситъ куда-то въ даль заунывный голосъ пѣсни, раздающейся на одномъ концѣ ряда, гдѣ нарочно собрались знакомыя другъ-дружкѣ пѣвицы-дивчата. Какъ пастухи, торчатъ два приказчика сзади ряда полольщицъ, кой когда указывая на пропущенное зелье или нечаянно срѣзанную батву свеклы. Они апатично похаживаютъ вдоль ряда, покуривая коренковыя трубки, поглядывая то на рядъ женскихъ фигуръ, то озирая горизонтъ поля, не ѣдетъ ли кто изъ чиновъ экономіи, побуждающій ихъ къ болѣе тщательному наблюденію и даже ругательному понукиванію полольщицъ.

Солнце уже давно свернуло съ полудня и вотъ-вотъ затянется находящею съ запада тучею. Но вотъ туча закрыла солнце,

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 3.

и вѣтеръ погналъ ее прямо на плантацію. Еще немного спустя послышались раскаты грома, и вслѣдъ за тѣмъ изъ заволокшей болѣе двухъ третей горизонта тучи полилъ дождь, настоящій, тучный, лѣтній дождь, сразу запрыгавшій шлепками по лужамъ, мгновенно образовавшимся на ровныхъ мѣстахъ, и тѣмъ самымъ сулившій затяжную непогодь.

Пололыщицы бѣгомъ кинулись къ куреню, устроенному въ концѣ плантаціи, столпились было у входа, стараясь скрыться отъ ливня и припрятать верхнюю одежу и мѣшки. Скоро ихъ набилось въ куренѣ полнехонько, такъ что пришлось тѣсниться вплотную. Какъ сторожа, около входа прижались приказчики. Какъ только умѣстились всѣ, сейчасъ же начали полудновать добытыми изъ мѣшковъ хлѣбомъ и лукомъ.

Вскорѣ по межѣ отъ дороги показалась везомая парою рослыхъ старыхъ воловъ бочка съ водою. Около воловъ шелъ, весь измокшій, въ одномъ только бѣльѣ, прилипнувшемъ къ тѣлу, водовозъ Опанасъ. Онъ только пожимался подъ струями неустававшаго дождя. Довезши бочку къ куреню, Опанасъ не сталъ отгонять на пастьбу воловъ, а только распрегъ ихъ и, привязавъ къ вію, пошелъ и себѣ прятаться въ курень.

— Ой пустить обсушиться!—шутилъ онъ пожимаясь и пролѣзая въ курень.

Его тамъ встрѣтили смѣхомъ и отталкивали отъ себя тѣ изъ пололыщицъ, къ кому онъ нарочно присѣдалъ поплотнѣе.

Наконецъ и онъ какъ то устроился и вдругъ сообщилъ новость.

— Повезлы, дивчата, нашого Попка у городъ.

— Якого Попка?—отозвался кто-то изъ дальнихъ, но свои отвѣтили кратко: та це у насъ тутъ бувъ воловыкомъ—и обратились къ Опанасу съ вопросомъ, откуда онъ узналъ эту новость. Опанасъ объяснилъ, что, проѣзжая къ рѣкѣ за водою, онъ самъ видѣлъ, какъ на тройкѣ провезли его, Попка, съ сотскимъ по дорогѣ на городъ.

Пошли толки, слышались сожалѣнія, укоры по адресу Цюпы... Мелашка, полудновавшая съ сестрами Хведька и съ Сохвою, услыхавъ эту новость, какъ то вздрогнула и сильно сжала за локоть сестру Хведька.

Ей хотѣлось заплакать, закричать, но она выдержала и только сильно поблѣднѣла. Знавшіе про ея отношенія къ Хведьку, какъ будто и не замѣтили ея волненія, а только прекратили разговоръ о Хведькѣ. Одна только Сохва впилась было на мгновеніе своими сѣрыми глазами въ лицо Мелашки, но и та сейчасъ же отвернулась, какъ только послѣдняя повернула къ ней свой взглядъ. Сестры Хведька ничего не могли понять, куда и какъ повезли его—имъ это казалось въ порядкѣ вещей.

Дождь не переставалъ. Пополудновали; кой кто уже и задремалъ, скорчившись кое какъ въ тѣснотѣ; а на небѣ не видно ни малѣйшей прогалинки—одна только сплошная сѣрь, испускавшая потоки дождя. Работа должна прекратиться, такъ какъ даже если бы и прояснилось, то и тогда нужно будетъ день-другой переждать. Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ Штура переписывать полольщицъ и отпустить ихъ съ работы.

Началась переписка работницъ, при чемъ имъ объявлено, что платить будутъ только въ субботу и то не 25 коп., а только по 18. Поднявшійся было ропотъ и торги смолкли, когда Штура, кое какъ примостившись у двери куреня, началъ записывать всѣхъ въ списокъ и выдавать квитки. Записанныя забирали свои узелки, подсмыкивали повыше подолы и, по возможности прикрывшись верхнею одежею, всѣ босикомъ, выходили изъ куреня и пошли къ селу. Нѣкоторыя оставались въ куренѣ переждать хоть ливень, такъ какъ у нихъ не было съ собою свитокъ, а только ситцевыя кофты. Въ числѣ такихъ были и сестры Хведька. Они не рѣшались идти по такому ливню и стали толковать о томъ, что если хоть чуточку уменьшится дождь, то они кое какъ добѣгутъ до хутора—Бѣлой Деревни и тамъ переночуютъ у *титки Горпыны*—сестры ихъ отца. Сохва стала подбивать кой кого изъ своихъ отправляться сейчасъ же.

— Ажъ онъ пишлы дивчата. И намъ можно. А же у тебе есть куцынка?—обратилась она къ Мелашкѣ, сидѣвшей въ какомъ то отупѣніи.

— Ходимъ; Машка й Полька пійдуть зъ нами; чого тутъ сыдиты? Винъ бачъ якый—обложный.

Собралось ихъ пятеро съ одного кутка и порѣшили идти черезъ Бемовку въ тѣхъ видахъ, что тамъ дорога песчанѣе, хоть немножко и дальше.

Такъ и пошли къ большой дорогѣ по межнику, шлепая по лужамъ, скользя по грязи подъ неустающимъ ливнемъ. Сначала каждый скользокъ вызывалъ шутки и смѣхъ, но послѣ все обошлось, и онѣ потянулись по большой дорогѣ, обходя лужи и грязь.

Одиноко и печально сидѣла старуха Самчиха въ своей опустѣлой хатѣ въ тотъ день. Сумрачное небо съ неперестающимъ дождемъ еще болѣе сгущало поздніе сумерки. Дождь крупными каплями барабанилъ въ шибки оконъ. Усталая вся, душевно истерзанная, сидѣла она на лавкѣ, сложивъ на колѣнахъ руки. Не хотѣлось ей зажигать огонь, а топить она и не думала сегодня. Да и когда ей было?!

Изъ камеры мироваго судьи, не смотря на слабость послѣ обморока, она все-таки пошла въ экономію Лутнева къ „*Карло*". Долго ей пришлось его ожидать. Возвратившись съ какими то офицерами, прошедшими прямо въ домъ, Карло съ нетерпѣливымъ жестомъ обратился къ ней съ вопросомъ.

— Што такой?

Долго онъ не могъ понять ея просьбы, сопровождаемой плачемъ и всхлипываніями, пока наконецъ не уразумѣлъ, что рѣчь идетъ про извѣстную ему исторію кражи свекловичныхъ сѣмянъ воловиками. Попросту желая отдѣлаться поскорѣе отъ нея, Карло пообѣщалъ простить ея сына и переговорить съ судьею.

По пути отъ Карло старуха зашла къ Кулишу, но онъ былъ такъ пьянъ, что кромѣ какого то мычанія она ничего у него добиться не могла.

И вотъ пришла она домой и все время сидѣла, отупѣвшая отъ неутѣшной скорби въ своей хатѣ, оторвавшись только отъ думъ на время, пока подоила и заперла въ закуту пришедшую съ поля довольно рано по случаю дождя корову.

Ничего она не могла придумать: одиночество ея и безпомощность отупили ее окончательно. Она даже уже и не плакала; ѣда ей на мысль не шла, какъ равно не думала она и ложиться, не смотря на позднее время.

Вдругъ ей почудилось, что кто то идетъ на крылечко и даже повернулъ дверную завертку. Она прислушалась... Кто-то вошелъ въ сѣни и ощупывалъ щеколду хатней двери.

— Хто тамъ?—спросила старуха.

Дверь отворилась, и въ хату вошла какая то женская фигура.

— Хто се? повторила вопросъ Самчиха.

— Це я—какимъ то подавленнымъ голосомъ, почти шепотомъ, произнесла вошедшая: це я—Мелашка. И не успѣла старуха еще сказать и слова, какъ дѣвушка кинулась къ ней, обхватила ее руками, припала головой и истерически зарыдала.

Самчиха сразу было даже испугалась, но эти объятія, этотъ плачъ моментально все ей обяснили, и она тоже стала плакать и въ то же время гладила голову Мелашки.

Поплакались такъ эти несчастныя женщины, и плачъ этотъ облегчилъ ихъ наболѣвшія души; онѣ взаимно пополнили недостающее имъ: старухѣ облегчилось ея сиротство, Мелашка нашла случай выплакать свое горе плачемъ, который она сдерживала при чужихъ, и слить притокъ накопившагося чувства.

Выплакавшись, онѣ начали разговаривать. Старуха разсказала, что Хведька повезли въ городъ, но что она навѣрное не знаетъ даже куда. Мелашка хотѣла было разсказать, какъ ей на куренѣ стало извѣстно про увозъ Хведька, какъ она страдала, какъ ей некому было излить своего чувства, какъ, пришедши домой, она не знала, что дѣлать, чѣмъ унять охватившее ее чувство, и какъ, наконецъ, она, не отдавая себѣ отчета, побѣжала къ старухѣ Самчихѣ и тутъ, вопреки принятому этикету, вопреки всѣмъ сельскимъ приличіямъ, разревѣлась на груди у женщины, близкой Хведьку... Все это хотѣлось ей разсказать, но, пришедши въ себя послѣ экстаза, она поняла, какъ безтактно она поступила, какъ ее будутъ *„судыть по селу“*, если узнаютъ про ея настоящій визитъ, и она ничего

не сказала, а только еще больше заплакала. Старуха чутко отнеслась къ чувствамъ Мелашки; она въ ней видѣла дѣвушку *„хорошого роду“*, очевидно влюбленную въ ея сына, но въ то же время поняла и всю неловкость ея положенія.

— Не плачъ, дочко! що жъ робыть! На те Божа воля! Якось то Господь дасть!.. И когда Мелашка, сидѣвшая уже на лавкѣ, приподнялась, то старуха ласково погладила ее по головѣ и сказала.

Иды, доню, до господы, щобъ ще хто небудь не побачивъ...— и проводила дѣвушку на улицу, гдѣ она, никѣмъ не замѣченная, въ темнотѣ добѣжала до своего двора.

XVI.

Подъ проливнымъ дождемъ въѣзжали сотскій съ Хведькомъ въ городъ. Они скорчившись сидѣли въ тарантасѣ, повтягивали, какъ можно было только, шеи въ приподнятыя плечи, что однако же мало спасало ихъ отъ дождевой воды, проникавшей за воротники черкесокъ и даже сквезь поношенное сукно оныхъ. На нихъ, что называется, нитки сухой не было. Ямщикъ умудрился изъ имѣвшагося съ нимъ мѣшка устроить что-то въ родѣ башлыка и, повернувшись кое какъ бочкомъ къ вѣтру, хоть сколько нибудь защитилъ себя отъ потоковъ дождя. Лошади, измокшія до нераспознаваемости ихъ масти, съ загрязненными хвостами, съ утончившимися шеями, прижимали только уши.

Колокольчики глухо звенѣли, сбруя вся раскисла, грязь съ заднихъ колесъ тарантаса швырками прилипала къ спинамъ сотскаго и Хведька; нѣсколько брызговъ жидкой грязи, попавшей изъ-подъ копытъ пристяжныхъ, изукрасили ихъ физіономіи....

Пригородная слободка, по улицѣ которой они ѣхали, мало чѣмъ разнилась отъ села; развѣ только отсутствіе садковъ и левадъ на пескахъ, да обмытый побѣлъ хатокъ дѣлали видъ особенно невзрачнымъ и печальнымъ.

Но вотъ начался городъ; пошли улицы, сперва обставленныя небольшими домиками съ соломенными и камышовыми крышами и плетнями, а послѣ и большими домами съ желѣзными кры-

шами и съ вывѣсками. Наконецъ тройка подъѣхала къ одному высокому дому, обвѣшанному непонятными для Хведька вывѣсками, и имѣвшему нѣсколько оконъ съ желѣзными рѣшетками.

На крыльцѣ стоялъ какой то панокъ, по виду уже не молодой, хотя на рыжей его бородкѣ, немного подстриженной, сѣдина не сильно выдѣлялась. Лицо его выражало радушіе, какъ у содержателя постоялаго двора, къ которому навернулись проѣзжіе.

Онъ даже какъ будто потеръ рука объ руку.

Сотскій соскочилъ съ тарантаса и, пока слѣзалъ Хведько, успѣлъ рукавомъ мокрой черкески обтереть обрызганное грязью лицо, снять прокислую шапку и сталъ доставать изъ-за пазухи разносную книжку съ пакетомъ, который и подалъ старичку.

— А-а, молодца привезъ?! Хорошо. Ступайте за мною! И пошелъ въ корридоръ, по обѣ стороны котораго были двери. Въ концѣ корридора отпертая дверь вела въ небольшую комнату, въ которой стояли двѣ кровати съ высокими спинками, покрытыя толстаго полотна простынями и желтыми верблюжьяго сукна одѣялами. У окна помѣщался столъ съ какими-то на немъ большаго журнальнаго размѣра книгами, бумагою и чернильнымъ приборомъ.

— Здѣсь подождите! сказалъ старичокъ, оставивъ Хведька и сотскаго у порога въ корридоръ, а самъ, набожно перекрестившись, сѣлъ за столъ, надѣлъ на носъ въ толстой мѣдной оправѣ очки и началъ читать вынутую изъ разносной книжки запечатанную бумагу. Читая бумагу, старичокъ, какъ бы провѣряя ее, раза два поверхъ очокъ глянулъ на Хведька. Потомъ взялъ перо и, старательно выводя буквы, росписался въ разносной книжкѣ и сейчасъ же отдалъ ее сотскому.

— Снеси, что тамъ его есть въ тарантасѣ—сказалъ онъ сотскому—и отправляйся!

— Тамъ ничого не иміется—отвѣтилъ послѣдній и пошелъ за дверь, гдѣ уже стоялъ кто-то изъ служителей, изъ-за котораго выглянули два-три человѣка арестованныхъ, пожелавшихъ посмотрѣть на новоприбывшаго.

Смотритель строго глядѣлъ на Хведька.

— Ты что же это собрался такъ, даже безъ куска хлѣба. Теперь тебѣ прійдется до завтрашняго дня не ѣсть: у насъ уже все распредѣлено, а ты ужъ только завтра поступишь на довольствіе.

Хведько мрачно молчалъ.

— Ты за что же это попалъ? За какія это свекловичныя сѣмена, голубчикъ ? Га?!

Опять тупое молчаніе.

— Ты что же это не отвѣчаешь, когда тебя спрашиваетъ начальникъ? Га?

— Та отъ же пришлось одвичать за другихъ—мрачно отвѣтилъ Хведько, смѣшивая понятія предложеннаго вопроса.

— Какъ же это за другихъ?

— Та такъ, що воны мене пидвелы.

— То есть кто это они?

— Цюпа та Жердёвъ.

— Это кто же такіе, какъ ты сказалъ Цюпка и Жеребьевъ,

— Цюпа та Жердёвъ.

— Ага! Цюпинъ и Жердевъ

— Эге жъ!

— Ну, да какъ же это они подвели тебя?!

— Та такъ, що оце я й у одвити за ныхъ.

— Значитъ, ты это у нихъ эти сѣмена укралъ—у этого Цупина и Жеребьева? Га?

— Та ни, воны, Петро, мени давъ, що бъ я Жердёву завизъ, ажъ воно крадене.

— А—а! Это кто же Петро? Га?

— Та Цюпа жъ, а Жердёвъ кабатчикъ.

— Ну, ну—понимаю; значитъ, Петро этакъ продалъ кабатчику, а ты тамъ былъ и съ пьяна укралъ ихъ.

— Та я ихъ не кравъ, а Петро мени давъ.

— Г-мъ! Это не хорошо! Ты вотъ передъ начальникомъ и запираешься. За это вашего брата не хвалятъ. Такъ нельзя. Это запирательство. А кто запирается, у того, значитъ, нѣтъ раскаянія. Ты думаешь, такъ это тебѣ и пройдетъ; анъ Богъ все видитъ и накажетъ тебя за твое запирательство. Нѣтъ,

такъ нелья! Вотъ я тебя за это самое и запру теперь. Антонъ! Иди сюда за мной, ворчалъ смотритель, изъ-подъ нависшихъ рыжихъ бровей смотря на понурившагося мрачно Хведька, который ровно ничего не понялъ изо всей его рѣчи. Одно ему было понятно, что рѣчь идетъ про „запирательство", по его пониманію разъясненное словомъ „запру".

И дѣйствительно, старичекъ съ Антономъ провели его въ какую-то дверь, впустили и заперли за нимъ дверь на замокъ.

Прямо противъ двери было окно, задѣланное желѣзною рѣшеткою, и затѣмъ голыя стѣны, полъ и потолокъ. Хведько ощущалъ какую-то небывалую усталость. Давно уже ему не приходилось ни на какой работѣ такъ уставать. Душевное волненіе, голодъ, непривычная ѣзда въ тарантасѣ,—все это вмѣстѣ такъ его утомило, что ему прежде всего захотѣлось ѣсть. Подошедши къ окну, онъ апатично глянулъ въ него, увидѣлъ черезъ улицу какой-то домъ кирпичный, не бѣленый, какую-то вывѣску надъ открытою дверью, какихъ-то людей, шедшихъ по улицѣ подъ проливнымъ дождемъ; но все это его мало интересовало. Онъ распоясался, снялъ мокрую черкеску, скомкалъ ее и, бросивъ себѣ подъ голову, моментально заснулъ мертвымъ сномъ.

Проснулся онъ еще до восхода солнца. Сквозь окно видѣнъ былъ разсвѣтъ, но въ цѣломъ зданіи царствовала совершенная тишина. Было часа три утра. Какъ-то безсознательно онъ подошелъ къ двери, толкнулъ ее, но она оказалась запертою; подошедши къ окну, онъ увидѣлъ тотъ-же двухъэтажный домъ съ вывѣскою на углѣ и улицу, совершенно пустынную. Попробовалъ онъ опять заснуть, но не спалось,—хотѣлось ѣсть страшно, ибо кромѣ кусочка хлѣба, которымъ закусилъ онъ выпитую рюмку водки у Кулиша, онъ ничего не ѣлъ цѣлыя сутки. Это желаніе ѣсть было на столько сильно, что на немъ сосредоточились всѣ его мысли. Онъ не зналъ, какъ и что добыть поѣсть, но полагалъ, что какъ только проснутся въ домѣ, такъ сейчасъ же и явится возможность хоть какъ нибудь удовлетворить голодъ.

Лучи восходящаго солнца освѣтили одну сторону ниши окна; по улицѣ кто-то проѣхалъ; наконецъ, въ домѣ послышался скрипъ дверей, чьи-то шаги по корридору и голоса. Еще часъ спустя онъ услыхалъ голосъ старичка смотрителя, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то подошелъ къ двери его камеры, побрязгалъ ключами, погремѣлъ задвижкою и отперъ двери.

Это былъ сторожъ, котораго вчера смотритель назвалъ Антономъ.

— Иди прибирать камеры и на кухнѣ! сказалъ онъ.

По окончаніи работы Хведько очутился опять въ той же, гдѣ ночевалъ, камерѣ, но уже снабженный кускомъ хлѣба. Это запираніе въ отдѣльной камерѣ его ничуть не поразило, какъ не поражаютъ случайно упавшаго въ воду поливающія послѣ этого его струи дождя. Онъ все это считалъ продолженіемъ несомаго наказанія. Запертый опять въ особой камерѣ, онъ сейчасъ же принялся ѣсть ткнутый ему Антономъ хлѣбъ. Поѣлъ и завалился опять спать. Происшедшее съ нимъ въ это послѣднее время подавляюще притупило въ немъ даже способность размышленія: онъ не могъ ни надъ чѣмъ остановить своихъ мыслей, и поэтому, можетъ быть, такъ и клонило его ко сну.

Спалъ онъ долго, благо мухи не залетали въ эту всегда запертую и потому прохладную камеру. Сонъ благотворно подѣйствовалъ на него, и проснувшись, онъ могъ уже болѣе сознательно отнестись къ своему положенію. По его мнѣнію, онъ отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ, но почему то незакованный въ кандалы, что ему представлялось непремѣннымъ аксессуаромъ тюремнаго содержанія. Какъ долго ему прійдется сидѣть и что еще съ нимъ будутъ дѣлать, онъ не зналъ и не хотѣлъ про это думать. Мысли унесли его въ Андреевку, къ своему двору, улицѣ, и остановились на Мелашкѣ. Онъ почему то не думалъ о продолжительности заключенія, а прямо перенесся мыслями въ садокъ и къ осеннему времени, когда возвратится отецъ съ заработковъ и когда послѣ Покровы женятъ его на Мелашкѣ. Эти мечты его на столько увлекли, что онъ не обратилъ вниманія на топотъ ногъ въ корридорѣ, лязгъ ключей и скрипъ отпираемаго у его дверей засова.

Тотъ же Антонъ отворилъ дверь и позвалъ его обѣдать на кухню, гдѣ уже было нѣсколько человѣкъ.

Смотритель присутствовалъ тутъ же и весь былъ занятъ наблюденіемъ за разрѣзкой большихъ двухъ хлѣбовъ на куски, которые онъ раздавалъ собравшимся на кухню.

— Подай и тому, новому—сказалъ смотритель, указывая на Хведька.—Да пріймите его кто нибудь къ мискѣ—прибавилъ онъ. Получивъ пайки хлѣба, арестанты подходили съ разнаго рода мисками къ плитѣ, гдѣ какой то человѣкъ наливалъ имъ жиденькія щи изъ какого-то зелья. У нѣкоторыхъ были небольшія деревянныя чашки, другіе же ѣли изъ большихъ мисокъ. Хведька позвалъ къ своей компаніи Николенко; онъ же сунулъ ему гдѣ то добытую ложку.

Хведько взглянувъ на Николенка, сразу вспомнилъ обстоятельство утрешней встрѣчи съ нимъ во время работъ и почувствовалъ къ нему благодарность; примостился къ мискѣ Николенка и, не обращая вниманія на прочихъ арестованныхъ, разсматривавшихъ его, сталъ хлебать щи и закусывать хлѣбомъ. Николенко покровительственно приглашалъ ѣсть словами: „ѣшь, хлебай! чего ты!—когда Хведько, соблюдая застольный народный этикетъ, отъ времени до времени клалъ ложку.

Послѣ щей въ эту же миску арестованнымъ дали пшенной каши размазни, т. е. не особенно крутой. Пробуя эту кашу, Николенко сталъ острить.

— Ну, братцы!—Эта въ глоткѣ не застрянетъ—мякенькая!

Но смотритель, этимъ вдругъ раздобрился и обратился къ повару съ приказаніемъ дать всѣмъ сала къ кашѣ.

— Несите свои миски ребята, сказалъ онъ: а ты дай имъ вотъ отсюда сала. Оно посытнѣй будетъ! Я вѣдь такой: когда и побраню, а то и пожалѣю!

Поваръ ложкою колупалъ застывшее въ большомъ горшкѣ сало и подходившимъ клалъ въ кашу.

Николенко долженъ былъ замолчать со своими замѣчаніями и остротами.

Послѣ обѣда Хведька уже не запирали въ особую камеру, и онъ остался съ прочими перемывать посуду и прибирать на кухнѣ.

Часа два спустя сторожъ Антонъ предложилъ арестованнымъ выйти во дворъ „прогуляться", такъ какъ смотритель послѣ обѣда съ семьею легъ заснуть.

Не особенно было удобно гулять на голомъ примыкающемъ къ зданію дворѣ по полуденной жарѣ; но тѣмъ не менѣе всѣ вышли. Нѣкоторые во дворѣ занялись по указанію Антона приборкою щепокъ на дровотнѣ, Николенко же отказался, сказавъ „чертъ имъ не работалъ! и съ тремя такими же, и въ томъ числѣ съ Хведькомъ, усѣлись въ тѣни забора. Послѣдняго Антонъ даже и не приглашалъ работать.

Жара стояла страшная, усиленная какъ песчанымъ грунтомъ двора, такъ и отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ каменной стѣны большаго двухъэтажнаго городскаго дома, гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась земская арестантская. Жара такъ и варила. Сидѣвшіе въ тѣни скоро поснули, Хведько тоже завалился было спать, но къ нему поближе подсѣлъ Николенко и началъ его разспрашивать, кто онъ, откуда и за что „*попался*. Когда Хведько объяснилъ, разумѣется, по своему, какъ свою вину, такъ и то, что его Судья приговорилъ къ тюремному заключенію, что и такъ понялъ опытный въ этихъ дѣлахъ Николенко, то послѣдній посовѣтовалъ ему заявить „удовольствіе" на приговоръ и просить перевода въ тюрьму.

— Такъ и скажи: я, молъ, приговоромъ доволенъ; переведите меня въ тюрьму,—такъ и скажи. Тамъ, братъ, много лучше и въ харчахъ и во всемъ—объяснилъ Николенко.

— Тамъ вотъ на огородъ къ капустѣ посылаютъ, да и подаяніе бываетъ; а главное, что тутъ сколько ни сиди, все равно не засчитаютъ въ срокъ. А то ужъ по просту: отсидѣлъ свое да и на волю. Смотри, до Покрова тамъ или до Казанской и отсидишь.

Хведько не могъ объяснить своему совѣтчику, на сколько времени его приговорилъ мировой судья.

— А тутъ что? Тамъ гляди, кто и провѣдаетъ, да и народу тамъ больше. Есть бравые ребята, такіе, что можно кое чѣмъ и позаимствоваться у нихъ; а здѣсь—одно слово мужичье...

Не все понималъ Хведько изъ совѣтовъ своего собесѣдника; но одно онъ уразумѣлъ, что въ тюрьмѣ онъ „*отсидитъ* скорѣе и что тамъ посылаютъ на огородъ. Срока заключенія онъ не зналъ, а только понималъ, что на долго онъ попалъ въ эту западню....

На другой день рано утромъ въ арестантскую, возвращаясь изъ купальни, зашли предсѣдатель мироваго съѣзда Стеценко и слѣдователь Федорашъ.

На крыльцѣ ихъ встрѣтилъ смотритель.

Стеценко захотѣлъ видѣть новаго арестанта и нашелъ въ кухнѣ, гдѣ они вмѣстѣ съ Николенкомъ крошили на столѣ какое то зелье на щи.

При входѣ посѣтителей всѣ повставали и на привѣтствіе „здорово!“, произнесенное Стеценкомъ, отвѣтили кто „здоровъ, ничего!“ а кто „добраго здоровья!“

Федорашъ забѣгалъ глазами по плитѣ, какъ бы стараясь узнать, что тамъ поставлено въ горшкахъ, а Стеценко, строго смотря на Хведька, сказалъ.

— Вотъ такъ хорошо! здѣсь надо слушать начальство.

— Онъ, ваше превосходительство, желаетъ заявить удовольствіе на приговоръ и перевестись въ замокъ—вдругъ сказалъ Николенко, указывая на Хведька.

— Доволенъ ты приговоромъ? Желаешь въ замокъ? спросилъ Стеценко.

— Доволенъ, желаю!—отвѣтилъ кротко Хведько.

— Донесите немедленно рапортомъ Мировому Судьѣ,—обратился Предсѣдатель къ смотрителю.

— Слушаю-съ, немедленно-съ исполню-съ!—отвѣтилъ послѣдній.

Посѣтители вышли, а смотритель, заглянувъ еще въ кухню, пошелъ писать рапортъ ворча про себя. Онъ отчасти доволенъ былъ сбыть съ рукъ Хведька заявившаго себя сначала непокорнымъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого Хведька въ сопровожденіи Антона съ разносною книжкою отправили черезъ базаръ къ громадному зданію тюремнаго замка, гдѣ онъ и былъ водворенъ... надолго.

Борисъ Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРЕЧЕСКІЕ ЕПИСКОПЫ-САМОЗВАНЦЫ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII В.

Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ православный востокъ высылалъ въ Россію не одну тысячу просителей матеріальной помощи единовѣрнымъ и соплеменнымъ угнетеннымъ народамъ, искавшихъ кромѣ того и нравственной поддержки... Тутъ были и представители высшей іерархіи, горячо преданные служенію православной церкви, и пламенные патріоты, скорбѣвшіе о судьбѣ страдавшей подъ иновѣрнымъ басурманскимъ игомъ родины. Но наряду съ этими лучшими представителями греческой церкви шло не мало людей совсѣмъ другаго типа, беззастѣнчивыхъ торговцевъ святыни, искателей приключеній, черноризцевъ, необлеченныхъ иноческимъ саномъ и даже не христіанъ. Все это были жертвы корыстолюбія и наживы, неудержимо влекомые щедрой московской милостыней и „мягкой рухлядью" Сибирскаго приказа.

Западная Россія (Малороссія и Бѣлоруссія) представляла еще болѣе благодарную почву для дѣятелей обоихъ указанныхъ типовъ. Западно-русская церковь до конца XVII в. была подчинена патріарху Константинопольскому. Различныя церковныя нестроенія, въ особенности унія, не разъ побуждали православное населеніе страны искать помощи у восточныхъ патріарховъ, которые пріѣзжали лично или посылали своихъ намѣстниковъ и посвящали православныхъ священниковъ и епископовъ. Сношенія съ Греціею не прекратились и послѣ подчиненія западно-русской церкви Московскому патріарху: греческіе епископы нерѣдко пріѣзжали въ Малороссію, священнодѣйствовали и посвящали священниковъ, съ согласія мѣстныхъ епископовъ

(такъ, при Черниговскомъ епископѣ Лазарѣ Барановичѣ жилъ въ Нѣжинѣ Мелетій, епископъ ахридонскій, при Кіевскомъ митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ—въ Кіевѣ епископъ Дамаскинъ). Иногда само русское правительство предоставляло греческимъ епископамъ подобныя права. Такъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, во время продолжительнаго заточенія Кіевскаго митрополита Варлаама Ванатовича, производство въ духовные чины въ Кіевской епархіи поручено было греческому коринѳскому митрополиту Митрофану, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему въ Кіевъ изъ Греціи [1]). Въ царствованіе Елисаветы Петровны, при митрополитѣ Кіевскомъ Арсеніи Могилянскомъ, за слабостью его здоровья, опредѣленъ былъ викаріемъ пребывавшій въ Кіево-Печерской лаврѣ бывшій архіепископъ греческаго острова Андры Герасимъ, и кромѣ того разрѣшено исправлять священнослуженіе выѣхавшему изъ Далмаціи епископу Симеону Кончаревичу [2]). Вслѣдъ за ними пріѣхали въ Малороссію еще два греческихъ епископа, но они не были признаны св. Синодомъ.

Между переселявшимися въ Малороссію греческими епископами нерѣдко встрѣчались и лица недостойные, самозванцы, не имѣвшіе епископскаго сана или лишенные его за преступленія. Отъ такихъ личностей предостерегали русское правительство и духовенство сами восточные патріархи [3]). Московскій патріархъ Адріанъ въ 1694 г. обращалъ вниманіе митрополита Кіевскаго В. Ясинскаго на странствующихъ по Малороссіи греческихъ архіереевъ. Бѣлоруссія, остававшаяся подъ польскимъ владычествомъ и не имѣвшая, благодаря уніи, своего православнаго духовенства, представляла особенный просторъ для подобныхъ искателей приключеній.

Всецѣло къ послѣднему типу авантюристовъ долженъ быть отнесенъ и тотъ „гречанинъ“, о которомъ идетъ рѣчь далѣе.

Сынъ купца Степанъ (фамилія его неизвѣстна) родился въ началѣ 80-хъ годовъ XVII вѣка во Ѳракіи, въ г. Димотихѣ,

---

[1]) Опись К.-Соф. собора митр. Евгенія, стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 228.

[3]) См. письмо іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, 1686 г. въ Архивѣ Ю.-З. Россіи, часть I, томъ V, стр. 155.

на р. Марицѣ, недалеко отъ Адріанополя, въ „Турской области". Какъ провелъ онъ годы дѣтства, получилъ ли какое либо образованіе въ отцовскомъ домѣ—неизвѣстно, не знаемъ мы такъже, что заставило его 13 лѣтъ отъ роду оставить родной городъ и отправиться на Аѳонъ.

Можно только съ увѣренностью сказать, что едва ли влекли его туда серьезныя цѣли истиннаго монашества, вѣрнѣе гнали его туда какія либо внѣшнія, не благопріятно сложившіяся обстоятельства жизни, или уже въ то время зародившаяся, при природной живости и смѣтливости, страсть къ странствованіямъ и приключеніямъ.

Скорѣе всего, что послѣднее; по крайней мѣрѣ, не дойдя до цѣли своего путешествія, онъ странствовалъ по Турціи „года съ три", не умѣя впослѣдствіи сказать ни гдѣ онъ бродилъ, ни чѣмъ существовалъ все это время. Наконецъ, 16 лѣтъ, Степанъ пришелъ на Святую Гору и здѣсь, въ Предтечевѣ монастырѣ, былъ постриженъ „подлинно, какъ показывалъ онъ позднѣе, по содержанію восточной церкви, а самъ на себя монашескаго чина не накладывалъ". Проживъ въ монастырѣ пять лѣтъ, въ 1703 году онъ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона, а затѣмъ и іеромонаха епископомъ Скитскимъ и Скопельскимъ Климентомъ [1]). Однако молодому іеромонаху Симеону не сидѣлось на мѣстѣ и онъ „вскорѣ, отлучась отъ монастыря", ушелъ странствовать „по разнымъ иностранныхъ государствъ городамъ и монастырямъ". Весь этотъ почти 20-лѣтній періодъ жизни Симеона намъ совершенно неизвѣстенъ, въ своей автобіографической запискѣ онъ не сказалъ гдѣ все это время „бродилъ" и чѣмъ занимался. 1724 годъ застаетъ его въ Варшавѣ. Здѣсь, въ столицѣ Польши, судьба столкнула іеремонаха Симеона съ двумя, повидимому, такими-же авантюристами: „бѣльцомъ" Серафимомъ, который „назывался націями разными, грекомъ и французомъ", и съ настоящимъ грекомъ изъ села Аграфа, сыномъ ремесленника-ткача, Юріемъ.

---

[1]) Скопело и Скіатъ острова въ Эгейскомъ морѣ изъ числа Спорадскихъ, на сѣверъ отъ Эвбеи.

Съ этого момента и начинаются наиболѣе любопытныя похожденія нашего героя. Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли, какъ онъ разсказывалъ позднѣе, „бѣльца Серафима" или самъ собой, „бѣсовскимъ прельщеніемъ", но только „дьяволъ низложилъ его въ такія беззаконія", что онъ началъ съ того времени выдавать себя за странствующаго за сборомъ пожертвованій греческаго архіерея. Именуя себя теперь Стефаномъ Юстиніаномъ, то Филиппопольскимъ архіепископомъ и митрополитомъ и архимандритомъ трехъ монастырей, то архіепископомъ своего роднаго города Димотиха, и въ обоихъ случаяхъ, не упуская прибавить, что онъ „князь и кавалеръ св. апостола Андрея Первозваннаго", смѣлый авантюристъ позаботился обзавестись и митрополичьей одеждой, „сшилъ бѣлый клобукъ и мантію и ходилъ по архіерейскому". Два его сотоварища, Серафимъ и Юрій, пристроились около самозваннаго іерарха, первый въ качествѣ секретаря „составлялъ многія грамоты и письма", второй просто служителемъ „изъ платы". Составивъ такимъ образомъ себѣ свиту, Димотихскій лже-владыка сталъ разъѣзжать по разнымъ городамъ Литвы и Бѣлоруссіи и здѣсь, въ Слуцкѣ, Могилевѣ и Вильнѣ „служилъ божественныя службы по архіерейскому чиноположенію" съ іеромонахами, посвящалъ во время богослуженія „разныхъ персонъ во дьяконы" и даже „благословилъ архимандрита и игумена"... Въ Польшѣ, повидимому, Стефанъ-Юстиніанъ пробылъ года два-три и все это время благополучно разыгривалъ принятую на себя роль. Въ іюнѣ или въ іюлѣ 1727 года мы уже находимъ его въ Римѣ и здѣсь онъ является уже въ качествѣ оффиціальнаго представителя греко-восточной церкви, прибавляя къ прежнимъ своимъ титуламъ еще новый—„намѣстника святѣйшаго патріарха Іереміи". Въ качествѣ такого оффиціальнаго лица въ Римѣ онъ приноситъ присягу, „чтобъ признавать папу, яко намѣстника Христова, свыше святѣйшихъ патріарховъ и содержать чиноположеніе и уставы, какъ повелѣваетъ западная церковь".

Пробывъ въ Римѣ почему-то очень не долго, „дондеже могъ оттуда свободу получить", искатель приключеній напра-

вился въ единовѣрную Россію, въ надеждѣ, вѣроятно, на болѣе щедрую милостыню. Для большей безопасности онъ заѣхалъ однако предварительно въ Парижъ, гдѣ 13 мая 1728 года у русскаго посланника князя Ал. Бор. Куракина предусмотрительно запасся паспортомъ, переименовавшись снова скромнымъ іеромонахомъ Симеономъ „изъ Палестины Благовѣщенскаго монастыря съ острова Скопелло въ Архипелагѣ“.

Поѣздка въ Россію, которую предпринялъ теперь бывшій лже-архіерей, была гибельна для него и закончила всѣ его авантюры. Въ сентябрѣ 1728 года іеромонахъ Симеонъ вмѣстѣ съ служителемъ Юріемъ [1]), пріѣхали въ Москву и нашли здѣсь пріютъ на Никольской улицѣ въ Греческомъ монастырѣ, а 30 числа Симеонъ предъявилъ свой парижскій паспортъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, подавъ въ тоже время и прошеніе въ Синодъ о выдачѣ ему указа на сборъ милостыни для Благовѣщенскаго монастыря. По всѣмъ вѣроятіямъ все обошлось бы благополучно и собравъ деньги и пожертвованія, Симеонъ успѣлъ бы убраться заграницу, если бы на свою бѣду онъ не встрѣтился въ Москвѣ съ однимъ своимъ старымъ знакомымъ по пребыванію въ Западномъ краѣ и Польшѣ. Это было также духовное лицо, а именно архидіаконъ Бѣлорусской епархіи Каллистъ Заленскій, которому, быть можетъ, даже приходилось принимать участіе въ служеніяхъ, которыя совершалъ въ Могилевѣ Симеонъ. 16 октября Каллистъ подалъ въ Синодъ заявленіе, что „онъ, чернецъ, человѣкъ весьма подозрительный и по подложнымъ грамотамъ и паспортамъ проходилъ многія государства, а будучи у нихъ въ Могилевѣ при бывшемъ ихъ епископѣ называлъ себя архіепископомъ града Димотиха“. Такой „извѣтъ“, конечно, не могъ не произвести въ Синодѣ значительной тревоги и на поиски самозваннаго архіерея отряженъ былъ немедленно синодальный копіистъ. Однако, повидимому, и „подозрительный чернецъ“ послѣ встрѣчи съ Кал-

---

[1]) Но уже безъ „бѣльца Серафима“, который, вѣроятно, отсталъ въ столицѣ міра, послѣ того какъ при простомъ іеромонахѣ уже и не удобно было состоять секретаремъ.

листомъ почуялъ угрожавшую ему бѣду и вмѣстѣ съ своимъ „хлопцемъ" Юріемъ скрылся, до прибытія копіиста, изъ Никольскаго монастыря. Бѣгство это было такъ поспѣшно, что онъ не взялъ даже съ собой своего, въ значительной степени его компрометировавшаго, „скарба", который былъ опечатанъ и представленъ копіистомъ въ Синодъ. При осмотрѣ этого скарба въ немъ оказались изобличающіе самозванство бѣлый клобукъ и архіерейская мантія, а также нѣсколько „писемъ", грамотъ отъ мнимаго владыки Димотиха и кавалера св. Андрея Первозваннаго.

Скрыться Симеону, однако, не удалось, скоро онъ былъ пойманъ въ Ново-Нѣмецкой слободѣ и приведенъ полиціей въ Синодъ. Видя, что теперь запираться, при существованіи такихъ вѣскихъ уликъ, какъ принадлежности архіерейской одежды и письма, было бы напрасно, Симеонъ принесъ повинную на греческомъ языкѣ, каясь во всѣхъ „беззаконіяхъ, въ кои низложилъ его діаволъ", а 23 октяоря, противъ предложенныхъ ему въ Синодѣ допросныхъ пунктовъ, подробно описалъ и всю свою богатую приключеніями жизнь. Какъ въ повинной, такъ и въ своей автобіографической запискѣ, смѣлый авантюристъ, не отрекаясь отъ всего, что было въ Малороссіи, Польшѣ и Римѣ, употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы какъ нибудь вывернуться и доказать, что онъ уже давно сознал̀ъ свои „заблужденія" и въ Россію теперь пріѣхалъ не только безъ всякихъ обманныхъ намѣреній, но именно съ цѣлью „принести о своихъ заблужденіяхъ Его Императорскому Величеству и Св. Синоду показаніе, но отъ страха самъ собой того не учинилъ и какъ въ Синодъ его сыскивали и онъ, убоясь того, ушелъ въ Нѣмецкую слободу и хотѣлъ ѣхать паки въ Аѳонскую гору, въ свой монастырь". Въ другой разъ онъ наивно заявлялъ, что въ Россію онъ пришелъ „радоваться о благочестіи", а платье привезъ съ собой съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ, „дабы здѣсь очернить". Не довольствуясь, однако, одной повинной, Симеонъ подалъ вторую, также по гречески, которую въ Синодѣ перевели такъ: „Господь Іисусъ Христосъ иже не хощетъ смерти грѣшнику, то предѣлъ поло-

жи исповѣданіе, се пріидохъ подъ покровъ его Императорскаго величества и Св. Прав. Синода, зане вся исповѣдую согрѣшенія своя, дьяволъ прельстилъ, а иной привелъ меня на сіе, сотворите со мной милость, свободите душу мою отъ рукъ дьявольскихъ, и каюся вседушно, плачу и рыдаю о грѣсѣхъ своихъ, прельстихся паче всего міра, однакожъ надѣюсь на Господа Іисуса Христа той сокрушитъ главу зміеву, который привелъ меня въ такіе грѣхи, токмо прошу милости о животѣ и простить согрѣшеніе мое, что именовалъ себя и намѣстникомъ святѣйшаго Іереміи патріарха и который грѣхъ учиненъ въ Римѣ".

Повидимому, однако, надежды на помилованіе и прощеніе было мало и у самаго Симеона; онъ, конечно, и самъ хорошо сознавалъ, какъ рискованно было бы выпустить его на свободу, а потому и постарался устроить такъ, чтобы выбраться на свободу, помимо суда.

Все время, пока тянулось слѣдствіе, Симеонъ сидѣлъ въ Синодѣ въ колодничьей палатѣ въ цѣпи и въ ножныхъ желѣзахъ. Въ концѣ февраля, совершенно неожиданно, при осмотрѣ колодника, оказалось что цѣпь и желѣза отперты. Отрицая намѣреніе бѣжать, Симеонъ разсказалъ, что, воспользовавшись сномъ караульныхъ, онъ взялъ изъ шкафа ключи и ими отперъ кандалы, и съ того времени болѣе мѣсяца цѣпь и желѣза были на немъ не заперты, устроилъ же онъ это единственно съ тѣмъ, чтобы „лежать и спать было ему легче".

Въ томъ же году послѣдовало и окончательное рѣшеніе дѣла. При этомъ Синодъ „за учиненныя имъ весьма важныя святѣй восточной греческаго исповѣданія церкви и правиламъ противности и христіанскому истинному закону нарушеніе и прочіе вымышленные лживые имъ, яко суще злодѣемъ приличествующіе поступки" рѣшивъ „обнажить его священства и монашества", предоставилъ его въ распоряженіе свѣтскаго суда. Изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ дѣло Симеона перешло въ Верховный Тайный совѣтъ, который и приговорилъ „разстригу" Степана къ ссылкѣ въ Пустозерскій острогъ архангелогородской губерніи.

Почти 15 лѣтъ спустя, которыя Степанъ провелъ въ глухомъ Пустозерскѣ, дѣлу о немъ суждено было возникнуть вновь.

Это было въ 1746 году, царствовала Елизавета, указомъ 15 іюля 1745 г. предписавшая всѣхъ ссыльныхъ „колодниковъ свободить и отпустить въ домы“. Амнистія эта не распространялась только на сосланныхъ богохульниковъ и по первымъ двумъ пунктамъ, также воровъ, разбойниковъ и смертныхъ убійцъ, запрещалось возвращать вообще тѣхъ, у кого „ноздри выняты и другіе знаки положены“.

Недоумѣвая какъ поступить со Степаномъ, архангелогородская губернская канцелярія просила указаній отъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, которая въ свою очередь обратилась 8 января 1746 года съ представленіемъ въ Синодъ. Хотя, писалъ между прочимъ президентъ коллегіи гр. Безстужевъ-Рюминъ, надъ онымъ разстригой милость показать, но по важности содѣянныхъ поступковъ не токмо заграницу, но и здѣсь въ Россіи скитаться отпустить его непристойно, онъ же человѣкъ иностранный и дома нигдѣ въ Россіи не имѣетъ, развѣ отослать его въ Соловецкій монастырь, гдѣбъ онъ, яко уже прежде бывшій монахъ, а нынѣ человѣкъ престарѣлый, неисходно быть и пищу имѣть и жизнь свою богоугодно скончать могъ“. Не смотря на всю основательность этого гуманнаго мнѣнія Бестужева-Рюмина, оно не было „аппробовано“ Синодомъ, который вновь подтвердилъ, чтобъ „оному разстригѣ въ томъ же мѣстѣ быть по прежнему а въ Соловецкій монастырь не посылать, ибо опасно чтобъ оный оттолѣ утечки учинить не могъ“. Также рѣшилъ дѣло и Сенатъ, высказавъ при этомъ, „что за таковыя важные и злодѣйственные поступки къ освобожденію по силѣ указовъ и не слѣдуетъ“. 10 марта 1746 г. это окончательное рѣшеніе было сообщено вѣдѣніемъ Синоду и указомъ къ исполненію въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ предпріимчиваго „греча нина“ не имѣется [1]).

---

[1]) Дѣло о Самозванцѣ Стефанѣ находится въ книгахъ Сената Моск. Архива Мин. Юст. № 44/806. л. л. 1012—1027.

Монахъ Стефанъ былъ, какъ мы уже замѣттили, не единственнымъ самозваннымъ епископомъ въ то время. Внутреннее состояніе западно-русской церкви представляло благопріятныя условія для появленія подобныхъ личностей, и они являлись не только изъ среды пришельцевъ—грековъ, но и изъ среды мѣстнаго духовенства. Два подобныхъ случая разсказаны въ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи" митрополита Евгенія. Въ 1724 г. монахъ Козелецкаго монастыря Епифаній, лишенный за пороки священства и монашества, бѣжалъ за границу. Онъ явился къ молдавскому митрополиту Антонію и представилъ ему подложную грамоту митрополита кіевскаго Варлаама Ванатовича" съ просьбою, чтобы онъ посвятилъ его во епископы града Чигирина, по желанію якобы козаковъ и съ жалобою на св. Синодъ, якобы унизившій кіевскаго Митрополита въ санъ Архіепископа и проч. Митрополитъ, повѣривъ этой грамотѣ, посвятилъ Епифанія въ санъ епископа чигиринскаго. Епифаній возвратился въ Малороссію и началъ рукополагать многихъ во священство. По распоряженію митр. Варлаама онъ былъ арестованъ, и по опредѣленію св. Синода сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ 1729 г. онъ бѣжалъ, но былъ пойманъ, наказанъ тѣлесно и сосланъ въ Сибирь. Съ дороги ему опять удалось бѣжать, но онъ опять былъ пойманъ и въ 1735 г. заключенъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ въ томъ же году и умеръ [1]).

Въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1751 г. золотоношскій крестьянинъ, ушедшій въ Польшу и тамъ принявшій монашество, а затѣмъ переселившійся на Аѳонъ, возвратился въ Россію подъ именемъ архимандрита Анатолія (санъ этотъ онъ получилъ отъ константинопольскаго патріарха) „для полученія отъ россійскаго двора опредѣленной по штату палестинскому милостынной дачи". Онъ получилъ эту милостыню за всѣ прошлые годы, и кромѣ того особое жалованіе отъ Императрицы, а отъ св. Синода книгу для сбора пожертвованій по Россіи на три года. По истеченіи этого срока, въ 1754 г. онъ получилъ паспортъ для выхода за границу. Въ 1757 г. Анато-

---

[1]) Опис. К. Соф. собора стр. 220—221.

лій уже въ санѣ епископа Мелетинскаго пріѣхалъ въ С.-Петербургъ „подъ предлогомъ нѣкоторыхъ важныхъ пользъ Россійскому Императорскому Престолу." Въ слѣдующемъ году онъ былъ отпущенъ за-границу, но скитался по Россіи и остановился въ Запорожской Сѣчи. Онъ пытался основать здѣсь новую епархію, независимую отъ кіевскаго митрополита и съ этою цѣлью принималъ пришлыхъ изъ Греціи и Молдавіи и друг. мѣстъ. монаховъ и опредѣлялъ ихъ къ мѣстамъ, какъ епархіальный архіерей. Не смотря на запрещеніе св. Синода, козаки поддерживали его и даже выхлопотали сенатскій указъ объ учрежденіи запорожской епархіи. Наконецъ въ 1760 г. указомъ св. Синода предписано было взять Анатолія въ Кіевъ подъ стражу, но „по дѣламъ не видно, чтобы онъ былъ взятъ и привезенъ сюда"[1]).

Всѣ подобные факты, объясняются тогдашнимъ состояніемъ западно-русской церкви. Она переживала въ то время переходный періодъ: старые устои были разшатаны, новыя отношенія еще не успѣли окрѣпнуть. На этой-то почвѣ и возникли такіе продукты броженія, какъ названные выше епископы-самозванцы.

А. Голомбіовскій.

---

[1]) Опис. К. С. собора, стр. 228—230.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи А. В. Марковича. Знакомство мое съ Аѳанасіемъ Васильевичемъ началось очень давно—еще во время нашего студенчества, въ 1844 году. Въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ за 1889 годъ, говоря о профессорѣ Н. Т. Костырѣ, я упомянулъ о Марковичѣ, какъ о знатокѣ малорусской народности, уже тогда отличавшемся горячею любовію ко всему родному, и потому избранномъ Николаемъ Трофимовичемъ для участія въ проэктированномъ нами археологическомъ путешествіи по Малороссіи: ему предназначалась губернія полтавская. По окончаніи университета, въ томъ же 1844 году я оставилъ А. В—ча на четвертомъ курсѣ словеснаго факультета. Оставаясь въ Кіевѣ и послѣ окончанія университета, онъ, по своему настроенію, не могъ не примкнуть къ Кирилло-Меѳодіевскому братству, за что и былъ удаленъ на жительство въ орловскую губернію, гдѣ и познакомился съ будущей своей женой, дѣвицей М. А. Вилинской.

Встрѣтился я съ нимъ послѣ возвращенія его изъ ссылки въ концѣ 1852 года въ Кіевѣ [1]). Служилъ онъ тогда въ Кіевской Палатѣ Государственныхъ имуществъ бухгалтеромъ. Узнавъ о моемъ перемѣщеніи изъ немировской гимназіи во вторую кіевскую, А. В. тотчасъ же явился ко мнѣ и сталъ канючить, чтобы я передалъ ему для напечатанія нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною въ подольской губерніи, такъ какъ въ то время готовился къ печати сборникъ народныхъ пѣсенъ профессоромъ Метлинскимъ. Послѣ этого, впродолженіе двухъ лѣтъ, занятый службой, я встрѣчался съ нимъ очень рѣдко.

---

[1]) Изъ ссылки А. В. былъ возвращенъ раньше другихъ: въ 1851 г. онъ былъ уже въ Черниговѣ на должности корректора Губернскихъ вѣдомостей.

Какъ-то вечеромъ весною 1854 года мы сошлись на террасѣ Андреевской церкви полюбоваться Днѣпромъ и, идя оттуда, зашли къ нему на квартиру. Жилъ онъ тогда на большой Владимірской улицѣ въ домикѣ, уцѣлѣвшемъ какимъ то чудомъ отъ прежняго Кіева доселѣ, пріютившемся подъ брандмауэромъ большого дома Лаппо; принадлежалъ онъ тогда Мандрикѣ. Въ первой комнатѣ сидѣла съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ Марья Александровна. Обстановка квартиры была неособенно богатая. Хотя А. В. занималъ уже въ той же палатѣ должность чиновника особыхъ порученій съ тысячерублевымъ окладомъ, но онъ не переставалъ жаловаться на недостаточность содержанія и высказывалъ желаніе бросить эту службу и поискать чего нибудь получше.

Не прошло послѣ нашего свиданія и недѣли, какъ онъ явился ко мнѣ на Васильковскую улицу съ просьбой принять на квартиру мѣсяца на два брата жены своей гимназиста Митю. Имѣя лишнюю комнату, я согласился взять мальчика на время экзаменовъ безплатно; самъ же А. В. уѣхалъ съ женой изъ Кіева въ с. Коченовку, къ помѣщику В. В. Тарновскому, приглашенный имъ для статистическаго описанія его владѣній. Шваге́ръ его Митя не по лѣтамъ оказался большимъ любителемъ нумизматики и надѣлалъ мнѣ не мало хлопотъ....

Прошли каникулы. Въ началѣ сентября, проходя мимо Братскаго монастыря, въ окнѣ второго этажа Московской гостинницы я увидѣлъ какъ будто знакомое лицо, всматриваюсь—Марья Александровна. Предполагая, что она пріѣхала одна на время изъ деревни, я зашелъ въ нумеръ побесѣдовать; но оказалось, что она съ мужемъ оставили г. Тарновскаго навсегда.

— Аѳанасій, объяснила она, нашелъ, что ему, не имѣя почти никакого дѣла, даромъ брать деньги не приходится и потому мы и уѣхали въ Кіевъ [1]).

Оставшись такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, А. В. поселился съ семьей на Куреневкѣ, въ самой бѣдной лачугѣ, даже безъ дверей, вмѣсто которыхъ входъ въ квартиру былъ завѣшенъ какой то дерюгой. Такая нищета произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Измышляя способы, какъ бы помочь земляку, не оскорбляя его самолюбія, я замѣтилъ на полу въ углу кучку книгъ.

---

[1]) По словамъ настоящаго владѣльца Кочевки В. В. Тарновскаго, А. В. занимался въ Коченовкѣ больше собираніемъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ, чѣмъ статистикой, проводя цѣлые дни на мельницѣ съ помольцами.

— А что это у васъ, А. В., за книги? спрашиваю его.

— А это оставшіяся непроданными пѣсни Метлинскаго.

— А сколько ихъ у васъ осталось?

— Кажется, экземпляровъ 30.

— Хотите, я ихъ продамъ. Кстати въ это самое время мнѣ приходится читать своимъ ученикамъ о народной поэзіи—они ихъ и разберутъ.

Книги эти я взялъ съ собой на извощика и на другой же день черезъ Митю отослалъ А. В. вырученные за нихъ 30 рублей [1]).

На слѣдующій день къ квартирѣ моей, въ новомъ цилиндрѣ отъ Огюста и сиреневыхъ перчаткахъ, подкатилъ на лихачѣ А. В.; подъ мышкой ящикъ бомбическихъ сигаръ, другой—съ сухими конфектами отъ Балабухи и еще что-то въ сверткѣ—такъ что какъ я посчиталъ все, что было куплено, то изъ 30 рублей едва ли что нибудь осталось на продовольствіе.

Ну, думаю себѣ, тутъ не поможетъ никакая субсидія. Нужно придумать что нибудь другое. Посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ сослуживцевъ, я склонилъ въ пользу А. В—ча инспектора казенныхъ училищъ Тулова, который и предоставилъ ему должность учителя географіи въ немировской гимназіи, гдѣ оставались еще на службѣ мои недавніе сотрудники: Теодоровичъ, Барщевскій и Дорошенко, ребята теплые, которые участливо отнеслись къ новоиспеченному учителю и приняли его, какъ говорится, съ распростертыми объятіями, а юный педагогъ Илья Петровичъ Дорошенко даже поселился вмѣстѣ на коммунистическихъ началахъ, вложивъ въ общую кассу всѣ свои заработки.

Зажили мои Марковичи въ Немировѣ припѣваючи. Отсюда то, какъ плодъ обезпеченной жизни, и были отправлены въ Петербургъ приведшія въ неописанный восторгъ Кулиша и Шевченка «Народни Оповидання» Марка Вовчка. Достовѣрно неизвѣстно, кто подъ этимъ псевдонимомъ скрылъ свое имя—мужъ ли, кровный украинецъ, или жена его, орловская уроженка?...

Засимъ немедленно послѣдовала поѣздка въ Петербургъ, оваціи, учиненныя столичными земляками, путешествіе Марьи Александровны

---

[1]) Это были остатки экземпляровъ, полученныхъ отъ издателя за доставленныя ему пѣсни для Сборника, изд. въ 1854 г.

съ сыномъ заграницу и поступленіе Аѳанасія Васил. на службу по акцизу.

И вотъ мнѣ пришлось еще разъ въ жизни встрѣтиться съ старымъ университетскимъ товарищемъ на родинѣ—въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Въ первый годъ своего пребыванія въ этомъ городѣ А. В. квартировалъ въ домѣ сестры моей, недалеко отъ Десны, подъ Замкомъ. Занималъ онъ семейную квартиру въ 3 комнаты съ кухней, частію потому, что со дня на день ожидалъ прибытія изъ заграницы милой подруги, частію ради нерѣдкихъ пріѣздовъ изъ с. Мезина семейства Загорскихъ или точнѣе г-жи Загорской, извѣстной пѣвицы, съ малыми дѣтьми и вѣчно пьянымъ мужемъ. Сестра жаловалась, что посѣщенія эти всегда сопровождались для нея сильнымъ безпокойствомъ, потому что въ то время въ большую комнату обыкновенно вносилось нѣсколько кулей соломы и вся семья ложилась вповалку на полу, при чемъ папаша съ дѣтьми спалъ безъ просыпу всю ночь, а хозяинъ съ мамашей отъ зари до зари «все спивалы, да ставылы самовары», что было весьма небезопасно въ комнатѣ, наполненной соломой.

Въ Новгородъ Сѣверскѣ А. В., помнится, оставался не болѣе двухъ лѣтъ; затѣмъ онъ былъ перемѣщенъ на службу въ Черниговъ и тамъ вскорѣ умеръ, не дождавшись своей «Манычки» и страстно любимаго имъ сына Богданка.

Изъ воспоминаній **М. К. Чалаго.**

Къ исторіи обителей Паисія Величковскаго. Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый (1893) годъ помѣщена была интересная статья князя А. Дабижи подъ заглавіемъ: «Малороссійская обитель на Аѳонѣ». (стр. 34—40). Изложенная въ этой статьѣ краткая исторія Ильинскаго скита, который авторъ называетъ «духовнымъ дѣтищемъ» запорожскаго козачества (стр. 35), къ сожалѣнію говоритъ очень мало объ отношеніяхъ запорожскаго козачества къ своему «духовному дѣтищу». Правда, авторъ включаетъ въ число братіи ильинской обители «не мало старыхъ сѣчевиковъ, разбредшихся по бѣлу свѣту по разореніи ихъ роднаго гнѣзда» (стр. 37); онъ говоритъ также и о «посильной помощи, оказываемой монастырю селившимися въ предѣлахъ Турціи и на Кубани запорожцами» (стр. 38), но объ отношеніяхъ къ скиту «запорожскаго товариства» въ болѣе ранній періодъ, въ періодъ началь-

ной исторіи обители, въ статьѣ ничего не говорится. Случайно встрѣтившійся намъ документъ можетъ нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ въ начальной исторіи ильинской обители и дать нѣкоторое право называть ильинскій аѳонскій скитъ «духовнымъ дѣтищемъ запорожскаго козачества». Документъ этотъ, найденный нами въ архивѣ кіевской духовной консисторіи, представляетъ собою отрывокъ какого-то «дѣла». Содержаніемъ же его служитъ показаніе бывшаго нѣкоторое время монахомъ ильинской обители Гавріила, данное имъ въ кіевской духовной консисторіи въ 1769 году.

Этотъ монахъ Гавріилъ, излагая со всякими подробностями свою біографію, даетъ вмѣстѣ съ этимъ и драгоцѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ запорожцевъ къ ильинскому скиту. Изъ показаній Гавріила мы узнаемъ, что уже въ первое время жизни обители въ числѣ ея братіи были и сѣчовые братчики. Такъ, онъ самъ былъ воспитанникомъ «Матери—Сичи». Прійдя почти пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ туда, онъ жилъ малое время при своемъ отцѣ,—потомъ «приставалъ» то къ одному, то къ другому запорожцамъ, а будучи совершеннолѣтнимъ, самъ «въ сѣчи разними промислами бадался», и, наконецъ, отправился отсюда въ ильинскую аѳонскую обитель и принялъ монашескій санъ. Очевидно, этотъ путь отъ козакованья въ Сѣчи и до строгой подвижнической жизни въ ильинскомъ скиту былъ извѣстенъ сичовикамъ, и значитъ не только по разореніи Сѣчи, но и гораздо раньше они находили въ немъ пріютъ.

Съ другой стороны, изъ автобіографіи монаха Гавріила можно заключать о томъ расположеніи, какое питали къ ильинской обители Малороссіяне и въ частности сѣчевые братчики, не забывавшіе своего «духовнаго дѣтища», но оказывавшіе ему посильную матеріальную помощь. Самъ онъ съ іеродіакономъ ильинской обители Парѳеніемъ, будучи отправлены въ Малороссію для сбора «милостиваго подаянія» на скитъ, въ теченіе цѣлаго года живутъ въ Сѣчи, откуда вызваны были «чрезъ нарочнаго, отъ начальника (скита) Паисія присланнаго». Ясно, что у запорожцевъ существовали тѣсныя и оживленныя сношенія съ ильинской обителью, и особенно съ основателемъ ея знаменитымъ Паисіемъ Величковскимъ, съ которымъ они не прерывали связей и по переходѣ его изъ ильинской обители въ Драгомирну. Отношенія ихъ къ драгомирнской обители—отношенія людей близкихъ, коротко знакомыхъ между собою. Такъ, упомянутый Гавріилъ, уже монахъ драгомирнской обители, съ другимъ монахомъ Спиридономъ и послушникомъ Михаиломъ испрашиваютъ въ

Сѣчи милостыню и, очевидно, чувствуютъ здѣсь себя, какъ дома: живутъ продолжительное время (болѣе двухъ лѣтъ), дѣлаютъ Сѣчь временной своей резиденціей, откуда совершаютъ выѣзды въ другія мѣста (въ Ромны, въ Кіевъ); здѣсь же въ Сѣчи они сохраняютъ и разныя вещи, пріобрѣтенныя ими для своего монастыря, напр.—колоколъ. Такія связи запорожья съ драгомирнской обителью и объясняются тѣмъ, что значительная часть братіи ея была «отъ православно-именитыя страны запорожскія» (Скальковскій. Исторія новой Сѣчи. т. I стр. 176—177), какъ писалъ въ 1768 году въ Кошъ самъ Паисій Величковскій. Извѣстный интересъ также представляетъ указаніе документа и на то, что Паисій перешелъ съ Аѳона въ Драгомирну *«со всею братіею»* ильинскаго скита. Въ данномъ случаѣ показаніе монаха Гавріила не согласно съ утвержденіемъ князя А. Дабижи, что Паисій, «рѣшившись оставить Аѳонъ, съ *большинствомъ иноковъ* отправился искать новаго пріюта въ Молдовалахію (стр. 37). Но свидѣтельство Гавріила, какъ современника описываемаго событія и какъ инока ильинскаго скита, можетъ, по нашему крайнему разумѣнію, заслуживать довѣрія, и тѣмъ болѣе, что оно находитъ для себя подтвержденіе и въ жизнеописаніи Паисія, составленномъ ближайшими и непосредственными его учениками, каковъ, напр., старецъ Митрофанъ. (См. житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго. Изданіе третье оптиной пустыни стр. 15—16). Въ этомъ жизнеописаніи говорится: «егда (Паисій) пріуготовися (къ отъѣзду), наятъ два корабля и вниде во единъ самъ и весь словенскій языкъ, а въ другій же отецъ Виссаріонъ и молдавскій языкъ» (стр. 46). А на эти два языка и дѣлилась только, по сказанію того же жизнеописанія, вся братія обители (стр. 42). Значитъ, на нѣкоторое время скитъ запустѣлъ—что на Аѳонѣ случалось не рѣдко. Такъ, самъ Паисій, вслѣдствіе умноженія братіи, одно время занималъ монастырь Симопетра «бѣ бо празденъ», по замѣчанію жизнеописанія Паисія (стр. 45). Итакъ вся братія ильинскаго скита вмѣстѣ съ нимъ перешла въ Драгомирну. Время этого перехода въ документѣ очень точно опредѣляется; оно падаетъ на іюнь мѣсяцъ 1764 г.

Въ этомъ случаѣ дата, указанная княземъ А. Дабижей, находитъ для себя прочное основаніе, которое тѣмъ болѣе важно, что переходъ Паисія съ Аѳона въ Драгомирну не указывается точно и въ житіяхъ его. Въ виду этихъ указаній нашего документа, небезъинтересныхъ для исторіи основанныхъ Паисіемъ обителей, считаемъ не излишнимъ привести самый документъ.

«1769 года февраля 18 въ канцеляріи духовной митрополіи кіевскія консисторіи по опредѣленію той консисторіи монахъ Гавріилъ Пѣтка допросомъ показалъ: что свѣтское имя ему было Григорій; родился онъ полку миргородского въ мѣстечку Сорочинцахъ отъ родителей званія посполитского отца Самуила Шевца, а матери Зиновіи, крещенъ і миропомазанъ того мѣстечка Сорочинецъ церквы Успенія Пресвятыя Богородицы священникомъ умершимъ Андреемъ; при крещеніи его восприемники: тогожъ мѣстечка Сорочинецъ жители Лазаръ Коваль, мать Дарія Борювна Сущиха. Жилъ онъ Гавріилъ при своихъ родителяхъ лѣтъ до четырнадцати; когда отецъ его оставилъ жену свою и пошолъ въ Сѣчь жить, то мать его Гавріила не могуючи пропитать его отправила къ сестрѣ своей, гдѣ проживалъ онъ мѣсяцей до 9-ти, и отъ оной тетки своей отълучившися и съличившимися тогда сѣчовыми козаками поехалъ въ Сѣчь къ отцу, при которомъ мало поживъ, присталъ къ козаку куреня нижестеблѣевского Павлу прозваніемъ Малому въ службу, и служилъ при немъ годовъ три, а отставши отъ него служилъ же при козаку куреня Куренѣвскаго [1]) Грицку Бѣлому годовъ чрезъ два, после же того самъ въ Сѣчи разними промислами бадался до 761 года, того жъ года, спродавши свое все имущество, поехалъ въ гору аѳонскую съ тѣмъ, чтобъ по своему желанію получить монашескій чинъ въ какомъ либо монастырѣ; куда за прибытіемъ явился скитка святаго пророка Иліи у начальника Паисія и обявилъ свое желаніе о принятіи монашества. Кой Паисій, принявъ въ послушаніе его Гавріила, содержалъ свѣтскимъ при себѣ 762 года до великого поста, а того поста первой седмици въ субботу по его Гавріила прошенію онымъ Паисіемъ съ нареченіемъ имени Гавріилъ Мандійно въ церквѣ оного скитка ильинской постриженъ въ монаха. По постриженіи же въ монашество жилъ онъ Гавріилъ въ томъ скитку чрезъ великій постъ до святой воскресенской, а святами отъправленъ онимъ начальникомъ Паисіемъ съ іеродіакономъ Парѳеніемъ къ его преосвященству нинѣшнему митрополиту кіевскому Арсенію, чтобъ спросить грамоту для спрошенія по кіевской епархіи отъ доброхотнихъ дателей милостивого подаяния на оной ильинской скитокъ, о чемъ отъ цариградского патриархи Кирилла и оного началника Паисія писма

[1]) Этотъ курень назывался Кореннивскимъ (Скальковскій Истор. Нов. Сѣчи т. I, стр. 74) и Коренѣвскимъ (Записки одес. общ. истор. и древн. т. XIV, стр. 655).

его преосвященному нынѣшнему кіевскому оны іеродіаконъ Пареҽеній и монахъ Гавріилъ 762 года въ мѣсяцѣ іюнѣ подали, по которымъ писмамъ отъ его преосвященства для испрошенія чрезъ одинъ годъ на оной ильинской скитокъ милостиваго подаянія граммата и при ней для вписанія дателевихъ именъ книга видана, которую книгу по исходѣ году обратно въ катедралную его жъ преосвященства кантору 1763 года въ мѣсяцѣ іюнѣ оной Гавріилъ (на полѣ: съ іеродіакономъ Пареҽеніемъ) отдали; а отъдавши оную книгу поехали въ Сѣчь и тамъ за болѣзнію его Гавріила проживали 764 года до іюня жъ мѣсяця, пока онъ выздоровѣлъ. По виздоровѣніи жъ извѣстяся они іеродіаконъ Пареҽеній и монахъ Гавріилъ чрезъ нарочного отъ оного началника Паисія въ Сѣчь присланного, что онъ началникъ означенной ильинской, (а по какой причинѣ и по нинѣ онъ монахъ Гавріилъ не знаетъ), оставивъ скитокъ перешелъ со всею братіею Волоской области епархіи Яской въ монастырь молдавскій Драгомирный; поехали и они въ тотъ Драгомирный монастырь, и за приездомъ оному Паисию по означенной книги спрошеныи до 400 рублей денги поручили. Поручивши же тѣ денги оному началнику Паисію, въ томъ монастырѣ Драгомирномъ не отъ-лучно с 764 по 766 года по мѣсяцъ май онъ Гавріилъ жилъ. А того мая 17 дня онъ Гавріилъ да монахъ Спиридонъ съ послушникомъ Михаиломъ съ двома треконними возкамы посланы съ оной обители Драгомирни въ Малороссію для ісправленія нуждъ, о чемъ той обители отъ строителя іеромонаха Паисія свидѣтелство дано, по которому свидѣтелству за приездомъ въ Сѣчь запорожскую по дозволенію кошового онъ Гаврилъ съ онимъ монахомъ Спиридономъ въ Сѣчи запорожской милостиню спрашивали. А между тѣмъ онъ Гавріилъ изъ Сѣчи за пашпортомъ кошового отлучался въ 1767 году мѣсяця априля в городъ Роменъ для куплѣ звона, кой купленъ за шесть сотъ и трицять рублевъ съ денегъ спрошенныхъ четырехъ сотъ и тридцяти, а двохъ сотъ рублей собственныхъ его Гавриила, и оной дзвонъ есть нынѣ въ Сѣчи, какъ въ описѣ показано. А находился онъ Гавриилъ въ той дороги по мѣсяцъ іюль оного жъ 767 года; того же іюля прибывши въ Сѣчь спрашивая милостиню съ онымъ своимъ товарищемъ монахомъ Спиридономъ проживалъ 768 года іюля по 7-е число, отъ того же числа за пашпортомъ кошового приездилъ въ Кіевъ для покупки мухояру, котораго за денги спрошении 16 руб. полтора ста аршинъ и купилъ. Отъехавши же съ Кіева ездилъ въ Роменъ на ярмарокъ Ильинской и тамъ тисячу локотъ накупивъ хришу за спрошенніи

денги 23 руб. отъехалъ въ Сѣчь и пакигдѣ минувшаго 768 года отъ сентября проживалъ по мѣсяцъ октябрь. Не могучи же нынѣ возвращаться в свой монастырь оставя своего товарища монаха Спиридона, онъ Гавриилъ октября 30 дня взявъ пашпортъ зъ Коша поехалъ въ Кіевъ возомъ трековнымъ съ послушникомъ Іваномъ для поклоненія святымъ мощамъ съ тѣмъ, чтобъ когда случится съ нимъ поехать съ Кіева і в монастырь свой . . . . . Прибывши декабря 4 дня въ Кіевъ, (на полѣ написано: въ Кіево-губерской канцеляріи съ онимъ пашепортомъ не являлся) свѣдома капидралнаго кіевософѣйскаго монастыря іеромонаха Рафаила на конюшенномъ дворѣ дней чрезъ два проживалъ, потомъ же по прошенію оного Рафаила и по дозволенію протопопа Кіево-подолского Романа у Кресто-воздвиженского іерея Іоанна сложивши вещи, послушника и возъ стрема лошадми къ Куренѣвскому жителю Никитѣ Перехристу отъправилъ, въ котораго Перехриста послушникъ и одна лошадь съ возомъ находятся и нынѣ, двое жъ лошадей чрезъ више показаннаго Спорника въ Сѣчь отъправилъ къ своему товарищу монаху Спиридону. Онъ же Гавріилъ и по нинѣ квартировалъ у оного іерея крестовоздвиженского. Что праведно показалъ, въ томъ и подписался (другимъ почеркомъ написано). Къ сему допросу монахъ Гавріилъ Питка подписался, а вмѣсто его неграмотно(го) по его прошенію консисторской кіевской канцеляріи копіистъ Іванъ Кияновскій подписался.

П.

Письма А. А. Краевскаго къ Г. Ѳ. Квиткѣ. Въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Кіевской Старины» за 1893 годъ были напечатаны любопытныя письма Г. Ѳ. Квитки къ А. А. Краевскому. Въ дополненіе къ этому собранію представляемъ два отвѣтныхъ письма А. А. Краевскаго, сохранившихся въ архивѣ И. И. Срезневскаго. Несомнѣнно, что два печатаемыя здѣсь письма далеко не обнимаютъ собою всего количества писемъ Краевскаго къ Квиткѣ: наравнѣ съ другими бумагами Г. Ѳ., послѣ его смерти они, вѣроятно, разошлись по разнымъ рукамъ и растерялись [1]). Позволяемъ себѣ надѣяться,

---

[1]) Намъ случилось видѣть подобный примѣръ съ письмами актера Григорьева къ Квиткѣ, часть которыхъ находится въ архивѣ журнала „Русская Старина", часть въ архивѣ И. И. Срезневскаго, часть была въ рукахъ у Г. П. Данилевскаго.

что обладатели другихъ писемъ Краевскаго къ Квиткѣ пополнятъ съ теченіемъ времени печатающуюся на страницахъ «Кіевской старины» переписку этихъ двухъ лицъ.

Вс. С—ій.

1 [1]).

Милостивый государь Григорій Ѳедоровичъ. Душевно буду радъ напечатать въ «Отечественныхъ запискахъ» статью вашу «1812-й годъ въ провинціи» [2]). Предметъ ея въ высшей степени интересенъ и важенъ, и особенное достоинство будетъ—правда, высказанная очевиднымъ свидѣтелемъ. Молодое поколѣніе, къ которому принадлежу и я (мнѣ въ 1812 году было только два года отъ роду), прочтетъ ее съ жадностью, въ старикахъ возбудитъ она отрадныя воспоминанія. Нисколько не останавливаясь, прошу васъ прислать ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Цѣна за листъ оригинальной статьи, какъ вамъ извѣстно, 150 р. ас. Журналы русскіе и иностранные, какіе вамъ угодно, извольте только написать,—будутъ вамъ высланы немедленно. По отпечатаніи статьи сведемъ счеты и вѣрно не останемся другъ у друга въ неоплатномъ долгу. Не знаю, какую форму дали вы статьѣ своей, и потому не знаю, въ какомъ отдѣлѣ журнала она должна быть напечатана. Если по характеру своему она должна быть напечатана въ «наукахъ» (какъ напр. «Головатый»), то я покорнѣйше просилъ бы васъ поспѣшить присылкою ея такъ, чтобъ первую ея половину я получилъ къ 1-му декабря сего года, когда поступаетъ въ наборъ первый нумеръ 1843 года, а вторую—къ 1-му января, для второго нумера; если же она имѣетъ форму повѣсти и идетъ въ «словесность», то время терпитъ до конца января: повѣсть для 1-го № ужъ назначена.

Ожидаю литературной новости, о которой вы пишете. Я читывалъ объявленія г. Бецкаго о «Молодикѣ». Странно, почему онъ не избралъ моего журнала проводникомъ для извѣщенія публики объ альманахѣ его. Неужели Харьковцы такъ не любятъ меня за то, что я, питая полное уваженіе къ малороссійскимъ талантамъ, жалѣю иногда, что они пишутъ не для русской образованной публики, которая бы оцѣнила ихъ, а для тѣхъ классовъ народа, которые говорятъ только малороссійскимъ языкомъ и которымъ едва-ли доступны

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Г. Ѳ. Квитки № 9 („Кіевская Стар"., 1893, № 12, 379—380.

[2]) Повѣсть, напечатанная въ „Отеч. запискахъ" 1843 т. 27, стр. 74—182 (словесность).

ихъ произведенія, слишкомъ для нихъ высокія? Съ душевнымъ уваженіемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Краевскій.

30 окт. 1842 г. С.-Петербургъ.

2.

Милостивый государь Григорій Θедоровичъ. Прошу извинить мою невольную неакуратность. Хлопоты по изданію «Отечественныхъ записокъ» и по преобразованію «Русскаго инвалида», котораго редакцію по литературной части я на себя принялъ, не давали мнѣ свободнаго времени, чтобъ написать вамъ о «1812 годѣ въ провинціи»; но я считаю достаточнымъ съ своей стороны отвѣтомъ посылки, отправленныя къ вамъ давно уже и не знаю, почему до сихъ поръ вами неполученныя. Я нарочно старался пригонять такъ, чтобъ въ особенности шляпка поспѣла къ праздникамъ, но увы! старанія мои, какъ видно, не увѣнчались успѣхомъ. Тогда же отправлены къ вамъ «Pelerin» д'Арленкура и «Утренняя заря» на 1843 годъ. На русскіе журналы и иностранные вы записаны и будете получать ихъ, надѣюсь, аккуратно. Вотъ, однимъ словомъ, счетъ всему, что къ вамъ послано и будетъ посылаться, какъ представила мнѣ контора (кромѣ шляпки, которую покупала моя свояченица):

Шляпка	80 р. — к. [1]
За коробъ и пересылку ея	2 р. 23 к.
Pelerin	5 р. 60 к.
Альманахъ, пересланный вмѣстѣ съ Pelerin	14 р. 70 к.
Библіотека	57 р. 75 к.
Сѣв. пчела	52 р. 50 к.
Маякъ	47 р. 27 к.
Москвитянинъ	45 р. —
Revue Etrangère	87 р. 50 к.
Follet	60 р. 20 к.
Magasin pittoresque	30 р. 10 к.
	482 р. 83 к.
Сверхъ того экземпляръ Отеч. записокъ съ пересылкою къ г. Рындину	55 р. —
	537 р. 83 к.

[1]) Пятью рублями дороже, но, говорятъ, за то очень хорошо сдѣлана.

За все это деньги отданы; слѣдственно, если вы чего нибудь не получите или не будете получать, прошу васъ тотчасъ извѣстить меня и неисправность поправится.

Теперь едва-ли нужно мнѣ говорить, будетъ ли напечатана ваша статья въ «Отечественныхъ запискахъ». Остается просить только о присылкѣ окончанія ея.

На дняхъ вы получите мою толстую визитную карточку на новый годъ, т. е. первую книжку «Отечественныхъ записокъ».

Независимо отъ того поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желая въ немъ вамъ всего лучшаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. А. Краевскій.

7 января 1843. Спб.

Мѣры противъ уменьшенія сборовъ въ кіевскихъ казенныхъ кабакахъ (1775 г.). Кіевская губернская администрація серьезно была встревожена замѣтнымъ уменьшеніемъ съ 1771 г. сборовъ съ продажи питей въ казенныхъ кабакахъ. Откупная сумма за эти кабаки поступила за время съ 1771 по 1775 г. съ недоимкою безъ малаго *въ тридцать три тысячи* рублей [1]). Вступившій съ 1775 г. въ завѣдываніе питейными сборами коронный повѣренный обратился по этому поводу къ генералъ-губернатору съ просьбой, «чтобъ, въ отвращеніе недоборовъ и къ пополненію продажи питей», въ состоящихъ здѣсь монастырскихъ шинкахъ продажа питей была *тѣми же цѣнами*, какими изъ питейныхъ домовъ продаваться будутъ», и

---

[1]) Какое значеніе имѣли эти „недоборы", видно изъ раньше напечатанной замѣтки моей „Казен. кабаки въ Кіевѣ 1721—1734 г." (Кіевская Старина 1893 г. февраль). „Недоборы" эти повторялись, какъ видно, нерѣдко. Изъ одной вѣдомости о сборахъ въ 1723—25 гг. въ „австеріяхъ" гг. Кіева, Нѣжина, Чернигова и Переяслава видно, что въ эти годы „недоборы" оказались повсемѣстно.

Такъ поступило въ 1723 г.—1724 г.—1725 г. (въ рубляхъ отбросивъ копѣйки)

	1723 г.	1724 г.	1725 г.
въ Кіевѣ	7,402 р.	6,092	5,621
— Нѣжинѣ	839	536	264
— Черниговѣ	251	269	230
— Переяславѣ	708	655	365.

Въ казенныхъ „австеріяхъ", кромѣ горячаго вина, продавались табакъ и трубки, карты и деготь. Табакъ для австерій покупался въ Кіевѣ въ 1732 г. по 97 к. за сто папушъ, по 66 к. за пудъ, а въ Нѣжинѣ отъ 47 до 56 к. за пудъ. Карты нѣмецкія покупались въ Кіевѣ по 6 и по 10 к. за игру.

чтобы всѣ жители К. Печерской и Старокіевской крѣпости, военнослужащіе и статскіе, покупали всякіе напитки обязательно въ казенныхъ питейныхъ домахъ, а не въ монастырскихъ или магистратскихъ шинкахъ. Генералъ-губернаторъ, исполняя послѣдовавшій по тому же поводу высоч. указъ отъ 12-го іюня 1765 г., предписалъ оберъ-коменданту, чтобы «всѣ воинскіе служители, мимо казенныхъ питейныхъ домовъ, въ неуказныхъ мѣстахъ вина и другихъ напитковъ не покупали и не корчемствовали», а затѣмъ потребовалъ, чтобы во всѣхъ монастырскихъ шинкахъ питья продавались по той же цѣнѣ, по какой они продаются въ казенныхъ питейныхъ домахъ; губернской же канцеляріи предложилъ, чтобы и она объявила подчиненному ей населенію такое же требованіе. Губ. канц. предписала полицмейстерской конторѣ учинить троекратныя публикаціи, какъ въ Печерскомъ форштатѣ, такъ и въ Старокіевской крѣпости, чтобы живущіе тамъ «разнаго званія великороссійскіе, такожъ купцы, отставные и кто только изъ великороссійскихъ въ вѣдомствѣ оной конторы состоитъ и домашніе ихъ вино, водку и другія продающіеся съ казен. пит. домовъ питья покупали и въ домы свои брали въ оныхъ казен. пит. домахъ, а не въ шинкахъ, дабы чрезъ то отъ уменьшительной съ пит. домовъ продажи не послѣдовало въ казенномъ интересѣ ущербу и въ сборѣ денегъ недобору, а кто сему противное учинитъ, со онымъ поступлено будетъ по силѣ законовъ *и безъ наказанія оставлено не будетъ*, въ чемъ отъ оной конторы каждому объявить въ домѣхъ съ подписками». Такое же объявленіе съ подписками долженъ былъ сдѣлать и въ рейтарской командѣ пр.-маіоръ Мельниковъ, а въ раскольничьихъ слободахъ тамошняя контора [1]).

Возможно, что «недоборы» въ казенныхъ кабакахъ зависѣли, между прочимъ, и отъ личныхъ качествъ откупщика, отъ его матеріальной состоятельности, отъ его распорядительности, а равно и отъ административнаго надзора надъ его дѣйствіями. Въ данное время откупщикомъ былъ валуйскій купецъ Ѳома Зябкинъ, а поручительницей за него являлась Валуйская ратуша, которая обязалась, въ случаѣ неисправности Зябкина, платить ежегодно по десяти тысячъ. Можно думать, что Зябкинъ не былъ «капитальнымъ» чело-

---

[1]) Въ февралѣ мѣсяцѣ Пит. контора просила уже объ обыскѣ обывателей, скрывающихъ корчемное вино. Эта любопытная просьба напечатана въ 3 вып. моихъ „Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр.“ стр. 148.

вѣкомъ и исправностію не отличался [1]). Опредѣленный «къ смотрѣнію» надъ кіевскими питейными сборами со стороны казны рейтарской команды капитанъ Суковкинъ обнаружилъ слабое смотрѣніе и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1776 г. вмѣсто его назначенъ былъ надворный совѣтникъ Никифоровъ, который сразу поставилъ себя во враждебныя отношенія къ откупщику, являясь по отношенію къ нему подозрительнымъ и строгимъ начальствомъ [2]). Уже въ январѣ мѣсяцѣ 1777 г. Зябкинъ жаловался на Никифорова, прямо обвиняя его въ томъ, что своими дѣйствіями онъ является причиной «умаленія» сборовъ.

Въ ноябрѣ 1776 г. два цѣловальника донесли, что Зябкинъ приказывалъ имъ не всѣ выручаемыя деньги бросать въ запечатанный ящикъ, а только часть, другую же доставлять прямо ему въ домъ. По этому поводу поручикъ Климовскій допрашивалъ всѣхъ другихъ цѣловальниковъ, но никто изъ нихъ доноса своихъ двухъ товарищей не подтвердилъ. Зябкинъ объяснилъ, что доносы эти сдѣланы ими по злобѣ, такъ какъ они были наказываемы за подливъ воды въ водку и за «озорничества». Кап. Суковкинъ подтвердилъ такое объясненіе Зябкина.

Жалуясь на дѣйствія Никифорова, питейная контора, «вышедъ изъ терпѣнія» и чтобы не отвѣчать коронному повѣренному (т. е, тому же Зябкину), писала въ Губ. канц. такъ: «и по каковымъ случаямъ онъ, Никифоровъ, дѣлаетъ такіе поступки и навлекаетъ чрезъ то коронному всекрайнѣйшее разореніе и замѣшательство во всѣхъ

---

[1]) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1776 г. Зябкинъ купилъ у сотника Ивана Гудима вина на 1500 р., на каковую сумму и выдалъ вексель на 7 мѣсяцевъ, оставивъ вино въ 28 бочкахъ на хуторѣ Гудима подъ замкомъ, наложивъ на бочки печати свою и капитана Суковкина. Гудимъ не хотѣлъ отдавать вина до уплаты всѣхъ денегъ и не допустилъ поручика Климовскаго до освидѣтельствованія этого вина, а затѣмъ представилъ вексель ко взысканію, а при немъ и росписку Зябкина въ полученіи уже части проданнаго вина (35 боч.). Магистратъ назначилъ было въ продажу домъ Зябкина, но Губ. канц., имѣя въ виду долги Зябкина казнѣ, не разрѣшила этой продажи.

Вообще Зябкинъ покупалъ водку больше въ кредитъ, небольшими партіями и не во время, почему и терпѣлъ убытки (см. „Ист. мат. изъ арх. К. Губ. Пр.“ вып. 6-й стр. 126).

[2]) По просьбѣ Никифорова, об. ком. Ельчаниновъ командировалъ въ его распоряженіе одного оберъ-офицера, одного унтеръ-офицера, капрала и четырехъ солдатъ, такъ что для „смотрѣнія“ у Никифорова была въ распоряженіи значительная команда.

сборахъ, неизвѣстно; да и напередъ сего онъ Н. дѣлалъ въ казен. пит. сборѣ многія неустройства, яко то: ѣздя самъ по всѣмъ пит. домамъ, приказывалъ, чтобъ находящіеся въ пит. домахъ служители питейной конторы повѣреннаго не слушали, для чего онъ Н. тѣхъ служителей и въ домъ свой часто призывалъ и угрожалъ: я де не только васъ, но и повѣреннаго вашего буду сѣчь плетьми, понеже де я во всемъ уполномоченъ; на что оные служители уповая, ни въ чемъ и не слушаютъ, такъ что и въ пит. дома никакъ невозможно пріѣхать для освидѣтельствованія, таковыя ли продаютъ питья, каковыя имъ отпускаются и не бываетъ ли иногда какова примѣсу». Благодаря данной Никифоровымъ потачкѣ служителямъ, народъ «опасается ходить въ пит. домы, а болѣе для питья идутъ въ шинки и *потому въ казен. пит. домахъ часъ отъ часу стала умаляться и продажа напиткамъ и сборъ деньгамъ*». Явившись въ пит. контору, Никифоровъ при зерцалѣ «весьма скверными ругательными и несносными словами повѣреннаго Зябкина невѣдомо почему ругалъ, выговаривая, что онъ съ мужикомъ дѣла никакого имѣть не желаетъ, а чтобъ ему всѣ сборы отданы на его содержаніе». Вообще же, благодаря Никифорову, заключаетъ пит. контора, «здѣшніе казен. пит. сборы приходятъ во всеконечное разореніе».

Никифоровъ же объяснялъ «умаленіе» сборовъ «изнеможеніемъ» откупщика Зябкина, корчемствомъ, подрывомъ со стороны монастырскихъ и магистратскихъ шинковъ и т. п. Несомнѣнно однако, что этому «умаленію» значительно содѣйствовалъ своимъ вмѣшательствомъ въ чисто торговое дѣло самъ Никифоровъ [1]). **А. А.**

Изъ прошлаго Кіево-Межигорскаго монастыря. Извѣстно, что въ прежнее время монастыри являлись иногда мѣстомъ ссылки или заточенія для людей политически «неблагонадежныхъ». Такія лица бывали и въ стѣнахъ К. Межигорскаго монастыря. Объ одномъ изъ такихъ лицъ, о бѣгствѣ его изъ монастыря напечатано было мною свѣдѣніе въ 8-мъ вып. «Ист. матер. изъ архива Кіев. Губ. Пр.» (см. стр. 14). Въ томъ же архивѣ кіев. губ. прав. мнѣ встрѣтился указъ изъ канцеляріи тайныхъ разъискныхъ дѣлъ отъ 18 сентября 1755 г., изъ котораго видно, что въ томъ же Межигорскомъ монастырѣ проживалъ нѣкій іеромонахъ Тюлепанскій, возбуждавшій какое то подозрѣніе, потребовавшее обыска его книгъ и бумагъ. Вотъ этотъ указъ въ Кіев. Губ. Канц.

---

[1]) О проэктѣ его по части казенной продажи питей см. мои „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 6-й стр. 121—130.

«По полученіи сего Е. И. В. указу того жъ часа, посланной при семъ К. Межиг. монастыря къ архимандриту Никонору з братіею за печатью в пакетѣ указъ в тотъ монастырь отправить с нарочнымъ, добрымъ и надежнымъ человѣкомъ, на почтовыхъ подводахъ, и что от показанного архим. Никонора в ту Губ. Канц. для отсылки в тайную контору прислано будетъ, оное с первою почтою прислать в тайн. контору при доношеніи в самой скорости. Да той же Губ. Канц. велѣть помянутому нарочному посланному с позволенія означ. архим. Никонора з братіею в объявленномъ монастирѣ в кельѣ того жъ монастиря іеромонаха Матвея Тюлепанскаго обыскать всякихъ книгъ, писемъ и тетратей и что по обыску его явитца, оное все не смотря и не читавъ ничего запечатавъ своею печатью велѣть же ему привести в Кіев. Губ. Канц., а той Канцеляріи за печатью жъ и ежели немного и послать возможно на почтѣ, то в пакетѣ чрез почту, а буде чрезъ почту невозможно послать, то с нарочнымъ увязавъ в тюкъ и потому ж запечатавъ в твердомъ охраненіи на почтовыхъ подводахъ прислать в Тайн. контору в самой же скорости; и К. Г. Канц. учинитъ о томъ по сему Е. И. В. указу. И дабы во обысканіи вышеупомяненныхъ книгъ, писемъ и тетратей от означ. архм. Никонора з братіею вышеобъявленному нарочно посланному какова препятствія было не учинено, о томъ в вышеписан. посланномъ к тому архм-ту из тайн. конторы указѣ написано имянно». Сундучекъ съ книгами и бумагами, найденными у Тюлепанскаго, былъ доставленъ кіевскимъ рейтаромъ Жуковымъ въ Петербургъ въ тайную контору 10-го октября. **А. А.**

Историческія мелочи. I. *Военнопоходной приказъ генер. обознаго Якова Лизогуба бунчуковымъ товарищамъ.* «1. Всякому щоденно отбирать у пановъ асаулъ лозонъ, и зъ конми своихъ служителей на пашу безъ лозона не посылать, а приказать всякому зъ служителей при коняхъ имѣти списъ и заправное оружѣе. 2. Поочередно всякому пану бунчуковому, по опредѣленію велможного пана обозного енералного, бить готовому на обездній полевій караулъ. 3. Имѣтъ всякому оружже заправное и по едному осѣдланмому коню зъ служителемъ—потчу (почту?) содержать въ готовности. 4. Напередъ зъ подъ знаку не выѣздитъ и назадъ безъ вѣдома не оставатся; такожъ до мѣстечокъ, городовъ и селъ безъ позволенія, самоволне не отъездить. Обозный войсковий енералний Яковъ Лизогубъ. (Приказъ написанъ въ 1733 г., на походѣ, когда Лизогубъ «съ бунчуковыми товарищами и съ полками рушилъ къ Смоленску, заграницу, въ Польшу». Дн. Зап. Як. Марков., I, 408).

II. *Портретъ козака 1644 г.* Въ церквѣ Рождества Богородицы м. Богачки (миргородск. у., полтавск. губ.) въ женскомъ предѣлѣ, виситъ портретъ на холстѣ въ рамахъ, вышиною въ аршинъ, а шириною $^3/_4$ арш., изображающій масляными красками старика въ позѣ—молящагося предъ распятіемъ, колѣнопреклоненнаго и съ сжатыми на груди руками. Вверху портрета надпись: «Тутъ преставился Михаилъ Браславецъ, козакъ его королевской милости, умеръ року 1644 г., декабря 15 дня». По мѣстному преданію Бреславецъ былъ основателемъ м. Богачки. (См. Полтавск. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 8, стр. 288).

III. *Письмо кіевскаго полковника Солонины къ Братскому игумену, 1687.* «Превелебный въ Богу, мосцѣ отче игуменъ братскій киевскій, мой велце ласкавий отче и пріятелю. По росказаню ясневелможного его милости добродѣя пана гетмана, въ листѣ его панскомъ до мене виражонномъ, отдаю вашей превелебности до Карпиловки (остерск. у., черниг. губ.) два присюлки Косачовку и Лутаву (около Карпиловки), а Виповзовъ заставуемъ къ мѣсту (т. е. къ городу Остру). А коли Господь Богъ дастъ здоровье, можемъ ми и лучшіе до того святого вашого мѣсца знайти маетности, при томъ яко здорового вашу превелебность оглядати зичу, такъ его жъ святимъ полѣцаю мене молитвамъ. Вашой превелебности всего добра зычливий приятель Костантій Солонина, войска ихъ царского пресв. велич. запор. кіевскій. З Козелца. Октовріа 1 дня, року 1687». Полковникъ даетъ Братскому монастырю маетности по распоряженію только что поставленнаго на гетманство Мазепы, но тутъ же замѣчаетъ, что онъ, полковникъ, современемъ *лично* дастъ монастырю лучшія маетности. А Мазепа предоставляя Солонинѣ выбрать для Братскаго м-ря маетности, желаетъ этимъ выразить свое вниманіе къ одному изъ старыхъ полковниковъ, передъ которыми онъ въ первые мѣсяцы своего полковничества особенно заискивалъ...

IV. *Племянница Мазепы.* Въ универсалѣ Мазепы 12 января 1708 г. читаемъ: «Превелебная в Богу ей милость панна *Маріанна Вѣтовлавская*, милая *сестриниця*, инокиня монастыря девичого Святовознесенского Печерского Киевского, поблизу кгрунтовъ своихъ в уѣздѣ Козелецкомъ, полъ селомъ Крехаевомъ лежачихъ, маетъ давно уже занятій лѣсъ, прозиваемий Малий Кормилъ, на который просила насъ о потвержателный нашъ унѣверсалъ и оборону, жебы нѣхто того лѣса не пустошилъ....». (Докум. Михайловск. м-ря, въ б-кѣ Кіевск. Духовн. Акад., № 52).

V. *Портретъ гетмана Самойловича на стѣнѣ Густынскаго монастыря, описанный въ 1785 г.* «Въ церквѣ Живоначальныя Тройцѣ, на лѣвой сторонѣ, на стѣнѣ, гдѣ казалница (гдѣ говорены были проповѣди) стоитъ, написанъ портретъ во весь ростъ гетмана Ивана

Самойловича, предъ которимъ на столику изображена гетманская золотая булава и бархатная шапка съ соболимъ околишкомъ. Тамъ же, около головы, написанъ гербъ его—на дворянскомъ щите, въ голубомъ полѣ, три золотіе креста повыше другихъ, а около щита золотые лавры; на верху щита золотой шлемъ и подъ онымъ три бѣліе страусовые пера; коло лавръ стоятъ слѣдующія буквы: І. С. Г. В. І. Ц. В. В. З. Платье на гетманѣ польское, кафтанъ бѣлой золотой парчи, поверхъ оного на епашку алая бархатная шуба, соболями опушоная; руки держитъ сложивши, въ верхъ поднявши». (Изъ замѣтокъ о Густынскомъ м-рѣ, записанныхъ въ 1785 г.).

VI. *Письмо печерскаго архимандрита Іоасафа Кроковскаго къ генер. есаулу Ломиковскому, 1698 г.* «Mosci panie assauł woyska iego carskiey przeswietney msci Zaporozskiego generałny, mnie wielce msci panie y zyczliwy dobrodzieiu.

Przy szczęsliwym powrocie z domu ich mosciow miłych panow synow wmsci msci pana na swiętym mieyscu debita weneratione przywitawszy, modlitwami naswiętszey Panny Matki Bożey przy dobrym zdrowiu felicem studiornm życzę ich mosciom w naukach wyzwolonych continuationem, sumkę sto talery bitych własnie . . . . . . loco od wmsci msci pana wdzięcznie przyiawszy, pokornie dziękuiemy albowiem nie przynależalo na . . . . . . wchodzie z wmscią msci panem przychilney et major . . . . . . ku mieyscu swiętemu y ku sobie samym doznawaiącym . . . . . . iako y w dalszy czas mieyscu swiętemu y nam wielce po . . . . . wmsci msci pana y dobrodzieia upraszamy. Zapis . . . . wmsci msci pana, iako doskonale cum suis . . . . . podpisawszy y do ksiąg urzędowych kiiowskich . . . . . posyłamy wmsci msci panu et fortunatam cum benedict . . . . . domûs zycząc possessionem, panskiey łasce y do . . . . . . iako naypokorniey siebię y na zawsze połeca. . . . . . .

Wmsci mego wielce młciwego pa . . . . . y zyczliwego dobrodzieja zyczliwy bogomodlca y sluga nayniźczy Joasaph Krokowski, archimandryta Pieczarski Kijowski z bracią.

Dat. z manastyra Pieczarskiego

17 7*bris*, anno 1698, februarii 20.»

На оборотѣ: Memu wielce msciwemu panu iego msci panu Janowi Łomikowskiemu, assaułowi iego casarskiey przeswietney mosci woyska Zaporozskiego generałnemu, mnie wielce msciwemu panu y życliwemu dobrodzieiowi pokornie oddac.

Рукою Ломиковскаго: «*Ten list podany 27 februar. 1698, z zapisem na dwor Kijowskij*».

Печерскій архимандритъ Іоасафъ Кроковскій (впослѣдствіи кіевскій митрополитъ) пишетъ генер. есаулу Ломиковскому *попольски* о

возвращеніи въ Кіевъ, съ праздниковъ, сыновей генер. есаула, какъ видно, учившихся въ это время въ академіи, и извѣщаетъ Ломиковскаго о полученіи ста талеровъ «битыхъ», за «кіевскій дворъ», проданный послѣднему лаврою. Напечатанныя курсивомъ слова—писаны Кроковскимъ собственноручно. Съ подлинника въ нашей б-кѣ. Точками обозначены слова отъ времени истлѣвшія.

VII. *Письмо императрицы Екатерины II къ черниговскому епископу, 1781 г.— «Преосвященный епископъ черниговскій Ѳеофилъ.* Генералъ-фельдмаршалъ и малороссійскій губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій по воли моей будетъ съ помощію Божіею открывать правленіе въ намѣстничествахъ Черниговскомъ, въ декабрѣ сего года, Новгородскомъ-Сѣверскомъ, въ генварѣ слѣдующаго 1782 года, по образу отъ меня преднаписанному. Я удостовѣрена, что, ваше преосвященство, не оставите ему въ семъ на пользу отечества устрояемомъ дѣлѣ пособствовать, паче же общими ко Всевышнему молитвами предводительствовать вашими пастырскими, да судъ, правда и благо нами насаждаемое возрастятъ плодъ желаемый, пребывая въ прочемъ вамъ доброжелателная Екатерина. Въ Царскомъ Селѣ, сентября 16 дня, 1781 года. Съ подлиннымъ сводилъ катедралный намѣстникъ Илія».

VIII. *Гдѣ полковники разбирали дѣла своихъ полчанъ, а судьи—гдѣ судили.* Черниговскій полковникъ Богдановъ писалъ въ 1724 г., въ генералную канцелярію: «За бывшихъ прежде мене въ Чернѣговскомъ полку полковниковъ, якъ старшина полковая мнѣ объявила,—полковые по указамъ дѣла отправлялись въ домахъ полковничихъ, а судовые, кромѣ криминалныхъ справъ [1]) (которіе тогда обще зъ магистратовыми урядниками въ ратуши были отправлены) сужены приватне въ домахъ судейскихъ; и въ тѣ поры для отправленія полковыхъ дѣлъ, давалось де въ дворъ полковничій, на свѣчи лою (сала) изъ городовъ Чернѣговского полку, зъ ратушей, а именно: зъ мѣстечка Березной шесть пудъ, а зъ Мены и изъ Сосницы—по полъ четыре пуда». Арх. Генер. канцел., № 2530.

А. Л.

[1]) Т. е. уголовныхъ дѣлъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Крестьянское хозяйство въ кіевской губерніи. (По поводу брошюры И. М. Рева. «Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство», Кіевъ, 1893 г.).

Въ прошломъ году членъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества И. М. Рева издалъ въ свѣтъ свою брошюру о хозяйствѣ крестьянъ кіевской губерніи. Издавая свою книжку, авторъ оговорился въ предисловіи, что предпринимаемая имъ работа «является первой попыткой» въ смыслѣ уясненія экономическихъ условій жизни мѣстнаго сельскаго населенія, отъ которой, при отсутствіи какихъ либо болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ свѣдѣній по этому вопросу, не слѣдуетъ требовать полнаго, всесторонняго и точнаго описанія экономическаго быта данной мѣстности. Цѣль этой работы, по объясненію автора, заключается въ желаніи обратить вниманіе читателей на этотъ бытъ и происходящія въ немъ разстройства, указавъ тѣмъ самымъ на необходимость «отбросить мысль», что если о неблагополучіи кіевскаго крестьянства нѣтъ рѣчей, то слѣдовательно нѣтъ и самаго неблагополучія». Суть въ томъ, что «рѣчей нѣтъ, потому что некому говорить, некому заниматься детальными изслѣдованіями экономическаго положенія крестьянъ. Но было бы въ высшей степени печально, если бы это молчаніе принималось за неимѣніе что сказать и если бы надъ нами стряслась такая же бѣда (голодъ 1891 г. въ 17 черноземныхъ губерніяхъ), какъ надъ восточными крестьянами».

Цѣль предпринятой авторомъ работы весьма почтенна, оговорка его относительно невозможности предъявлять къ его работѣ требованія точныхъ и полныхъ свѣдѣній и категорическихъ выводовъ вполнѣ умѣстна, потому что, при полной почти неизслѣдованности югозападнаго края въ экономическомъ отношеніи, онъ и не

могъ сдѣлать большаго; брошюра, написанная живымъ выразительнымъ языкомъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Она вызываетъ на массу размышленій, и тѣмъ, кто еще не читалъ брошюры, мы позволяемъ себѣ рекомендовать ее, какъ работу, которая при «отсутствіи рѣчей» впервые заводитъ солидную рѣчь о нашихъ экономическихъ недугахъ и ставитъ на очередь, вѣрнѣе сказать, намѣчаетъ, вопросы, подлежащіе серьезному обслѣдованію и обсужденію.

На сколько намъ удалось познакомиться съ бытомъ мѣстнаго крестьянства, мы думаемъ, что, въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, выводы автора справедливы, и расходимся съ нимъ лишь во взглядѣ на значеніе нѣкоторыхъ причинъ, ведущихъ экономическій бытъ нашихъ крестьянъ къ постепенному, но несомнѣнному упадку.

Изложеніе брошюры авторъ начинаетъ съ указанія, что *внѣшніе* признаки экономическаго положенія кіевскаго крестьянства не отвѣчаютъ истинному положенію дѣла, обрисовывая его въ преувеличенно благопріятномъ свѣтѣ: казенные недоимки на кіевскомъ крестьянинѣ ничтожны и несравнимо ниже недоимокъ, накопившихся на великороссійскомъ крестьянинѣ; крестьяне кіевской губ. являются наиболѣе исправными плательщиками крестьянскому банку за дѣлаемыя ими при его помощи земельныя покупки; ссуды изъ хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ берутся кіевскимъ крестьянствомъ сравнительно рѣдко и въ малыхъ размѣрахъ; потребленіе водки въ кіевской губ. значительно; покупка земель крестьянами кіевской губ. и съ помощью и безъ помощи крестьянскаго банка составляетъ нынѣ довольно обычное и распространенное явленіе. Все это свидѣтельствуетъ *повидимому* не о нуждѣ, а объ избыткѣ, среди котораго живетъ кіевскій крестьянинъ.

И однако, человѣкъ, дѣйствительно знающій бытъ мѣстнаго крестьянства, не смотря на такую массу столь вѣскихъ признаковъ избытка и довольства, ни въ какомъ случаѣ, по мнѣнію автора, не рѣшится утверждать, чтобы за этими видимыми признаками избытка не скрывались нѣкоторые существенные и несомнѣнные признаки экономическаго разстройства. Суть прежде всего въ томъ, что благопріятные признаки эти не являются слѣдствіемъ общаго экономическаго благополучія мѣстнаго крестьянства. Несомнѣнно, напр., что благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ политическаго характера выкупные платежи въ юго-западномъ краѣ, а въ томъ числѣ и въ кіевской губ., имѣютъ сравнительно незначительный размѣръ и потому земля плодородная по своимъ природнымъ свойствамъ, легко

несетъ ихъ на себѣ, давая избытки, чѣмъ и объясняется отсутствіе недоимокъ, невозможное тамъ, гдѣ (какъ во многихъ мѣстахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ, напр., губерній) платежи, взимаемые съ надѣла, равны или даже превышаютъ ея доходность. Аккуратность въ платежахъ Крестьянскому Банку объясняется для кіевскаго крестьянства опять же таки тѣмъ, что земля легко сама себя оплачиваетъ. Незначительные размѣры ссудъ изъ продовольственныхъ средствъ зависятъ не отъ отсутствія нужды въ нихъ, а отъ самой организаціи продовольственнаго дѣла вслѣдствіе того, что хлѣбные запасы продовольственныхъ магазиновъ обращены въ капиталы, изъ коихъ полученіе какихъ бы то ни было ссудъ крайне осложнено трудно доступною для крестьянина формалистикою (стр. 18—19). Размѣры водочнаго потребленія не доказываютъ экономическаго благосостоянія кіевскаго крестьянства, потому что высота этого потребленія обусловливается размѣрами—трехмилліоннаго—населенія, наличностью трехъ большихъ городовъ и присутствіемъ многихъ сахарныхъ заводовъ, гдѣ расходъ на вино весьма значителенъ.

Такимъ образомъ перечисленные выше видимые признаки благосостоянія, по мнѣнію автора, не представляютъ еще изъ себя несомнѣнныхъ доказательствъ послѣдняго, а напротивъ *маскируютъ* собою *неприглядную* истину.

«Со времени освобожденія крестьянъ по настоящій моментъ деревня наша весьма значительно измѣнила свою физіономію и въ ней произошли крупныя измѣненія не земельнаго *владѣнія*, а земельнаго *пользованія*. Обстоятельство это . . . . для опредѣленія экономическаго благосостоянія крестьянской массы имѣетъ почти рѣшающее значеніе. De jure, каждая крестьянская семья владѣетъ цѣлымъ недѣлимымъ участкомъ, de facto—ничего подобнаго нѣтъ. За послѣднія 30 лѣтъ въ крестьянствѣ нашемъ образовалась глубокая трещина, въ немъ произошло (самый процессъ этотъ впрочемъ еще далеко не законченъ) разложеніе на 2 діаметрально противоположные лагеря: на крестьянъ достаточныхъ и крестьянъ малоимущихъ». Болѣе бѣдные эксплуатируются болѣе богатыми; земли первыхъ то путемъ долгосрочныхъ и краткосрочныхъ арендъ, то въ видѣ прямой продажи, сопровождаемой обыкновенно досрочнымъ выкупомъ надѣловъ начинаютъ постепенно сосредоточиваться въ рукахъ послѣднихъ. Владѣніе надѣльными землями въ средѣ хозяевъ одного лагеря (маломощныхъ) все чаще и чаще становится только номинальнымъ, фиктивнымъ, такъ какъ надѣлы ихъ только числятся

за ними, фактическими же ихъ владѣльцами являются крестьяне болѣе состоятельные, созидающіе свое благополучіе на поприщѣ пріобрѣтенія и сосредоточенія въ своихъ рукахъ земель маломощныхъ. Малоземелье въ средѣ маломощныхъ увеличивается вслѣдствіе этого все больше и больше, недостаточное количество земли не даетъ средствъ къ существованію, и маломощные хозяева обращаются къ заработкамъ, а на землѣ ихъ накопляются недоимки; чтобы избавиться отъ ихъ накопленія маломощному остается избавиться и отъ послѣдней земли, еще остающейся въ его рукахъ: сдать ее въ аренду или продать на вѣчно болѣе богатому, благо это очень легко сдѣлать, такъ какъ земля «сама себя окупаетъ», и потому каждый состоятельный хозяинъ, въ надеждѣ на несомнѣнный доходъ, арендуетъ или купитъ ее охотно. Сданная такимъ образомъ въ аренду земля, продолжаетъ все-таки числиться за маломощнымъ, который получилъ ее по уставной грамотѣ, а пользуется доходомъ съ нея и платитъ лежащія на ней податныя тягости тотъ, кто ею владѣетъ фактически. Выходитъ, что, благодаря этому, на землѣ не накапливается недоимки, ибо исправный состоятельный домохозяинъ, которому эта земля даетъ противъ платежей избытки, уплачиваетъ подати аккуратно. Но изъ этого не выходитъ однако, чтобы юридическій владѣлецъ земли оставался чистымъ отъ недоимокъ: «неуплата податей влечетъ за собою понудительное взысканіе не съ даннаго крестьянина, а съ даннаго участка земли, отдачу этой земли въ аренду и пр. Такого рода вещь не можетъ быть ни выгодною, ни пріятной фактическому владѣльцу надѣла, и онъ платитъ все, что долженъ платить данный участокъ и при этомъ, конечно, перелагаетъ свой платежъ на якобы собственника, съ обязательнымъ прибавленіемъ громадныхъ процентовъ и такимъ образомъ способствуетъ все большему и большему земельному закабаленію его. И такой порядокъ дѣлъ будетъ *продолжаться до тѣхъ поръ, пока* крестьянская земля, даже при ея нынѣшней безобразной обработкѣ, *будетъ давать избытокъ надъ слѣдуемыми съ нея повинностями и платежами* [1]), т. е. еще очень и очень долгое время, такъ какъ производительныхъ силъ эта земля имѣетъ еще достаточно».

Остановившись на этомъ выводѣ автора съ особою подробностью, чтобы обратить на него вниманіе читателя, такъ какъ ниже намъ придется къ нему возвратиться, будемъ пока продолжать дальнѣйшее изложеніе интересной брошюры г. Рева.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Основываясь на томъ убѣжденіи, что въ дѣйствительной жизни кіевскаго крестьянства юридическое владѣніе надѣльною землею слишкомъ часто не соотвѣтствуетъ владѣнію фактическому, такъ какъ землею этою пользуются на самомъ дѣлѣ не тѣ, которые получили ее по уставнымъ грамотамъ, г. Рева не признаетъ возможнымъ это общее мѣрило крестьянскаго благосостоянія—землю—принять мѣриломъ экономическаго благосостоянія крестьянъ кіевской губерніи. Въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ вполнѣ послѣдовательно и, если только онъ правъ въ своихъ выводахъ относительно громадной разницы между фактическимъ и юридическимъ владѣніемъ землею, то правъ и въ томъ отношеніи, что вмѣсто земли, беретъ количество скота за главное мѣрило экономическаго благосостоянія мѣстнаго крестьянства. Пользуясь данными, собранными мировыми посредниками въ 1891 г. по распоряженію г. генералъ-губернатора юго-западнаго края въ цѣляхъ разрѣшенія вопроса о пастбищныхъ сервитутахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что «ничтожное количество владѣемаго крестьянами кіевской губ. скота указываетъ ясно, что, съ одной стороны, настоящее экономическое положеніе ихъ очень незавидно, а съ другой, имѣются весьма серьезныя данныя предполагать его дальнѣйшее ухудшеніе, особенно, если ухудшенію этому будутъ дѣятельно помогать разнаго рода побочныя обстоятельства, о которыхъ будетъ сказано дальше». Недостатокъ рабочаго скота у крестьянъ приводитъ къ уменьшенію урожайности земель: плохимъ скотомъ, да имѣющимся еще въ недостаточномъ количествѣ и часть котораго притомъ работаетъ по найму на помѣщиковъ, для крестьянъ невозможно удовлетворительно обработывать собственную землю и потому вполнѣ естественно, что собранныя данныя констатируютъ меньшую урожайность крестьянскихъ земель сравнительно съ помѣщичьими того же качества. И чѣмъ беднѣе крестьянинъ, тѣмъ скотъ у него плоше, или тѣмъ скота у него меньше—а слѣдовательно и тѣмъ хуже обрабатывается его земля, тѣмъ худшіе она даетъ урожаи.

Существующее у крестьянъ кіевской губ. подворнонаслѣдственное землевладѣніе не спасаетъ мѣстнаго крестьянина отъ необходимости имѣть общую толоку, общій принудительный сѣвооборотъ и, въ зависимости отъ этого, производить обработку земли и уборку хлѣбовъ не иначе, какъ приблизительно одновременно съ прочими односельцами, какъ того требуютъ условія общаго выпаса, ибо въ противномъ случаѣ хлѣба запоздавшихъ уборкой будутъ потравлены скотомъ, пущеннымъ на стерни. Такими запоздавшими обыкновенно

бываютъ, какъ разъ, наименѣе состоятельные крестьяне. Въ свою очередь, вынужденно-поздняя, въ виду необходимости общаго выпаса по толокамъ, вспашка земли на паръ «препятствуетъ накопленію въ почвѣ влаги и создаетъ благопріятныя условія для гибели посѣвовъ при засухѣ».

«Чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ онъ позже сѣетъ и тѣмъ позже свозитъ съ поля собранный хлѣбъ, т. е. тѣмъ больше для него шансовъ получить плохой урожай и потерять его отъ нерадѣнія и злоумышленности своихъ болѣе зажиточныхъ односельцевъ. Уже одно это обстоятельство нерѣдко заставляетъ малосильныхъ крестьянъ «продавать» свой надѣлъ въ аренду болѣе зажиточнымъ и идти въ батраки самому съ семьею. И совершенно ясно, что разъ въ данномъ селеніи начинается такой процессъ хозяйственнаго разложенія, трудно, даже невозможно ожидать, чтобы онъ самъ собою остановился и не развивался далѣе все болѣе и болѣе усиленнымъ темпомъ. Чѣмъ больше земли скопляется въ рукахъ зажиточныхъ крестьянъ, тѣмъ меньше они имѣютъ возможности обрабатывать своимъ скотомъ, хоть мало-мальски своевременно, поля безлошадныхъ крестьянъ, тѣмъ обработка эта дѣлается позже и хуже и тѣмъ большій процентъ неимущихъ становится въ рискованное положеніе относительно своихъ посѣвовъ и тѣмъ больше является охотниковъ получить за свой надѣлъ арендную плату и «избавиться отъ хлопотъ». Чрезмѣрная чрезполосица только содѣйствуетъ всѣму этому, такъ какъ «при такой земельной разбросанности для безлошаднаго крестьянина представляется весьма серіозная задача сохранить свою экономическую самостоятельность, и здѣсь открывается самое широкое поле для концентраціи надѣловъ въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ и замаскированнаго обезземеленія крестьянской массы». Общая толока и обязательный общій сѣвооборотъ вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ крестьянамъ перейти къ другой, болѣе раціональной системѣ хозяйства, или по крайней мѣрѣ завести посѣвы кормовыхъ растеній. Возможность устроить это имѣютъ лишь нѣкоторыя, болѣе зажиточныя хозяйства, могущія арендуемыя или купленныя ими у сосѣднихъ помѣщиковъ земли, изолированныя отъ общаго крестьянскаго трехполья, обратить подъ улучшенныя культуры. Это однако только способствуетъ увеличенію начавшагося распаденія крестьянства на двѣ разнохарактерныя экономическія группы: на болѣе богатыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эксплуатирующихъ и на болѣе бѣдныхъ—эксплуатируемыхъ.

Фактъ распространенія между крестьянами улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій, радующій многихъ, на самомъ дѣлѣ не даетъ еще права заключать объ общемъ прогрессѣ крестьянскаго хозяйства;—«распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій только тогда могло бы служить признакомъ общаго прогресса крестьянскаго хозяйства, еслибы новыя орудія вполнѣ, или хотя приблизительно соотвѣтствовали цѣнѣ старыхъ, которыя ими замѣняются», такъ какъ только при этомъ условіи они могли бы сдѣлаться достояніемъ массы и такимъ образомъ способствовать массовому повышенію культуры крестьянскихъ полей. Но такъ какъ этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ и такъ какъ улучшенныя орудія эти не могутъ считаться рентабельными въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ибо производимая ими работа не покрываетъ процентовъ на затраченный на ихъ покупку капиталъ и на погашеніе, то и замѣчаемое нынѣ распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій указываетъ не столько на крестьянскій хозяйственный прогрессъ вообще, сколько на усиленіе той же самой экономической розни между крестьянами, о которой говорилось выше. «Пользоваться усовершенствованными земледѣльческими орудіями могутъ только деревенскіе буржуа», и у такихъ крестьянъ, «имѣющихъ возможность копировать пріемы обработки земли, практикующіеся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, урожай хлѣбовъ всегда близко подходитъ къ урожаю на помѣщичьихъ поляхъ, даже часто совпадаетъ съ этимъ послѣднимъ, и это обстоятельство еще болѣе оттѣняетъ низкій уровень урожая, получаемаго крестьянами слабосильными. Отсюда совершенно ясно, что и съ этой стороны, чѣмъ дальше, тѣмъ указанная выше экономическая рознь между крестьянами должна дѣлаться все большей и большей, и въ то время, какъ меньшинство будетъ подыматься вверхъ, теперешніе крестьяне средняго достатка будутъ все болѣе и болѣе приближаться къ неимущимъ, такъ что нѣтъ рѣшительно ничего невозможнаго въ томъ, что въ концѣ концовъ и въ кіевской губ. получится та же картина хроническаго голоданія большинства деревенскаго населенія, которая наблюдается нынѣ въ восточныхъ губерніяхъ. И тамъ, какъ оказывается, голодали не всѣ крестьяне, а голодало большинство, которое сразу послѣ освобожденія, было поставлено въ болѣе неблагопріятныя условія, нежели крестьяне кіевской губ., и которое, вслѣдствіе этого, успѣло скорѣе совершить экономическій путь, обязательный и для большинства кіевскаго крестьянства».

— Въ дальнѣйшемъ затѣмъ изложеніи авторъ приводитъ все новые и новые факты, доказывающіе, во первыхъ, обѣднѣніе мѣстнаго крестьянства, а во вторыхъ—и главнымъ образомъ, все увеличивающееся расщепленіе прежде однородной крестьянской массы на двѣ радикально противоположныя другъ другу группы: маломощную и богатую, эксплуатируемую и эксплуатирующую, изъ коихъ благосостояніе послѣдней съ каждымъ годомъ растетъ все болѣе и болѣе и при томъ растетъ въ значительной мѣрѣ на счетъ первой, тогда какъ экономическое положеніе первой группы все сильнѣй и сильнѣй понижается до окончательнаго обѣднѣнія, при чемъ на этой группѣ, какъ нельзя лучше, оправдывается наша русская пословица: гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Прежде чѣмъ приступить къ ближайшему разсмотрѣнію выводовъ автора, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что запозданіе нашего отзыва о его брошюрѣ обусловлено было желаніемъ, по возможности выяснить на мѣстахъ факты ею констатированные, такъ какъ серіозность возбужденныхъ авторомъ вопросовъ не давала намъ права браться за критику его работы безъ надлежащихъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи дѣла.

— Со времени выхода въ свѣтъ брошюры, намъ удалось побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи и собрать на мѣстахъ кое какія данныя. За отсутствіемъ правильной и точной статистики въ краѣ, потребность въ которой, по нашему мнѣнію (какъ замѣчаетъ и авторъ) дѣйствительно настоятельна, собранныя нами свѣдѣнія, конечно, не могутъ претендовать на полноту и всесторонность, и потому, вступая въ споръ съ авторомъ, мы не можемъ все-таки не пожелать, чтобы этотъ споръ о столь важныхъ вопросахъ былъ скорѣе выясненъ точнымъ и всестороннимъ статистическимъ изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе, пока это будетъ, мы считаемъ себя вправѣ, пользуясь тѣмъ, что у насъ есть, сдѣлать все-таки нѣсколько замѣчаній по поводу цитируемой брошюры г. Рева. Можетъ быть наши замѣчанія послужатъ къ вящшему разъясненію истины и кромѣ того, какъ и брошюра г. Рева, лишній разъ обратятъ вниманіе на вопросъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія нашего края, молчаніе о которомъ, какъ правильно думаетъ авторъ, не представляетъ еще доказательства его «благополучія».

Отчасти повторяя уже сказанное раньше, мы прежде всего должны согласиться съ авторомъ, что подъ его указаніемъ на ростъ неблагополучія и на расчлененіе крестьянской массы на два діа-

метрально противоположные лагеря мы считаемъ возможнымъ подписаться обѣими руками. Къ сожалѣнію, указаніе это по нашему мнѣнію вполнѣ справедливо, и ростъ расчлененія дѣйствительно идетъ crescendo, и причины его именнно тѣ, на которыя указываетъ авторъ, хотя относительное значеніе ихъ и обрисовывается авторомъ не совсѣмъ вѣрно.

Надо сказать прежде всего, что фактическое подтвержденіе на кіевскомъ крестьянствѣ пословицы «гдѣ тонко тамъ и рвется» и факты роста происшедшей въ крестьянской средѣ дифференціаціи на бѣдныхъ и богатыхъ, факты осложненія (за послѣднія 30 лѣтъ) условій крестьянской жизни, перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, увеличенія среди крестьянъ потребности въ деньгахъ и пр.—не представляютъ собою какихъ-либо исключительно *мѣстныхъ* особенностей, такъ какъ однородныя явленія, но только въ значительно большихъ размѣрахъ, совершаются и въ средѣ «восточнаго» крестьянства. Точно также и многія причины, способствующія увеличенію экономической розни (между двумя лагерями мѣстнаго крестьянства), каковы увеличивающееся, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ условій, обезземеленіе значительнаго процента крестьянскихъ семей, концентрація земель у богатѣевъ, лучшая земледѣльческая культура на земляхъ зажиточныхъ, высшая урожайность ихъ земель и пр., тоже не составляютъ чисто мѣстныхъ особенностей края, такъ какъ тоже самое, въ общемъ, замѣчается и у восточнаго крестьянства. Разница лишь въ томъ, что размѣры неблагополучія у послѣдняго достигли нынѣ бо́льшаго развитія, чѣмъ въ нашемъ краѣ—и на это именно и указываетъ самъ г. Рева. Все это причины и условія общія, почему и понятно, что и самый процессъ и тамъ, и здѣсь развивается въ одинаковомъ направленіи, что юго-западное крестьянство идетъ въ этомъ отношеніи по стопамъ восточнаго, къ счастію однако, запаздывая противъ послѣдняго въ увеличеніи наростающаго неблагополучія. Запозданіе это, и по нашему мнѣнію, стоитъ между прочимъ въ зависимости отъ тѣхъ «политическихъ причинъ», которыя въ свое время, побудивъ дать мѣстному крестьянству болѣе обширные надѣлы изъ хорошихъ земель съ небольшими за нихъ платежами, тѣмъ самымъ оказали высокое содѣйствіе устроенію его экономическаго благосостоянія. Эти причины между прочимъ породили то, что надѣлъ мѣстнаго крестьянина и за уплатой податей даетъ избытокъ, но напрасно все-таки г. Рева думаетъ, что это превышеніе доходности земли надъ лежащими на ней платежами есть одна изъ глав-

ныхъ причинъ сосредоточенія надѣльныхъ земель въ рукахъ меньшинства крестьянства, которому выгодно прибирать къ своимъ рукамъ надѣлы, дающіе избытокъ противъ податного оклада. Еслибы это было такъ, то можно было бы думать, что противуположныя условія (когда надѣлъ *не* окупаетъ платежей, на немъ лежащихъ) гораздо выгоднѣе для крестьянства, потому что спасаютъ крестьянскую массу отъ расчлененія на эксплуатируемыхъ и эксплуатирующихъ, т. е. надо было бы предположить, что ухудшеніе условій приводитъ къ улучшенію быта. Однако факты изъ жизни восточнаго крестьянства не даютъ права на такой выводъ. Дифференціація на богатыхъ и бѣдныхъ происходитъ, какъ извѣстно, и тамъ, гдѣ надѣлъ не окупаетъ платежей, и она даже тамъ тѣмъ легче, что бóльшая масса крестьянства терпитъ отъ этого не окупанія и, оказываясь не способной вынести его тяжести, или совсѣмъ сбѣгаетъ съ земли, бросая ее на произволъ судьбы, или, не будучи въ состояніи вести хозяйство, передаетъ ее болѣе богатымъ съ обязательствомъ доплачивать «недохватки противъ податей» изъ своего кармана, добывая для этого деньги заработками на сторонѣ. Существующее въ юго-западномъ краѣ превышеніе доходности надѣловъ надъ платежами, напротивъ, по нашему мнѣнію, еще до извѣстной степени сдерживаетъ начинающееся расчлененіе, охраняетъ мѣстное крестьянство отъ чрезмѣрнаго обѣднѣнія, потому что лучшія условія приводятъ и къ лучшимъ, а не къ худшимъ послѣдствіямъ. Замѣченная же авторомъ концентрація надѣловъ можетъ происходить и при томъ, и при другомъ соотношеніи между доходностью надѣловъ и платежами.

На основаніи наблюденныхъ нами фактовъ, намъ думается также, что авторъ имѣетъ преувеличенное представленіе о размѣрахъ происшедшей разницы между юридическимъ владѣніемъ и фактическимъ пользованіемъ надѣльною землею. Мы не споримъ, что «чѣмъ дальше, тѣмъ въ крестьянскомъ быту владѣніе и пользованіе землею оказываются все болѣе и болѣе несовпадающими».—Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, что ростъ этого не совпаденія постепенно увеличивается, но все-таки въ настоящее время процессъ этотъ среди нашего крестьянства, къ счастію, не достигъ еще столь поражающихъ размѣровъ, какъ это можетъ дѣйствительно показаться на первый взглядъ, и какъ это кажется автору. Размѣры этого явленія значительны и теперь, но пока еще не поражаютъ своею громадностью, если вспомнить при этомъ, что господствующая здѣсь подворнонаслѣдственная форма владѣнія могла только способствовать

его развитію. Печально однако то, что въ самыхъ условіяхъ мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія заключаются обширныя данныя для широкаго роста такого явленія въ будущемъ, въ особенности послѣ того, какъ данный процессъ уже пошелъ crescendo. Суть въ томъ, что само надѣленіе крестьянъ землею, не смотря на указанныя «политическія причины», произведено было на началахъ расчлененія крестьянства на обезпеченныхъ, мало и совсѣмъ не обезпеченныхъ землею и что принципъ этотъ (раздѣленіе на тяглыхъ, полутяглыхъ, пѣшихъ, огородниковъ, бобылей) проведенъ при надѣленіи югозападныхъ крестьянъ, надѣлявшихся при томъ же на подворномъ правѣ, въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ при надѣленіи восточныхъ (крестьяне и дворовые). Оно то и представляетъ собою одну изъ главныхъ причинъ происходящаго расчлененія крестьянства, которое при высокой надѣленности землею, нынѣ далеко еще не достигло бы настоящихъ его размѣровъ, еслибы не это первоначальное раздѣленіе крестьянства на много и малоземельныхъ, на имѣющихъ только огороды и не имѣющихъ ни клочка никакой земли. Оно сразу расчленило мѣстное крестьянство на обособленныя экономическія группы съ различными интересами и даже съ враждебнымъ, какъ показываютъ факты, отношеніемъ другъ къ другу во многихъ мѣстностяхъ. Подворнонаслѣдственная форма землевладѣнія могла только помочь дальнѣйшему расчлененію, потому что каждый дворъ, не смотря ни на семейные раздѣлы, ни на сильное размноженіе членовъ семьи, могъ владѣть только тою землею, которая дана была ему при нарѣзкѣ надѣловъ, тогда какъ при общинномъ землевладѣніи міръ могъ бы произвести уравненіе происшедшихъ неуравнительностей на счетъ надѣловъ болѣе обезпеченныхъ землею дворовъ. По мнѣнію г. Рева въ крестьянской средѣ «увеличилось значительно число душъ, но *не число семействъ*. Въ виду этого толки о крайней раздробленности крестьянскихъ надѣловъ для Кіевской губ. слѣдуетъ признать не имѣющими общаго значенія. Раздробленность есть, но не какъ общее правило, а *незначительное исключеніе*, основывать на которомъ какіе либо общіе выводы не возможно». «Сила не въ раздробленіи надѣловъ, а напротивъ въ концентраціи ихъ въ рукахъ крестьянскаго меньшинства»... «Даже при раздробленномъ на три части надѣлѣ (болѣе мелкое дробленіе встрѣчается очень рѣдко и должно быть признано исключеніемъ) крестьянинъ не лишается еще самостоятельности и можетъ жить, не нуждаясь въ батрацкой службѣ,

ибо 3 морга ежегоднаго посѣва обезпечиваютъ его существованіе, а поденщина даетъ возможность урегулировать повинности» [1]).

Выводъ этотъ о малораздробленности надѣловъ представляется немного сомнительнымъ, если вспомнить извѣстную склонность малороссовъ къ семейнымъ раздѣламъ.

По нашимъ даннымъ количество крестьянскихъ хозяйствъ со времени надѣленія крестьянъ землею болѣе чѣмъ удвоилось—слѣдовательно на каждый дворъ стало надѣльной удобной земли вдвое меньше того количества, какое было отведено на выкупъ. На ряду съ этимъ дробленіе отдѣльныхъ семей достигло значительныхъ размѣровъ: во всѣхъ почти селеніяхъ есть дворы, фактически раздѣлившіеся и раздѣлившіе свои надѣлы на 5—6 частей, и такія семьи составляютъ въ среднемъ, около 10°/₀ общаго числа дворовъ, бывшихъ при надѣленіи землею; дворы же, вовсе не дѣлившіеся, составляютъ нынѣ всего только около одной пятой общаго наличнаго числа ихъ.

При такомъ раздробленіи прежнихъ домохозяйствъ несомнѣнно, что масса пѣшихъ хозяйствъ многихъ деревень можетъ не имѣть и трехъ морговъ ежегоднаго посѣва, и это число малоземельныхъ должно быть еще увеличено на счетъ извѣстнаго процента тѣхъ тяглыхъ хозяйствъ, которыя могли, какъ упомянуто выше, раздѣлиться на 4—5—6 семей, уменьшивъ такимъ образомъ свою высокую надѣленность даже до размѣровъ болѣе низкихъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ изъ раздѣлившихся пѣшихъ дворовъ. Объ огородникахъ же и бобыляхъ и говорить нечего—тѣ и безъ раздѣловъ должны быть причислены къ безземельнымъ.

По нашимъ даннымъ оказывается, что нынѣ, въ ряду общаго числа наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, свыше 20% такихъ, которыя не имѣютъ полевого надѣла и изъ нихъ 8% не имѣющихъ въ томъ числѣ даже и усадьбъ. При этомъ насчитывается сверхъ того около 20% такихъ семей, которыя, при наличности полевого надѣла, имѣютъ его въ количествѣ меньшемъ $^2/_3$ десятины ежегодной посѣвной площади на душу мужскаго пола, или, иначе говоря, въ средѣ наличнаго населенія насчитывается около 40% такихъ семей, которыя по мѣстнымъ условіямъ должны считаться безусловно не обезпеченными. На ряду съ этимъ замѣчается, что наибольшее обезземеленіе произошло въ рядахъ бывшихъ пѣшихъ хозяйствъ,

---

[1]) Курсивъ нашъ.

сравнительно съ тяглыми—какъ болѣе обезпеченными землею, и что въ тоже время изъ числа собственно пѣшихъ наибольшимъ процентомъ безземельныхъ отличаются тѣ группы этихъ хозяйствъ, которыя получили меньшій средній размѣръ надѣла; въ средѣ же болѣе надѣленныхъ, наоборотъ, оказывается меньшая часть безземельныхъ (т. е. и тутъ, «гдѣ тонко, тамъ и рвется»). Отсюда неизбѣжно заключить, что обезземеленіе происходило тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ меньше была средняя обезпеченность хозяйствъ надѣльною землею и что дифференціація, проведенная при надѣленіи крестьянъ землею, только способствовала дальнѣйшему расчлененію крестьянской массы.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, семейные раздѣлы, а слѣдственно и дробленіе надѣловъ происходило въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагаетъ авторъ. Происходя съ большей интенсивностью въ менѣе обезпеченныхъ землею группахъ, они еще болѣе дробили и безъ того малодостаточные надѣлы; крупнонадѣльныя же хозяйства дѣлились меньше, а то не дѣлились и вовсе. Такимъ образомъ расчлененіе обозначалось само собою уже вслѣдствіе однихъ только раздѣловъ, происходившихъ въ такой неодинаковой—для разнообезпеченныхъ землею группъ—пропорціи. Но надо опять таки повторить, что и безъ раздѣловъ расчлененіе уже существовало вслѣдствіе разнаго надѣленія землею. А потому вполнѣ естественно, что въ связи съ прочими условіями, эти двѣ причины могли имѣть даже превалирующее значеніе въ дѣлѣ происшедшей дифференцаціи крестьянской массы.

Если бы при надѣленіи крестьянъ землею въ юго-западномъ краѣ не было сразу же допущено указанное расчлененіе крестьянства на разнообезпеченныя землею группы, то ни г. Рева, ни мы, вѣроятно и теперь еще не считали бы нужнымъ поднимать рѣчь о возрождающемся «неблагополучіи», потому что остальныя условія надѣленія (крупные надѣлы при сравнительно малыхъ платежахъ) могли только содѣйствовать упроченію быта мѣстнаго крестьянства. Существующее же въ краѣ подворно наслѣдственное владѣніе землею, въ которомъ многіе видятъ источникъ благополучія мѣстнаго крестьянства, ни въ какомъ случаѣ не могло оказать какого бы то ни было противодѣйствія этому расчлененію и вообще улучшенію крестьянскаго быта, потому что въ немъ, по нашему мнѣнію, былъ напротивъ, другой источникъ расчлененія и неблагополучія. Сто разъ правъ г. Рева, (стр. 30), указывая на невѣрность укоренившагося въ обществѣ взгляда, что

при подворномъ землевладѣніи открывается будто-бы для крестьянина «широкій просторъ въ способахъ пользованія своею землею и въ возможности улучшенія своей агрикультуры». Правъ онъ вполнѣ, утверждая, что «это—заблужденіе, основанное на теоретическомъ лишь знакомствѣ съ хозяйственною дѣйствительностью подворнаго владѣнія», такъ какъ на самомъ дѣлѣ «подворный крестьянинъ въ возможности пользоваться своей землею стѣсненъ нѣсколько меньше, нежели крестьянинъ—общинникъ, но все же стѣсненъ настолько значительно, что стѣсненность эта является одной изъ весьма серіозныхъ причинъ слабости урожаевъ на крестьянскихъ поляхъ. Подворный крестьянинъ, владѣя своимъ надѣломъ среди надѣловъ другихъ крестьянъ, не можетъ пахать его раньше другихъ своихъ односельцевъ, особенно если вопросъ идетъ о вспашкѣ на паръ—и пр. Мы скажемъ даже больше: крестьяне, надѣленные землею въ подворное владѣніе, совершенно такъ же, какъ и общинники, вынуждены имѣть общія толоки и общій принудительный сѣвооборотъ, при неизбѣжной раздробленности подворныхъ и посемейныхъ участковъ на мелкія полосы въ каждомъ полѣ и въ каждомъ сортѣ полевой земли (такъ какъ и при подворномъ владѣніи наблюдается обыкновенно равненіе по качеству), въ отношеніи веденія своего хозяйства находятся въ *совершенно* одинаковомъ положеніи съ крестьянами—общинниками. Но за послѣдними остается при этомъ то преимущество, что они могутъ до извѣстной степени уравнивать происходящія въ ихъ средѣ нарушенія въ первоначальномъ распредѣленіи земли [1]); подворники же не только не имѣютъ къ тому возможности, но обречены на постоянное увеличеніе разъ появившейся неуравнительности.

Въ виду всего этого, указанное выше неравномѣрное надѣленіе крестьянъ землею въ юго-зап. краѣ въ связи съ подворнымъ владѣніемъ ею, по нашему мнѣнію, и являются главными причинами, въ силу которыхъ намъ уже теперь приходится заводить рѣчь о грядущемъ неблагополучіи мѣстнаго крестьянства; не будь ихъ, крестьянство это, благодаря прочимъ благопріятнымъ условіямъ, вѣроятно, долго еще находилось бы въ «благополучіи», а не слѣдовало бы по сто-

---

[1]) И если бы у „восточныхъ“ общинниковъ были такіе надѣлы и такіе платежи, какъ у юго-западныхъ по дворниковъ, т. е. еслибы это уравненіе наступающихъ неравномѣрностей сводилось у нихъ не къ нарѣзкамъ *квадратныхъ саженъ*, а къ отрѣзкамъ и прирѣзкамъ *десятинъ*, или крупныхъ долей ихъ, то, вѣроятно, и восточное крестьянство имѣло бы силы долго противиться надвигающемуся экономическому разстройству.

чамъ малоземельнаго восточнаго крестьянства къ нынѣшнему неблагополучію.

Такъ ли это, или иначе—рѣшить это наше разногласіе съ г. Рева можно только на основаніи «точныхъ, правильно систематизированныхъ данныхъ». Суть во всякомъ случаѣ въ томъ, что «отсутствіе рѣчей ничего не доказываетъ, такъ какъ «рѣчей нѣтъ», потому что «говорить некому»; а на самомъ дѣлѣ говорить, дѣйствительно есть о чемъ и поговорить заблаговременно: «пока громъ не грянулъ» пока «роса глаза не выѣстъ». Но чтобы говорить, какъ слѣдуетъ нужны точныя систематически собранныя статистическія данныя, нужна организація правильной статистики въ краѣ, необходимо сплошное его статистико-экономическое изслѣдованіе.

Л. С. Л.

Е. Рѣдинъ. Харьковъ—какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи. Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія 1894. 16⁰ 36 стран.

Въ небольшой брошюркѣ, заглавіе которой мы выписали, авторъ говоритъ о Харьковѣ, какъ центрѣ художественнаго образованія юга Россіи, не потому, чтобы Харьковъ въ дѣйствительности былъ такимъ центромъ: указывая на недостаточность и бѣдность имѣющихся въ Харьковѣ художественно-образовательныхъ учрежденій, которыя заключаются только въ одной школѣ рисованія, содержимой на средства одного частнаго лица, въ городскомъ музеѣ, составленномъ главнымъ образомъ изъ одолженныхъ на время Академіей картинъ, и въ музеѣ при университетѣ,—онъ высказываетъ лишь свое желаніе, чтобы Харьковъ, какъ центръ Украйны «поэтической, богато надѣленной красотами природы и населенной даровитымъ, чуткимъ къ изящному, народомъ», сдѣлался и центромъ художественнаго образованія юга Россіи, для чего, по мнѣнію автора, онъ долженъ имѣть поставленную на широкихъ началахъ, хорошо организованную, обезпеченную всѣми средствами школу рисованія [1]) и два музея: одинъ—изящныхъ искусствъ и древностей, который преслѣдовалъ бы цѣли научныя, художествено-историческія, т. е. былъ бы собраніемъ выдающихся

---

[1]) Самый доходъ отъ изданія своей книги авторъ, назначивъ цѣну ея въ 25 коп., предназначаетъ на этотъ же предметъ, какъ видно изъ напечатанныхъ на обложкѣ словъ: „въ пользу *будущей городской школы рисованія*“.

памятниковъ искусства въ различныхъ областяхъ его и различныхъ временъ и народовъ, а также собраніемъ памятниковъ мѣстной художественной старины, и другой—музей художественно-промышленный, который преслѣдовалъ бы цѣли практическія, т. е. былъ бы собраніемъ образцовъ художественно-промышленной дѣятельности.

Подкрѣпляя свою мысль, авторъ указываетъ на Италію, какъ страну, гдѣ процвѣтаніе искусства было обязано именно тому, что въ ней незначительные небольшіе города, рядомъ съ большими, трудились въ далекомъ прошломъ и трудятся теперь въ созданіи школъ искусства, въ поддержаніи ихъ, и каждый болѣе или менѣе значительный городъ имѣлъ свою школу живописи. Въ подтвержденіе же положенія, что именно Харьковъ, а не какой-нибудь другой городъ, долженъ сдѣлаться центромъ художественнаго образованія юга Россіи, авторъ ссылается на мнѣнія В. Н. Каразина, по проэкту котораго однимъ изъ отдѣленій Харьковскаго университета должна была явиться мѣстная академія художествъ, и И. Е. Бецкаго, издававшаго украинскій альманахъ «Молодикъ» и принесшаго въ даръ Харьковскому университету свое собраніе картинъ, числомъ 543, причемъ авторъ приводитъ письмо, которое Бецкій, находясь за границею, написалъ въ отвѣтъ на избраніе его членомъ-корреспондентомъ Харьковскаго университета,

Это письмо И. Е. Бецкаго, извлеченное авторомъ изъ университетскаго архива и впервые появляющееся въ печати, на столько интересно, что мы позволимъ себѣ привести его все цѣликомъ. Вотъ что писалъ Бецкій изъ Ливорно 20 Августа (1 сентября) 1857 года:

«Честь имѣю извѣстить симъ Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго Университета о полученіи мною диплома на званіе члена-корреспондента означеннаго университета, которымъ вполнѣ вознаграждено посильное усердіе мое къ роспрастраненію любви къ искусству въ томъ краѣ славнаго отечества нашего, гдѣ Божіи дары туземцевъ особенно къ тому способствуютъ. Принимая съ живѣйшею благодарностью какъ письменное, такъ и печатное доказательство снисходительнаго одобренія господами членами Совѣта моего намѣренія, изъявляю вмѣстѣ съ симъ мое искреннее сожалѣніе о томъ, что средство, мною избранное къ осуществленію моей мысли, т. е. самое собраніе картинъ, принятое столь благосклонно отъ меня университетомъ, хотя на своемъ мѣстѣ, т. е. *въ краѣ, способномъ воспитать въ юношествѣ врожденный въ немъ художественный вкусъ*, однако въ сущности своей далеко не соотвѣтствуетъ тому совершен-

ству исполненія, которымъ должны отличаться образцовыя художественныя произведенія, поставляемыя на плодотворящее руководство художественнаго класса.

«Не зная въ точности обязанностей, сопряженныхъ съ новымъ моимъ званіемъ члена-корреспондента, пользуюсь однакоже на первый разъ своимъ правомъ письменно объяснить предъ Совѣтомъ причины, побудившія меня предложить университету собранныя мною картины. Господамъ членамъ Совѣта извѣстно, что сіе собраніе было предназначено мною въ рисовальный классъ Харьковскаго университета. Но какъ объ этомъ классѣ въ отзывѣ Совѣта ко мнѣ отъ 25 мая сего года вовсе не упомянуто, то я, находясь за границею, могу усомниться въ дѣйствительномъ существованіи означеннаго класса, между тѣмъ какъ главная моя цѣль состояла въ томъ, чтобы картины мои украшали его преддверіе. Сіе сомнѣніе само собою ведетъ къ изъясненію мнѣнія о томъ, что буде художественный классъ не существуетъ при Харьковскомъ университетѣ, то *полезно было бы оный учредить*, на томъ основаніи, что *малороссіянину суждено быть великимъ на полѣ искусства*, природа такъ указываетъ, академики приговорятъ, а о томъ, кто благословитъ и покровительствовать будетъ, кажется, смотря на дипломъ, пожалованный мнѣ Совѣтомъ, и говорить не слѣдуетъ по силѣ русскаго сердца и указу Карамзина [1]).

«Здѣсь впрочемъ можетъ быть возраженіе: *отчего въ Харьковѣ.* Развѣ врожденный талантъ не проложитъ самъ себѣ пути, по примѣру Ломоносова, къ Васильевскому Острову и отъ памятниковъ Петра и Николая не шагнетъ прямо въ Римъ?—Конечно, и то можетъ быть: не только можетъ быть, но и было, и есть. Такова сила, Божіею милостію, при такихъ дарованіяхъ, какія проявили себѣ въ «Послѣднемъ днѣ Помпеи», въ «Іоаннѣ Крестителѣ на островѣ Патмосѣ», въ «Преображеніи», недавно въ Римѣ оконченныхъ [2]) Но кажется, что это возраженіе не опровергаетъ той истины, что первоначальное опредѣленіе призванія къ художественному дѣлу много зависитъ отъ обстановки первоначальнаго воспитанія. Воспитывать же способныхъ къ искусству должно если не съ колыбели, въ которой «художники родятся», то по крайней мѣрѣ съ того возраста, въ который дается въ руки азбука. А художество имѣетъ свою собственную азбуку и своего

---

[1]) Карамзинъ, какъ извѣстно, не совѣтовалъ называть по именамъ живыхъ выдающихся дѣятелей.

[2]) Очевидно, разумѣются картины Брюллова и Иванова и гравюры Іордана съ картины Рафаэля „Преображеніе“, исполненая имъ въ Римѣ въ 1850 году.

рода книги и ученіе, какъ главное, такъ и вспомогательное. Если завести въ Харьковѣ, на подобіе Москвы, классъ для первоначальнаго художественнаго образованія, то нѣтъ сомнѣнія, что природныя наклонности, свойственныя самому климату и натурѣ южнаго человѣка, и обнаружатся, и разовьются».

О, еслибы когда-нибудь оправдались эти около сорока лѣтъ тому назадъ написанныя и такъ пріятно звучащія для насъ слова, что «малороссіянину суждено быть великимъ на полѣ искусства»!

Конечно, В. Н. Каразинъ и И. Е. Бецкій были глубоко правы, находя, что одной академіи художествъ, устроенной на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ въ теченіе полугода вслѣдствіе слишкомъ короткихъ зимнихъ дней и тумановъ художники бываютъ почти лишены возможности пользоваться при своихъ работахъ яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, который такъ необходимъ для этихъ работъ, что и сказывается въ замѣчаемой у многихъ русскихъ художниковъ бѣдности колорита и что побуждаетъ другихъ переселяться для болѣе успѣшной дѣятельности съ туманнаго сѣвера на свѣтлый югъ,—что одной этой академіи художествъ слишкомъ недостаточно для процвѣтанія художествъ въ обширной Россіи. Конечно, въ интересахъ развитія русскаго искусства и грядущей славы его, южная Русь, какъ представляющая, сравнительно съ сѣверною, болѣе благопріятныя условія для художественной дѣятельности, должна бы была имѣть свою академію художествъ. Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о мѣстѣ для такой академіи. Автору разбираемой нами книги кажется, что Харьковъ, какъ центръ Украйны, долженъ быть и центромъ художественнаго образованія юга Россіи; а намъ думается, что Харьковъ составляетъ центръ только Слободской Украйны, центромъ же всей мѣстности, населеніе которой говоритъ украинскимъ нарѣчіемъ, является не Харьковъ, а Кіевъ, и что, если академія художествъ должна существовать на югѣ Россіи, то именно въ Кіевѣ, а не въ другомъ городѣ. Но не будемъ спорить съ авторомъ: наши разсужденія вѣдь не создадутъ академій; это—только наши pia desideria, которыя никого ни къ чему не подвинутъ, также какъ ни къ чему не подвинули появлявшіяся въ печати указанія на самую настоятельную необходимость устройства въ Кіевѣ музея. Ужъ сколько разъ высказывались эти желанія, сколько цѣнныхъ собраній памятниковъ художественной старины, которыя могли бы сдѣлаться достояніемъ этого музея, разсѣялись или погибли. И теперь есть люди, которые, обладая драгоцѣнными собраніями памятниковъ старины, охотно были

бы готовы принесть ихъ въ даръ кіевскому музею, еслибъ онъ существовалъ; можетъ быть, и эти драгоцѣнныя собранія погибнутъ. А дѣло устройства въ нашемъ городѣ музея все-таки не двигается.

По связи одного искусства съ другимъ, вспоминаются намъ разсужденія одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ музыкальныхъ дѣятелей, которыя онъ высказывалъ какъ здѣсь, въ Кіевѣ, на одномъ обѣдѣ, такъ и въ Петербургѣ, въ бесѣдѣ съ знакомыми намъ профессорами консерваторіи—о томъ, что Кіевъ непремѣнно долженъ имѣть свою музыкальную консерваторію, что петербургская и московская консерваторіи успѣшно исполняютъ свое назначеніе, вырабатывая артистовъ инструментальной музыки, но онѣ не могутъ достигать такихъ же результатовъ въ вокальномъ отношеніи—вслѣдствіе климатическихъ условій, которыя для развитія хорошихъ голосовъ не на столько благопріятны тамъ, какъ на югѣ, и потому не онѣ, а будущая кіевская консерваторія современемъ будетъ поставлять для Россіи пѣвцовъ. Развивая свои положенія, этотъ почтенный музыкальный дѣятель высказывалъ и свою готовность всячески содѣйствовать дѣлу преобразованія существующаго въ Кіевѣ музыкальнаго училища въ консерваторію. И всѣ эти хорошія слова остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а причина все та же: недостатокъ средствъ.

Этимъ отсутствіемъ средствъ приходится объяснять, почему въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, которые прошли послѣ того, какъ В. Н. Каразинъ и И. Е. Бецкій мечтали о насажденіи художественнаго образованія въ Малороссіи, до сихъ поръ ни въ одномъ изъ южнорусскихъ городовъ не устроилось ни такого музея, который вполнѣ удовлетворялъ бы своему назначенію, ни широко поставленной художественной школы съ организаціею подобною, если не петербургской академіи художествъ, то по крайней мѣрѣ московскому училищу живописи и ваянія. И перечитывая письмо Бецкаго, невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего-же зависитъ этотъ недостатокъ средствъ? Неужели край, о которомъ Бецкій говорилъ, что въ немъ Божіи дары туземцевъ особенно способствуютъ развитію искусствъ и что сама природа его указываетъ, чтобъ эти туземцы сдѣлались великими на полѣ искусства,—неужели весь этотъ край въ дѣйствительности такъ бѣденъ, неужели въ немъ нѣтъ людей, обладающихъ такими средствами, при которыхъ осуществленіе предположеній объ устройствѣ музея или художественныхъ школъ возможно и легко? Или они есть, но имъ нѣтъ дѣла ни до исторіи, ни до искусства?

Можетъ быть, имъ никогда не приходила въ голову мысль о томъ, что ничѣмъ другимъ они не могли бы въ такой степени увѣковѣчить свое имя въ потомствѣ, какъ устройствомъ хорошаго музея. Многіе-ли, напримѣръ, знаютъ теперь подробности жизни и служебной дѣятельности Н. П. Румянцева и кто изъ грамотныхъ людей не знаетъ этого-же Румянцева, какъ устроителя того музея, надъ входомъ въ который красуются слова: «отъ государственнаго канцлера графа Румянцева на благое просвѣщеніе». Точно также никогда не забудется и всегда съ признательностью будетъ вспоминаться всѣми, кому дороги интересы русскаго искусства, имя другого жертвователя— Третьякова, недавно обогатившаго Москву своею замѣчательною картинною галлереей. И какое честолюбіе, казалось бы, не можетъ удовлетвориться отъ сознанія возможности своимъ пожертвованіемъ содѣйствовать благосостоянію города и успѣшному развитію изящныхъ искусствъ въ краѣ. Даже обидно дѣлается, когда подумаешь, какъ много можетъ иногда сдѣлать пожертвованіе суммы, которую иному богачу ничего не стоитъ бросить, и какъ отъ такого пожертвованія можетъ зависѣть дальнѣйшая судьба города и цѣлаго края. Чѣмъ, напримѣръ, былъ бы теперь Харьковъ, еслибъ въ свое время харьковское дворянство не вздумало пожертвовать 400 т. рублей на устройство въ Харьковѣ университета и еслибъ осуществившійся вслѣдствіе этого университетъ, вмѣсто Харькова, устроился въ другомъ городѣ? Можетъ быть, это былъ бы городокъ въ родѣ Чернигова; а открылся университетъ—это совершенно измѣнило положеніе не только Харькова, но и всей окружающей его мѣстности; и теперь высказываются желанія, чтобы Харьковъ сдѣлался центромъ художественнаго образованія юга Россіи.

Что-же, если судьба не посылаетъ Кіеву щедрыхъ радѣтелей о его лучшемъ будущемъ, пусть будетъ счастливѣе Харьковъ; и благо будетъ тому городу, который изыщетъ средства для устройства въ надлежащемъ видѣ художественно-образовательныхъ учрежденій и сдѣлается дѣйствительнымъ центромъ художественнаго образованія юга Россіи.

Н. Ш—въ.

Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Имп. Моск. Археологич. Общ. 1893 г. №№ 7—12.

Въ указанныхъ нумерахъ «Извѣстій и замѣтокъ» помѣщено довольно много свѣдѣній, касающихся юга Россіи, сообщающихъ о случайныхъ находкахъ разнаго рода древностей, систематическихъ

раскопкахъ, новыхъ пріобрѣтеніяхъ музеевъ, засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и т. п. Изъ сообщеній упомянемъ: о раскопкахъ г. Бохенскимъ кургановъ у д. Кульпинки Елисаветградскаго у. Херсонской губ; нельзя сказать, чтобы раскопки производились вполнѣ научно, это видно напр. изъ того, что г. Бохенскій уступилъ раскопку мѣстнымъ крестьянамъ, условившись подѣлить съ ними поровну тѣ сокровища, которыя ими будутъ найдены (№ 7—8 двойной); г. Фурсовымъ помѣщена замѣтка о произведенныхъ имъ систематическихъ раскопкахъ въ Могилевской губ. (№ 12); отрадно встрѣтить извѣстіе, что въ Херсонѣ, по инициативѣ секретаря губернскаго статистическаго комитета В. И. Гошкевича, положено основаніе археологическому музею при комитетѣ; въ настоящее время музей заключаетъ около 1000 предметовъ, сюда вошли древности изъ Ольвіи, кремневые, бронзовые (между прочимъ формы для литья, фрагменты сосуда, въ которомъ плавилась бронза) и желѣзные предметы, собранные на песчаныхъ дюнахъ между г. Алешками и Кинбурнской косой, предметы, собранные на пескахъ близъ села Вышенки Остерскаго у. Черниговской губ., нѣсколько вещей изъ кургановъ близъ д. Могилиной, Днѣпровск. у. Таврич. губ., обломки шиферной плиты съ греческой надписью изъ Херсона (изображеніе ея помѣщено въ № 11), казацкіе списъ и келепъ, разныя монеты и т. п. (№ 7—8); затѣмъ идутъ извѣстія: о найденныхъ недавно въ Кіевѣ издѣліяхъ человѣка древне-каменнаго (палеолитическаго) вѣка, обслѣдованныхъ проф. Антоновичемъ и проф. Армашевскимъ (№ 12); о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора (№ 7—8); объ уничтоженіи въ Кіевской губ. памятниковъ церковной старины (№ 11); наконецъ, мы находимъ (№ 11) сообщеніе (С. О. Долгова) о новомъ пріобрѣтеніи московск. Румянцевскаго музея. Въ виду большого интереса, какой представляетъ это пріобрѣтеніе, мы остановимся на немъ подольше, заимствуя все болѣе существенное изъ замѣтки г. Долгова: Румянцевскимъ музеемъ пріобрѣтено рукописное Евангеліе, которое среди датированныхъ Евангелій этого рода займетъ почетное мѣсто: его слѣдуетъ поставить тотчасъ за галицкимъ евангеліемъ 1266 г. Публичной Библіотеки, или даже передъ нимъ, такъ какъ время написанія послѣдняго опредѣляется лишь приблизительно, по времени княженія Льва Даниловича Галицкаго (1266—1301), настоящее же евангеліе писано въ то же княженіе и имѣетъ опредѣленную дату—1282 г. Евангеліе это принадлежитъ ко числу памятниковъ письма галицко-волынскаго и по имени писца

его можно назвать Евсевіевымъ. Евангеліе писано на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, на 140 листахъ; по типу Евсевіево евангеліе относится къ числу евангелій апракосъ, т. е. такихъ, гдѣ чтенія расположены по порядку не евангелистовъ, а недѣль года; въ концѣ помѣщенъ мѣсяцесловъ начиная съ сентября; изъ русскихъ святыхъ занесены въ мѣсяцесловъ, только свв. Борисъ и Глѣбъ подъ 24 іюля. Очень интересна запись на 62 листѣ, открывающая имя писца и время написанія: «Въ лѣт(о) 6791 (=1282). Сконечашася книги сия м(ѣся)ця октяб(ря) 15 д(е)нь с(вята)го Люкияна прозвютора. Бл(а)гословить, а нѣ кленѣть, а кеде боудоу исекривило исправляте. Си же писало Евсивии поповиче с(вя)таг(о) Иоана, азъ грѣшнии — Г(оспод)и помози рабоу своему! — Коли ся женило Горши князе, а о(те)цъ ему в Оугры ходило, тогды скончашася книги сия». Историческія данныя, заключающіяся въ этой записи, подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, занесенныя продолжателемъ Ипатьевской лѣтописи. Около 1282 г., по свидѣтельству лѣтописи, татарскіе ханы Ногай и Телебуга, по просьбѣ Куманскаго князя Олдамура, двинулись чрезъ Галицко-Владимірскую землю и вторглись въ Венгрію. Всѣ почти князья галицкіе должны были присоединиться къ татарскому войску; былъ въ томъ числѣ и кн. Левъ Даниловичъ, сынъ знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго и отецъ того князя Юрія, о которомъ говорится въ записи. Нѣсколько ранѣе Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ и о намѣреніи князя Юрія Львовича жениться. Именнно, подъ 1281 годомъ тамъ разсказывается слѣдующее: Кондратъ, князь Угрско-Мозовецкій, просилъ помощи у Владиміра, кн. Владимірскаго, противъ Болеслава Плоцкаго; тотъ согласился и, въ свою очередь, просилъ о томъ же «сыновца» своего Юрія, а Юрій ему отвѣтилъ такъ: «Строго мой, рабъ быхъ и самъ съ тобою шелъ, но нѣколи ми: ѣду господине, до Суждаля жениться». Женитьба эта состоялась въ 1282 году, какъ свидѣтельствуетъ наша запись. Дальнѣйшая судьба евангелія слѣдующая: вскорѣ по написаніи евангеліе было куплено нѣкимъ Константиномъ Манойло, повидимому молдаваниномъ; въ 1600 году оно было пожертвовано воеводой Стефаномъ въ какую-то церковь (подпись вытерта); затѣмъ находилось въ старообрядческомъ монастырѣ въ Слатинѣ.

«Археологическія извѣстія и замѣтки» продолжаютъ издаваться и въ настоящемъ 1894 году. Желательно, чтобы кругъ читателей

ихъ расширился, этимъ самымъ увеличится число корреспондентовъ и увеличится количество оригинальныхъ сообщеній. **В.**

Dr. Fr. Pastrnek. Bibliographische Uebersicht über die Slavische Philologie 1876—1891. Берлинъ 1892. (Библіографическій обзоръ славянской филологіи).

Книга эта явилась въ видѣ приложенія къ извѣстному изданію г. Ягича «Archiv für Slavische Philologie». Для читателей этого «Архива» она является необходимымъ пособіемъ въ качествѣ указателя къ содержанію этого изданія за 15 лѣтъ его существованія, а какъ важны подобные указатели, знаетъ всякій, кому приходится имѣть дѣло съ повременными и неповременными учеными изданіями... Но кто пожелалъ бы найти въ разсматриваемой книгѣ полный критико-библіографическій справочникъ всего, что явилось въ литературѣ славяновѣдѣнія за время 1876—1891 г., тотъ изрядно ошибся бы въ своихъ ожиданіяхъ. Я уже не говорю о томъ, что до нельзя краткіе отзывы имѣются далеко не при всѣхъ указываемыхъ книгахъ, лучше сказать, лишь при немногихъ; но книга просто очень и очень неполна въ смыслѣ даже простого перечисленія всѣхъ явленій литературы славяновѣдѣнія за указанное время, и въ этомъ легко убѣдиться едва-ли не всякому русскому автору трудовъ изъ этой научной области.

Указаніе нерусскихъ работъ по Славяновѣдѣнію болѣе обстоятельно и полно. Нижеслѣдующія краткія замѣчанія послужатъ къ обосновкѣ высказаннаго нами мнѣнія, причемъ мы должны заявить, что эти замѣчанія вообще мы могли бы развить до любыхъ размѣровъ, здѣсь же приводимъ лишь болѣе любопытныя для читателей нашего изданія.

На стр. 211—212 приводятся библіографическія данныя по Малорусской литературѣ, поражающія своей скудостію. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни книги г. Дикарева «Очеркъ Воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украйнорусскимъ нарѣчіемъ» (нѣтъ ея и на стр. 67—78, гдѣ приводятся библіографическія данныя по русскому и малорусскому язз.), ни книжки «Вѣкъ XIX въ діяхъ рускоі літератури» (Львовъ 1880 г.) ни книжки М. Комарова «Покажчикъ новоі украінскоі літератури» (1798—1883 г.) Кіевъ 1883 г. (а книжка эта очень могла бы пригодиться г. Пастрнеку), ни даже указанія на превосходный разборъ книги г. Н. Петрова «Очерки исторіи украин-

ской литературы 19 столѣтія» Кіевъ 1884 г., сдѣланный Н. П. Дашкевичемъ по порученію Академіи Наукъ Отзывъ о сочиненіи (г. Петрова), тогда какъ небольшая замѣтка г. Поливки о книгѣ Петрова, помѣщенная въ Елинковомъ изданіи «Slovansky Sbornik» (Прага, 1884 г. 448 стр.) удостоилась упоминанія... Пропущена также въ надлежащемъ мѣстѣ книжечка г. Бѣленькаго «Опись церк. богослужебныхъ книгъ, принадлежащихъ Комитету Описанія Подольской епархіи, 1876 г. т. 8, стр. 14, оттискъ изъ Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей» (книжка его же «Сербская граматика по восточному говору» Каменецъ-Подольскъ 1877 г. тоже пропущена). О пропускѣ брошюръ, въ родѣ, наприм., книжечки г. А. Лисовскаго «Опытъ изученія малорусскихъ думъ» (Полтава 1890 г.) мы уже и не говоримъ, равно какъ и о томъ, что читатель напрасно сталъ бы искать въ книгѣ г. Пастрнека также указанія на многія любопытныя журнальныя статьи по малорусской литературѣ, хотя въ другихъ случаяхъ подобныя статьи приводятся.

А. Степовичъ.

С. Блекловъ. «За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика». Москва, 1894, ц. 1 р.

Земскій статистикъ г. Блекловъ, производившій земско-статистическія изслѣдованія въ двухъ губерніяхъ (одной южной, малороссійской и одной сѣверной великорусской), издалъ свою книжку, какъ видно изъ предисловія, съ тою цѣлью, чтобы ознакомить читающую публику съ пріемами земско-статистическихъ изслѣдованій. Эпиграфомъ къ ней онъ взялъ между прочимъ цитату изъ «подворной описи козелецкаго уѣзда»: «статистическій матеріалъ имѣетъ какую-нибудь цѣну только въ томъ случаѣ, если онъ достаточно вѣренъ, а судить объ этомъ можно, *только ознакомившись съ пріемами собиранія этого матеріала*».—Въ этомъ и заключается задача автора, который желаетъ познакомить читателя во всѣхъ главнѣйшихъ подробностяхъ съ методами и пріемами производившагося изслѣдованія, изобразивъ, «какъ нами производились земско-статистическія изслѣдованія, какія трудности намъ приходилось одолѣвать, какое отношеніе къ нашему дѣлу мы встрѣчали».

Съ этою цѣлью авторъ ведетъ свое изложеніе въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ въ дѣйствительности производятся статистическія изслѣдованія: начиная съ пріѣзда изслѣдователей въ во-

лостное правленіе для предварительныхъ выборовъ необходимыхъ свѣдѣній изъ книгъ и документовъ, переходя къ подворной переписи населенія и кончая составленіемъ пообщиннаго или поселеннаго бланка. Въ этомъ порядкѣ расположены и отдѣльныя главы книжки: «Первые шаги; подворная перепись; поселенный бланкъ; посредники; внѣ программы». Въ послѣднихъ двухъ главахъ приводятся характеристики сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, являвшихся въ извѣстной мѣрѣ «посредниками» между народомъ и статистиками, и приводится рядъ фактовъ, наблюденій, разговоровъ, встрѣчъ, характеризующихъ отношеніе населенія къ дѣлу собиранія статистическихъ свѣдѣній, и пріемы, употреблявшіеся статистиками для открытія истины, для побужденія мужиковъ говорить правду.

Избранный авторомъ способъ послѣдовательнаго изложенія всего хода статистическихъ работъ, хотя и имѣетъ то преимущество, что не оставляетъ ничего недосказаннаго и вводитъ читателя въ кругъ всѣхъ статистическихъ операцій, несомнѣнно имѣетъ въ тоже время тотъ недостатокъ, что дѣлаетъ изложеніе болѣе сухимъ, чѣмъ бы это могло быть при изображеніи только ряда отдѣльныхъ наиболѣе живыхъ и характерныхъ эпизодовъ и картинокъ изъ наблюденій земскаго статистика. Въ этомъ отношеніи печатавшійся въ приложеніяхъ къ «Недѣлѣ», кажется за 1886 или 1887 г. рядъ очерковъ подъ общимъ именемъ «На развалинахъ стараго» производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, хотя и не даетъ, конечно, общаго представленія о всемъ ходѣ работъ.

Книжка Блеклова написана весьма правдиво, съ полнымъ знаніемъ народной жизни и статистическихъ пріемовъ, и изображаетъ ходъ земскостатистическихъ работъ въ надлежащей послѣдовательности, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній. Нельзя не пожалѣть, что она явилась очень поздно: въ то время, какъ во многихъ губерніяхъ земскостатистическія работы или закончены, или приходятъ къ концу. Въ смыслѣ ознакомленія съ пріемами работъ, со всѣмъ ихъ ходомъ, съ степенью достовѣрности собираемыхъ данныхъ она бы могла имѣть весьма серіозное значеніе въ тотъ періодъ, когда земская статистика только начинала свое существованіе въ большинствѣ земствъ и когда некому было разсѣять существовавшихъ въ то время противъ нея предубѣжденій.

Л. С. Л.

П. Тутковскій. Юго-западный край. Популярные естественно-историческіе и географическіе очерки. Вып. I 1893. Кіевъ.

Названная книга представляетъ сборникъ статей, напечатанныхъ въ различное время въ видѣ фельетоновъ въ газетѣ «Кіевское Слово» и въ журналѣ «Наука и Жизнь». Издавая ихъ отдѣльной книжкой, авторъ имѣлъ въ виду, какъ говоритъ въ предисловіи, вызвать интересъ къ изученію нашего отечества и побудить мѣстныхъ жителей къ собиранію данныхъ въ этомъ направленіи. Книга содержитъ 17 статей изъ которыхъ болѣе половины касаются природы здѣшняго края, таковы: 1) кіевскій мамонтъ, 2) кіевскій янтарь, 3) южно-русскіе овраги, 4) минеральныя богатства юго-западнаго края, 5) петрографическій музей въ Кіевѣ, 6) фосфоритовыя копи, 7) медоборскія горы, 8) кременецкія горы, 9) артезіанскія воды Кіева и юго-западнаго края и ихъ значеніе.

Въ этихъ статьяхъ авторъ въ живомъ изложеніи знакомитъ читателя со многими вопросами, касающимися геологіи здѣшняго края, иногда имѣющими важное практическое значеніе.

А.

есть берегти отъ таковихъ невѣстъ, а барзѣй отъ старихъ бабъ оное теченіе имѣючихъ, зъ которихъ тѣла особливая происходитъ ядовитость.

Обѣдалисмо зъ сестрою Уляною Івановною, а панѣ поехала въ Новодѣвичее. По обѣдѣ, ездилемъ до архиерея Новогородского и позно пріехалъ въ свою квартеру.

Пятокъ. 11. Сегодня жол.(?) 100 отдалъ, а бѣл.(?) 233 и 2 зол. (?) а притчи Соломонови окончивши(?) 287, опрочъ красних, налѣчилъ [1]). Были у мене Максимовичъ, Антоновичъ и Чуйкевичъ [2]).

Субота. 12. Сегодня день рожденія его величества праздновали, и мы рано былисмо у князя Василія Влад. Долгорукова и графа Головкина. Обѣдалисмо у панеи; у вечеру зъ Гамалѣею ездилемъ въ слободу нѣмецкую и назадъ повернувшись, пріехалемъ зъ братомъ въ свою квартеру.

Недѣля. 13. Службы Божой слухалемъ у коллегіумъ и проповѣди, а обѣдалисмо зъ род. и зъ панею у Николая Бутурлина; оттуду заездилемъ до Курбатова.

Понеделокъ. 14. Обѣдалисмо у себе и нѣкуда не ездилемъ.

Вовтор. 15. Былемъ у колегіи рано и получивши писмо отъ жени зъ Глухова 5-го октовр. писанное, черезъ канцеляризту иностранной колегіи, увѣдомилемся, что панъ гетманъ пріехавши въ Глуховъ 1-го октовр. 5-го, велѣлъ отобрать старшинѣ городовой въ вѣдомство ратушное село мое Сварковъ, для чого и козаки, ездячи по селу, приказовали людемъ, чтобъ они впредъ двору моего не слушали. Да тогда жъ получена вѣдомость о публѣчномъ его гетманскомъ въ Глуховѣ шествіи и что билети подкуренние на паперѣ печати гетманскія, давани были въ Глуховѣ, кому имѣть входъ въ церковь Николая и кому нѣтъ. Далемъ Вѣжевскому на росходъ 21 р.

---

[1]) Приведенныхъ выше сокращеній мы не можемъ объяснить.

[2]) За симъ слѣдуютъ дальнѣйшія выписки, очень обширныя, изъ Буддея и другихъ авторовъ, которыя мы опускаемъ, находя, что приведенныхъ выше—совершенно достаточно для знакомства съ литературнымъ языкомъ учениковъ кіевской академіи перв. пол. XVIII в.

Середа. 16. Принималемъ лѣкарство пургуючое, mixturam 100 капель, зъ которой дѣйствія имѣлемъ столцевъ 14, черезъ 5 годинъ и одно vomitorum. Composio toto: Rp. R. ttr. Ebix. prop. par. a͞a ʒi. ess. or. aper. ʒβ. resina jalapp. ʒi mane in vino ungarico.

Четвер. 17. Сегодня праздновалисмо тезоименитого род. и обѣдали у панеи зъ сестрою и п. Петровою Апостоловою. По обѣдѣ ездилемъ до Миклашевского и тамъ посидѣвши, пріехалемъ позно въ свою квартеру зъ Петромъ Мировичемъ.

Пятокъ. 18. Далемъ Александру Лесицкому чоботи черкескіе чорніе. Окончилемъ объ атеистахъ Буддеовой бесѣди суммахъ.

Субота. 19. Сегодя рано былъ я у Петра Апостола, которій указомъ монаршимъ зъ тайного вер. сов. пожалованъ полковникомъ . . . . (Лубенскимъ?) и оному велено жалованне государево давать, зъ іностранной коллегіи, по рублю на день, и жалѣлся ему за отнятіе села моего Сваркова и онъ обявилъ, что писалъ о томъ въ Глуховъ. Поехавши оттуду, заездилемъ въ колегію иностранную и пріехавши до панеи, тамъ обѣдалемъ. У вечеру былъ у мене Гамалѣя и посидѣвъ, отехалъ.

Неделя. 20. Сегодня рано былисмо зъ род. у Курбатова и фелтмаршала князя Долгорукова. Служби Божой слухалъ я у Богоявленскомъ, а у Спаса проповѣди. Обѣдалъ у панеи; по обѣдѣ, заехалъ до Івана Гамалѣи и тамъ зъ протчіимъ сидѣлъ, и до позна просидѣлъ. Войтъ Роменскій Андрей Павловъ отехалъ зъ Москви въ домъ свой.

Понеделокъ 21. Пріехалъ Казѣмиръ слуга род. передомъ и увѣдомилъ о припроваженихъ коняхъ и товару съ нимъ и съ Алексѣемъ, и писма мнѣ вручилъ, отъ родителки, отъ сестри, зъ присилкою двохъ хустокъ, и отъ жени съ приложеннимъ реестромъ коней припроваженнихъ 17, зъ тимъ что у войску два. Такожъ и двѣ барилцѣ водки сливянки.

Вовтор. 22. Сегодня праздновано явленіе икони Пресвятой Б-ци Казанской, а я обѣдалъ у панеи. А по обѣдѣ пріехалемъ домой и были у вечеру Валкевичъ и Яковъ Мировичъ.

Середа. 23. Сегодня Николай Бутурлинъ былъ у насъ и принялъ кобилъ родителскихъ припроваженнихъ за 60 р. пять, а шестую подаровано, всѣ чорніи. Обѣдали сами у своей квартерѣ и Мировичъ. Купилемъ себѣ футро сѣбирковое неподлое за 5 р. зъ полтиною.

Четверъ. 24. Заездилемъ въ колегію іностранную и тамъ съ полковникомъ прилуцкимъ посидѣвши, пріехалемъ до панеи и тамъ зъ сестрою всѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Миклашевского, оттуду заходили до Гамалѣи и пріехалемъ позно въ свою квартеру. Петръ Петровичъ Толстой, бывшій полковникъ нѣжинскій, померъ год. около другой съ полдня, зъ причини такой, что онъ питтемъ излишнимъ водки повредилъ себѣ легкое и нажилъ епилепсію; оставилъ жену и двохъ синовъ Александра и Івана, и дочь Анастасію [1]). А якъ получена сія вѣдомость тутъ въ Москвѣ, зъ Яковлева, то туда панѣ зъ сестрою заразъ и поехали.

Пятокъ. 25. Сегодня рано поехалемъ туда жъ въ Яковлево, на погребеніе умершого Петра Толстого, где засталемъ собственнихъ покойниковихъ туда пріехавшихъ, жену и дочерей Івана брата его, такъ же и Ртищева зъ женою.

Субота. 26. Сегодня пріехалъ архиерей Ігнатій, митрополитъ Коломенскій, архимандритъ Златоустовского монастира, Пахомій, бывшій економъ печерскій, и еще другихъ нѣсколко монаховъ и поповъ мирскихъ, и погребли покойника Петра въ церквѣ Яковлевской между сродственниками его, а после погребенія кушали всѣ и разехались, а мы тутъ зъ его сродниками ночовали.

Неделя. 27. Сегодня тутъ же, въ Яковлевѣ, обѣдалисмо, а по обѣдѣ нѣкоторіе зъ насъ розехались, и я пріехалъ въ Москву пятого часа, всой ездѣ моей, а по полудню шестого. Игуменъ Мгарского луб. монастира Иларіонъ Рогалевскій устроенъ архимандритомъ Донскимъ.

Понеделокъ. 28. Сегодня купилемъ овса 7 четвертей по 26 а. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ и погостивши у Кур-

---

[1]) См. о Толстомъ и его сыновьяхъ—Опис. Стар. Малороссіи, II, 15.

батова, повернулемся въ свою квартеру. Родителскихъ яловиць 16 продалось, за которіе взяли 60 р., но съ тихъ 5 р. пошлини. Архимандритъ Новоспасского монастира Ерофей преставился.

Вовтор. 29. Сегодня былемъ у графа и родитель безъ мене подалъ чолобитную на імя его величества написанную до рукъ графа Головкина въ своихъ обидахъ. Обѣдалисмо у себе, а подчасъ обѣда пріехалъ до насъ Николай Бутурлинъ зъ женою, которіе обѣдали у царевни Екатерини Івановни, затѣмъ, что день ея рожденія. А по обѣдѣ ездилемъ до архиерея новгород. и тамъ позабавившись, повернулся. Пошита мнѣ гусарка бейберековая и канавацовію кунтушъ подшитъ, за что кравцеви далемъ полтину. Морозъ сегодня великій былъ, якъ бываетъ въ декабрѣ албо въ генварѣ, и снѣгъ ишолъ.

Середа. 30 Сегодня былисмо зъ род. рано у Наумова, оттуду былъ я у панеи, пріехавшой зъ Яковлева и обѣдалемъ у себе.

Четвер. 31. Сегодня рано ездилисмо въ слободу нѣмецкую до Остермана барона и не бувши у его, затимъ что заболѣлъ, по совѣту секретара его Сергія Іллѣча повернувшись, и я заехалъ въ коллегію іностраннихъ дѣлъ, а оттуду до панеи, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Миклашевского и Івана Гамалѣи, и тако повернулемся въ свою квартеру.

М-цъ Ноеврій. Пятокъ. 1. Сегодня рано ездилисмо зъ род. въ слободу и были у барона Остерманна, которій что затрудненъ былъ экспедицѣею къ его величеству, того ради секретаръ казалъ намъ быть завтра, и тако мы повернулись назадъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 5 р. и въ реестрѣ записалемъ. Отъ панеи о сестрѣ (Толстой) составилемъ прошеніе до графа, и отослалемъ черезъ Федора.

Субота. 2. Сегодня обѣдалисмо у себе и никуда не ездилемъ. Писалемъ писма въ домъ черезъ слугу Желяза, а именно: до жени два листи, въ одномъ пунктами предложилемъ, чтобъ увѣдомила мене черезъ его жь Желяза, а именно, о Сваркову, о Сухоносовцѣ, о Калюжновскомъ футорѣ, о Сухѣ(?) Перервинцяхъ, о футорѣ Криворудскомъ, о тютюнѣ; а въ другомъ писалемъ о присилцѣ сюда

штофу зъ бѣлими квѣтками, такъ же око тютюну и 5 барилець водки алембиковой, до родителки зъ подякованнемъ за писмо оя и и Олесино и хустки и о Григор. Скридловскомъ; до Количова, поздравленіе; до брата п. Семена тожъ; да до жени жъ писаломъ о робленню горѣлки чтобъ не переставало.

Неделя. 3. Сегодня рано былисмо у Наумова, князя Долгорукова, фелтмаршала, а у панеи обѣдалисмо; по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Миклашевского и Івана Гамалѣи, и съ ними посидѣвши и въ клавиковди погравши, повернулемся назадъ во свою квартеру.

Понеделокъ. 4. Сегодня рано ездилисмо въ слободу нѣмецкую а были въ Андрея Івановича барона Остерманна, которому род. подалъ доношеніе на імя государево о своихъ нуждахъ написанное. Жена Александра Бутурлина, а дочь князь Мих. Вих. Голѣцина, преставилась.

Вовтор. 5. Сегодня рано ездилъ я въ колегію іностран., а обѣдалъ у панеи. По обѣдѣ былъ у пана Якова Лизогуба и въ свою квартеру позно пріехалъ зъ Валкевичемъ, которій посидѣвши у насъ и погравши въ дами, отехалъ.

Серда. 6. Сегодня рано ездилемъ въ лавки, где купилемъ блюдо зъ кришкою за 40 а., окропникъ, чили кофейникъ мѣдній, за 15 а., рукомойникъ за 2 гривни и блюдо до рукомойника мѣдное, за 41 а. и 2 д. Обѣдалемъ у панеи, где обѣдалъ и Петро Мировичъ.

Четвер. 7. Сегодня рано заездилемъ въ колегію іностр., а обѣдалемъ у панеи. Александеръ Поповичъ пріехалъ зъ Глухова и подалъ мнѣ писмо отъ жени 28-го октовр. писанное, зъ Глухова, о томъ, что село наше Сварковъ п. гетманъ по плачевномъ ея суплѣкованню къ нему, привернулъ назадъ въ подданство. Да особливе получилемъ писмо отъ п. Михайла, въ якомъ ознаймуетъ, что по словесним ъ вѣдомостямъ дается чути тое, будто судно мое, на которомъ люде наши пойшли въ Гилянь зъ Анстраханѣ, викинуло сгдесь на берегъ, изъ людей одинъ . . . . (?) въ цѣлихъ осталея, а протчіе отъ татаръ плѣнени или порублени. Да особливе жъ еще получила панѣ вѣдомость зъ Глухова, что Семенъ Лизо-

губъ [1]) виправилъ грамоту еще въ мартѣ до п. гетмана, объ отданню ему маетностей и протчего недвижимого имѣнія, приданного будто за тещею его, первою женою покойного ясневелможного, да объ ученню слѣдствія и составленіи мнѣнія по покойномъ гетману оставшагося, которой дочери—оной ли Семеновой или Уліяни меншой (Толстой) надлежитъ.

Пятокъ 8. Сегодня рано былъ я у панеи, а службы слухалъ у соборѣ болшемъ, и оттуду въ свою квартеру повернулся. Вѣжевскому на расходъ долемъ 5 р. и записалемъ.

Суббота 9. Сегодня по службѣ Божой, которой слухалемъ у церкви близъ панеи двора, обѣдалемъ у панеи жъ, а по обѣдѣ заехалемъ до минѣстра Наумова и тамъ игралемъ въ карти зъ проиграшомъ рубля. Федоръ Магвѣевичъ графъ Апраксинъ, генералъ адмиралъ, преставлялся въ ночъ противъ завтрійшного неделного дня, зъ пухлини залитъ [2]).

Неделя. 10. Сегодня рано былиемо зъ родителемъ у князь Дмитрія Голѣцина, а оттуду ездилемъ на службу до Заиконного Спасского монастира, откуду ездилемъ до Григорія Герцика [3]) и тамъ зъ род. и многими нашими старшинами обѣдалисмо, понеже былиемо отъ него прошенни на актъ весалній, отправовавшійся дочери его сегодня. Оттуду заездилемъ до Петра Апостола, гетманича, и пріехалемъ поздно въ свою квартеру.

Понеделникъ 12. Сегодня далемъ Мировичу Якову рубля. Григорію Герцику позичилемъ 5 талярь битихъ, а 5 рублей цѣлникъ черезъ руки Якова Мировича, за чимъ приходилъ просить синъ его меншій. Вѣжевскому на расходъ далемъ 4. Алексѣйцеви далемъ 2 р. на кожухъ и каѳанъ свой отласовій зелений. Пявки приставлялъ я къ гоморроидамъ. Черезъ Веляминова первий рекурсъ до панеи отъ князь—Вас. Влад. Дол. о сестрѣ [4]).

---

[1]) Женатый па дочери гетмана Скоропадскаго отъ перваго его брака.

[2]) Т. е. умеръ отъ водянки.

[3]) Сынъ полтавскаго полковника Павла Герцика. См. о немъ Кіевск. Старина 1883 г., № 3.

[4]). Рѣчь идетъ о сватовствѣ вдовы Толстого, Ульяны Ивоновны, за племянника Долгорукаго. См. ниже, число 19-е.

Вовтор. 12. Сегодня не ездилемъ никуда, а обѣдалисмо у себе сами и съ нами Мировичъ Яковъ [1]).

Середа 13. Сегодня обѣдалисмо у панеи, где обѣдали и ігуменія новодѣвичого монастира, загостившая до панеи зъ нѣкоторыми монахинями; а я по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и пріехалемъ позно въ свою квартеру.

Четвер. 14. Сегодня рано былисмо у фолтмаршала князя Долгорук., обѣдали у панеи, зъ Жураковскимъ, княгинею Одоевскою и Наумова, у вечеру быломъ у п. Якова Лизогуба, где и долго посидѣлемъ, и пріехалемъ позно въ свою квартеру, и тутъ вечералемъ. Старшій Горленко сказывалъ, будто минѣстромъ въ Глуховѣ при гетману опредѣленъ генералъ маіоръ Леонтіевъ.

Пятокъ 15. Сегодня былъ у мене рано порутчикъ інженѣрскій, отправляющійся въ низовий курпусъ, и зъ нимъ кондукторъ, опредѣленний въ Дербентъ, которіи просили о Чугутову зъ своею о немъ рекомендацѣею [2]).

Субота 16. Сегодня рано былисмо у Степана Лукича Веляминова, а оттуду у панеи, где и обѣдалисмо, потомъ ездилемъ до Курбатова и посидѣвши, повернулемся въ свою квартеру.

Неделя 17. Сегодня службы Божой слухалемъ у колегіи училищномъ, а обѣдалемъ у панеи, куда на обѣдъ пріехалъ Николай Бутурлинъ зъ женою. Слишно стало, что сестриця его величества государиня Наталія Алексѣовна болна зѣло на сухоти и оную приговорили доктори послѣднимъ симъ лѣкарствъ лѣчить, чтобъ ссала зъ грудей молоко женское Бутурлинъ сказивалъ.

Понеделокъ 18. Вѣжевскому на расходъ долемъ 6 р. Дворецкого Каратаева человѣку далемъ зосталне за часи 6 р., итого 56 р.

Вовтор 19. Сегодня составлена паней чолобитная о купленнихъ ея грунтахъ при Коропѣ имѣющихся чтобъ имъ при ней оститься. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ пріехалъ Степанъ Лукичъ Веляминовъ до панеи зъ прошеніемъ, чтобъ она пріехала до князя Долгор. фелтмаршала, куда ездила панѣ и увѣщователни.

[1]) Засимъ слѣдуетъ выписка изъ библіи.

[2]) Слѣдуетъ выписка изъ „Стефана Хѵвѣна".

чула разговоръ о сватбѣ дочери ея, за племѣнника его къ Юр. (?). Ездилемъ до Курбатова и посидѣвши пріехалемъ позно въ свою квартеру.

Середа 20. Сегодня ездилемъ рано до графа Головкина и не улучивши времени, пріехалемъ до панеи и тутъ обѣдалемъ. Вѣжевскому въ росходъ далемъ 5 р. и записалемъ.

Четвер. 21. Сегодня рано былисмо зъ род. у князя Дмитрія Голѣцина и графа Головкина, а ездили санками, понеже мало снѣгу припалу, а морози нѣсколко денъ лютіе саміе. Обѣдалисмо у панеи, куда по обѣдѣ у вечеру пріехала Вевяминова жена и просидѣлисмо долго, и тамъ я вечералъ.

Пятокъ 22. Сегодня тожъ рано я билъ у графа Головкина и поворотясь не съѣздя, билъ въ своей квартерѣ, где посѣщали мене Тернавскій и Гамалѣя. Купилемъ футро бѣлковое за 40 а., да панчохи шерстяніе бѣліе за 2 гривни [1]). Сестрица государя нашего государыня Наталія Алексіевна преставилась 8-го часа пополудни зъ чехотной болезни; имѣла лѣтъ 14 возраста своего.

Субота 23. Сегодня рано ездилемъ до графа Головкина и не получивши видѣть его, за вчорайшою скорбію, поехалемъ до панеи и обѣдалемъ тамъ же, а по обѣдѣ ездилемъ до Степанова о сестрѣ просить, которій сказалъ, что есть склонніе господъ минѣстровъ къ свободѣ ея. У вечеру билемъ у архиерея Новогородского, где и архимандритъ Крулѣкъ былъ, и тутъ былъ разговоръ о сентенцѣи картезіяновъ, всякое чувство отъ животнихъ всѣ отоймаючой, а толко единому человѣку, имущому умъ причитаючой, будто чувство безъ ума не можетъ быть, и тако оніе животніе автоматами називаючой, а въ разговорѣ было тое, что оное мнѣніе Картезія есть некрѣпкое, ибо явственно споритъ противъ повседневнихъ екпериментовъ, по которихъ видими диковинніе животнихъ поступки, которимъ безъ чувствій и безъ памятствованія (якое Картезій чувствомъ називаетъ) не возможно бить. Такъ же о существѣ духа разсужденіе было, что не въ самомъ помишленіи оного

---

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ „Хаввѣна“.

духа существо содержится, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы, же не вѣдаемъ, должни признать и съ такого разружденія мощно нѣякійся видъ дебелого и весма скудного помишленія животнимъ наричесть, однако жъ оного безсмертнимъ назвать невозможно, а какое оно есть—неизвѣстно, для того, что не толко духа, но и тѣла существъ не знаемъ, и отъ незнаемой вещи знаемую утверждать невозможно, развѣ вопреки.

Неделя 24. Сегодня былъ я у службѣ Божой въ Богоявленскомъ монастиру, а у Спаскомъ предикъ слушалъ нѣякогось Хмарного, у хмару, якъ приказують, знать по оной заходячого. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и Курбатова и позно пріехалемъ въ свою квартеру. Его величество переехалемъ зъ слободи въ Кремль.

Понеделокъ 25. Сегодня обѣдалемъ въ дому, и увесь день пробавилемъ не виездя.

Вовтор. 26. Сегодня ездилемъ до графа Гаврила Івановича и челобитніе панеи двѣ, одно въ дѣлѣ Лизогубовой, а другое о грунтахъ купленнихъ, при Коропѣ имѣючихся, отдалемъ. Обѣдалемъ у панеи и пріехалемъ въ свою квартеру. Купилемъ двѣ штучки китаю чорного за полтора руб. и люльку (трубку) рѣзанную за 10 а.

Середа 27. Сегодня обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до Дементія Прохоровича и тамъ зъ Александромъ у лазнѣ мился. Тамъ-же, въ разговорѣ, слишалъ, что послѣдній городъ россійскій до Китайского государства идучимъ, есть именуемий Селенga, до которого съ Тоболска разними рѣками, водою, доходятъ, а отъ оного уже приспособившись на телѣги и на харчъ на 12 недель, а найменше на 6 идутъ степами до стѣни китайской, по тамошнему називаючейся калgанъ, где перечотомъ пущаютъ людей а найболше до 240 человѣкъ, руских, и отъ стѣни въ 7 албо въ 8 денъ поспѣваютъ до столѣчного китайского города Пекѣна, который великостю своею будетъ зъ Москву, а протчіе города велми густо по дорогамъ суть, такъ что чрезъ 30 верстъ 5 городовъ биваютъ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 4 р. и записалемъ.

Четвер. 28 Черезъ Александра Поповича писалемъ въ домъ до жени поздравленіе, такъ же и до п. Михайла Скор., и оніе писма послалемъ до рукъ пана Петра Апостола, черезъ Скридловского. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ панѣ поехала въ Яковлево, до сестри Уляни Івановни, а я заехавши до Миклашевского, тамъ просидѣлемъ доволно, играючи въ карти безъ проиграша.

Пятокъ 29, Сегодня родитель, бывши у князь Долгорукова фелтмаршала, подалъ прошеніе на имя его написанное о своихъ нуждахъ и что объ оныхъ подалъ чолобитную въ колегію иностр., а я не выездилъ зъ дому. Герцикъ присилалъ зъ Алексѣйцемъ моимъ своего старшого сина, присяги о виждание грошей 10 р. до пріидучой неделѣ [1]).

Субота 30. Сегодня рано ездилемъ до Богоявленского монасира, где службы Божой слухалемъ, а по службѣ обѣдалисмо у себе. Іоаннъ Чарнишъ, судія енералний, преставился передъ полуднемъ, зъ поврежденнихъ внутренностей, где Александеръ Левицкій его сундуки, позносивши на гору, своею печаттю позапечатовалъ, куда и ми зъ родителемъ, и многіе зъ нашихъ малороссіянъ, пріехали, а оставивши тамъ Матвѣя, панеи слугу, и нашихъ двохъ, Скридловского и Семена Цилюрика, для лутшой певности, и надъ тѣломъ священниковъ читаючихъ устроивши, поехалисмо родитель передомъ, а я после зъ Александромъ [2]).

Декавр. Неделя 1. Сегодня рано ездилисмо, оба зъ родителемъ, до преставлшогося Іоанна Чарниша, а въ монастиру Новодѣвичомъ службы Божой вислухавши, повернулисмося въ свою квартеру, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова отъ панеи, и тамъ мало позабавивши, пріехалемъ въ свояси. Герцикъ, позичившій у мене 5 таляр. битихъ да 5 рубліовиковъ, прислалъ 5 р.

Понеделокъ 2. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріездилъ до насъ Николай Бутурлинъ и обявилъ намъ о брату Марку, что парукъмахеръ Наумова, именемъ Онисимъ, пяній, привязав-

---

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ „Хаввѣна".

[2]) Тоже, слѣдуетъ выписка.

шись до него на площадѣ, подъ караулъ привелъ, откуду оба въ гварнѣзонную канцелярію приведени и парукъмахиръ скованъ, зачимъ я бувши у Наумова зъ канцеляристою его Смирнимъ, ездилемъ до полковника Коробова объ висвобоженню братовомъ, и тамъ толко тотъ приказъ, чтобъ ему брату особливую избу опредѣлено зъ респектомъ получивши, былемъ у его брата потрете уже, и заехавши до Наумова, пріехалемъ въ свояси. Панѣ гетманова, тетка моя, пріехала зъ Яковлева въ Москву для погребенія приставлшогося Чарниша [1]).

Вовтор. 3. Сегодня рано поехавши въ канцеллярію гварнѣзонную зъ Артѣлнимъ Іваномъ, висвободилемъ брата Марка на росписку Артѣлного. Покойникъ Іоаннъ Чарнимъ, судія енералній, погребенъ въ монастиру Новодѣвичомъ, въ болыпомъ склепу, подъ великою церквою къ трапезѣ стоячимъ, где и многіе зъ високихъ фамилѣй погребаются. При погребеніи его била панѣ зъ нами и многіе зъ малороссіянъ нашихъ, а отъ чина духовного архиерей крутицкій Леонидъ, архимадритъ Берло и проч. По погребеніи, обѣдали у квартерѣ покойника духовенство все, а по обѣдѣ разехалися всѣ, и по розездѣ Александръ, слуга панеи, зъ отцемъ Василіемъ, позапечатовавши сундуки, побрали зъ собою до двора панеи 3 сундуки, чили скринки и 3 шуби.

Середа 4. Сегодня обѣдалисмо у панеи зъ Тернавскимъ, а по обѣдѣ билемъ у Андрея Миклашевского, Якова Лизогуба, и въ свою квартеру пріехалемъ.

Червер. 5. Сегодня рано ездилемъ до доктора Бидлова и ускаржалемся ему на боль въ палцяхъ руки правой, такожъ на безсиліе въ передержанню урини и въ болю моемъ гипохондріячномъ пускать ли часто кровь, совѣту искалемъ, на що въ резолюцію получилемъ, лѣчить руку, тручи горячимъ спѣритусомъ и въ ономъ доволное время держати. О другомъ отложилъ на теплѣйшое время къ лѣченію и сказалъ, что тое отъ слабости нѣкоторого мускула, при пенхержу мѣючогося, происходитъ, а третее—позволилъ

[1]) Чарнышъ былъ женатъ на дочери гетманши Скоропадской, отъ перваго ея брака съ Голубомъ.

привювши въ прикладъ и себе, часто велми зъ своихъ жилъ кровъ пускаючого. Купилемъ старіе сани за рубля. Сестра Уляна Івановна пріехала въ Москву зъ дѣтми своими, зъ которою у панеи обѣдалисмо, а по обѣдѣ пересмотрували рѣчи покойного пана Чарниша въ двохъ скриняхъ, а въ третей шкатулцѣ обрѣтаючіеся, и попереписавши, закрѣпили той реестръ Тернавскій и отецъ Василій.

Пятокъ 6. Петръ Курбатовъ просилъ родителя и мене къ себѣ на кушание и другихъ, где я не билъ, а родитель съ протчими кушалъ. Якову Мировичу на еко тютюиу тур. далемъ полтора руб. [2]).

Субота 7. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а не ездивши никуда повернулемся въ свою квартеру.

Неделя 8. Сегодня службы Божой слухалемъ у Спаса святого и тамъ предики слухалемъ же, а обѣдалемъ у Курбатова зъ Штишевскимъ [2]) и подполникомъ Батуринымъ, и подпіяхомъ.

Понедел. 9. Сегодня службы слухалисмо зъ род. у Богоявленія, и обѣдали у панеи, по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и просидѣлемъ, играючи въ карти зъ выиграшомъ.

Вовторникъ 10. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ род., а по обѣдѣ ездилемъ въ колегію иностр. и до панеи, где служителю генерала Чарнишова Антону, по картѣ покойника пана Чарниша, заплачено его долгу 230 р , а въ закладъ прибавлено табакерку и еще щось, панюй саплатившой тіе денги. Ездилемъ до Валкевича, где съ нимъ и зъ Артѣлнимъ игралемъ въ карти зъ виграшомъ.

Середа 11. Сегодня ездилемъ рано въ колегію, а оттуду ездилемъ зъ Андреемъ Миклашевскимъ и другими до двора адмиралского видѣти адмирала покойного, и видѣли въ церемонѣялномъ уборѣ лежачого, а именно где лежалъ—саля болшая чорнимъ оббитая и окна завѣшени; онъ въ катафалку лежалъ, надъ нимъ болдахинъ сребромъ по аксамиту вишитий зъ его гербомъ и трома кутасами болшими сребраними зъ одной сторони, а зъ другой трома

---

[1]) Засимъ слѣдуетъ выписка изъ „Хаввѣна“.

[2]) Мартынъ Штишевскій—есаулъ Гадяцкаго полка.

жъ висячими. Тѣло лежало въ трунѣ оксамитомъ чорнимъ оббитой пузаментомъ широкимъ бѣлимъ, руки въ палчаткахъ бѣлихъ, покрито зъ верха богатого золотою матеріею, округъ гроба свѣчъ зъ десятокъ горѣло, по сторонамъ гроба обоимъ, на подушкахъ, лежали кавалеріи обѣ святого Андрея апостола и Александра Невского, шпада зъ притупеемъ, на вкрестъ остроги, два уборовъ железнихъ, завомихъ гробовіе кавалери, рукавици желѣзніе, шишакъ, а у ногъ палка правителская, золотою матеріею обшитая, оподаль на палкахъ чили столпчикахъ, чорнимъ сукномъ обшитихъ, около десятка стояло гербовъ придѣланнихъ флота россійского, а при томъ всемъ—два гранадѣри по обоимъ сторонамъ у гроба стояли, и близъ голови Евангеліе читанно; въ дворѣ цѣлая рота гранадѣрская стояла на караулѣ. Обѣдалемъ въ дому зъ родителемъ и Валкевичемъ, а по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и тамъ просидѣли, забавляючись въ карти зъ моимъ выиграшомъ.

Четвер. 12. Сегодня, въ часу десятомъ передъ полуднемъ, провожено тѣло покойного адмѣрала графа Апраксѣна отъ дому его въ монастиръ Златоустовскій, на погребеніе, таковимъ порядкомъ: сперва проважена артилерія, въ которой било пушекъ болше десятка, потомъ ишла гранадѣрская рота Семіоновского полку и за нею полки, а заключала оніе гранадѣрская жъ рота Преображенского полку, потимъ ишли солдати, по обоимъ сторонамъ зъ свѣчами, а серединою; первей, служители покойного по пари, въ плащахъ долгихъ чорнихъ, а за ними діакони, попи, игумени и архимандрити, и архіереи, несли три кавалери на подушки акеамитной вишневой остроги, а за ними другіе три—кавалерію красного банта, ехалъ кавалеръ ґробовий въ железѣ, а потомъ другій ишолъ пѣшій въ железѣ жъ, несено кавалерію, тожъ на подушки, синего банта, а потомъ передъ гробомъ несено жъ такимъ же порядкомъ палку правителскую, золотою матеріею обшитую, и по обоимъ концамъ блакитною лентою пообвязанную. Напередъ тѣхъ клейнотовъ ведено конѣ дорогими чапраками приодѣтіе, съ которихъ на одномъ, по обоимъ сторонамъ, вмѣсто сѣдла герби россійского флота зъ гербомъ покойниковимъ пришити били. Такъ же за конми несено флаги

флота россійского чорнимъ перевязаніе, гробъ оббитий билъ чорнимъ аксамитомъ, которій везли шесть лошадей въ капѣ убраннихъ а надъ гробомъ болдахинъ (о которомъ вчера упомянулемъ); за гробомъ ишли минѣстри и многіе изъ знатнихъ лицъ, въ опанчахъ долгихъ чорнихъ и въ капелюшахъ, долгими крепами чорними перевязаннихъ, а потомъ каретъ нѣсколко чорнообшитихъ ишло, и тако окончилась церемонія въ походѣ, а въ монастирѣ Златоустовскомъ по погребеніи и предикѣ архиерея Новогородского, трижди палбу отправляли полки шедши, опрочъ пушечного стреляня, съ которихъ на болванкахъ во время походу перерывцемъ стреляно до пренесенія на мѣсто. Укладъ отъ покойника въ монастиръ тотъ, где погребенъ, определенъ повсегодно по сто рубліов, отъ того хто наслѣдникъ недвижимимъ имѣніемъ останется. Несила мене лошадь и обернувши, руку правую наразила болно, для чого кровъ пускалемъ зъ головной жили.

Пятокъ 13. За приключившоюся болѣзнію нѣкуда я зъ квартири не отлучался. Вѣжевскому на росходъ далемъ пять рублей денегъ. Слишно, что указъ публѣкованъ—зъ фанарами всѣмъ ездить ноччу, а безъ фанаровъ нѣкому, кромѣ ближайшихъ двору—государева да цесаревни, и для того онимъ зъ бѣлими, и симъ зъ чорними попонами ездить позволено. Для тое же слабости нѣкуда зъ квартири не ездилемъ.

Неделя 15. Не ездилемъ никуди, а обѣдалемъ въ квартирѣ нашой зъ попами, Сидоромъ Житянскимъ и Іваномъ Рогѣнскимъ, которіе тутъ содержатся въ дѣлѣ попа Лозовского. Пріехалъ слуга родителскій Желѣзо зъ Ромна, сюда въ Москву, съ писмами, зъ которихъ числа и мнѣ вручилъ нѣкоторіе, отъ родителки зъ поздравленіемъ, отъ шваgра пана Якова Полуботка въ такой же силѣ, а отъ жени зъ извѣстиемъ о домашнемъ поведеніи, что челобичикъ зъ Смоленска Лярскій, повѣренний отъ Швайковского, показался на насъ за Сиваковъ оного крестянъ, за которихъ претендуетъ на четири тисячи восѣмьсотъ рублей и болше, и что оное дѣло по ласце гетманской отсрочено до моего повороту, а при листѣ

принялемъ привезенніе двѣ пари кошуль и штофу квѣтчатаго на портище [1]).

Понеделокъ. 16. Сегодня, до прежней болѣзни, двѣ бѣди прилучились, а именно: кашель съ хрипотою и чадъ головний; для чаду по двору безъ шапки ходилъ и прездждался, и будто тимъ мало оного поотбувъ, да тимъ же самимъ кашель и хрипоту умноживъ. Ездилемъ въ слободу нѣмецкую и тамъ былъ въ дворце государствомъ, где г. Наумовъ представлялъ мене, зъ братомъ Маркомъ, до тѣла преставлшойся покойной государини великой княжни, и первой увойшли мы въ прихожую избу, налѣво огъ салѣ стоячую, всю чорнимъ обвишаную, а оттуду увойшли въ другую избу, где тѣло лежало, такъ-же чорнимъ позавѣшеную сквозь, где зъ дневалнихъ дамъ осми, четирехъ замужнихъ, а четирехъ дѣвицъ, една напередъ насъ ишла до тѣла, и открила лице и руку, а за нею мы къ руки приложились, прочле жъ дами около тѣла стояли, у головахъ два кавалегарди зъ обнаженними шпадами, и два свѣтилника болшихъ у головахъ, а два въ ногахъ сребранихъ; оттуду въ протчіе изби ходилисмо и видѣли спораждающійся уборъ на ту избу, где тѣло лежитъ, а именно сребраную суто матерію, на якой корону императорскую и другіе цвѣти вишиваютъ золотомъ и шовками французкіе майстери, а потомъ отехалисмо. Я жъ едучи оттуду, заехалемъ до панеи и тамъ доволно посидѣвши, повернулемся въ свою квартеру.

Вовтор. 17. Сегодня обѣдалисмо у п. Петра Апостола, гетманича, ради тезоименитства родителя его, Даніила Апостола, гетмана.

Середа. 18. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова, до панеи и въ колегіи бувши, читалемъ выписку дѣла нашего зъ Калюженками [2]). Продани 2 конѣ вороніе род. и мой за 53 р., нѣякомусь Медведеву [3]).

---

[1]) Запись 12, 13, 14 и 15 декабря сдѣлана чужою рукою, какъ видно, подъ диктовку Марковича, по случаю тому, что онъ правую руку „наразилъ“.

[2]) Слѣдуетъ выписка изъ философіи „о желаніи“.

[3]) Слѣдуетъ выписка „о отчаяніи„.

Четвер. 19. Сегодня рано ездилемъ зъ братомъ въ городъ и купилемъ у печатного двора псалтиръ со изслѣдованіемъ, болшой руки, за 2 р. и 10 а. да зъ Штишевскимъ и зъ Валкевичемъ ходилемъ въ болшую аптеку и купилемъ на мою въ персахъ тяжесть лѣкарствъ, а именно: . . . . (?) да . . . . gum. armen. αα ξι по полуполтини, да по совѣту Штишевского, еще loochsanum et expertum, золотникъ по 2 полушки, за 8 лотовъ 4 а. зъ копѣйкою. Оттуду поехавши, былемъ у квартерѣ его Штишевского и позичилемъ рускую книгу Мавроурбина, архимандрита рагузского, о славенского рода началѣ [1]). Получилемъ писмо отъ жени зъ прилогомъ писемъ Петра Михайлова и обидъ отъ Кодинця чинячихся.

Пятокъ. 20. Сегодня не ездилемъ никуда и полегкость въ себѣ ощутулемъ отъ вчерайшой тинктури gum. armor., которой капель 70 у винѣ випилемъ, также и отъ тинктури panch magig., которой капель 40 прinялемъ, имѣлемъ 1 sedes. П. бунчучному Лизогубови отослалемъ барилце вишневки, а баришнику дать казалемъ сивухи четвертную. Барометръ чили рачей термометръ новий, по інформацѣи Хаввѣна устроилемъ, а именно: трубочку долгую зъ банкою, которую весма злегка когда нагрѣвъ я, то срѣбра живого часть увойшла въ трубочку и по состояніи холоду болшого въ банкѣ, а меншого къ концу шійки подвигается оное сребро, очинь чувственно, чего ради оной термометръ названъ отъ мене thermometrum chawinianum.

Субота. 21. Сегодня всѣ три, родитель и мы оба, пріобщались с—тимъ Тайнамъ, обѣдалиу панеи, а по обѣдѣ ездилемъ въ слободу до Галанки Матвѣя Францевича, лѣкара, затимъ, чтобъ онъ пріехалъ до сестри болной.

Неделя. 22. Сегодня ране ездилемъ до Курбатова, поздравить его вчорашнимъ тезоименитствомъ, а оттуду заехалемъ до панеи, которая именинницею нинѣ, и тутъ пріймалемъ гостивших для тихъ именинъ, Горленка, Максимовича, Тернавского и Рощаковского, а панъ зъ родителемъ прошени были до Наумова,

---

[1]) Слѣдуетъ выписка „отъ Хаввѣна, о Богѣ"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
